

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Иван Константинов

СТАЛЬНАЯ БАБОЧКА

Ни покоя. Ни жалости. Ни любви.

«КРЫЛОВ»

Земля опустошена несколькими термоядерными конфликтами. Континенты превращены в выжженные пустыни, над которыми властвуют банды рейдеров. Немногочисленные безопасные крепости контролируются обитателями орбитальных станций, продающими технологии избранным.

Самая страшная банда движется из пустыни, грабя и убивая. На ее пути оказывается один из городов. Барон, правящий им, готов пойти на самые жесткие меры для обороны, а охраняющие его отряды наемников ничем не лучше обычных уголовников. Судьба забрасывает в город Би, загадочную воительницу, обладающую незаурядными боевыми навыками, и Мириам — казалось бы, обычную девушку. Вместе они спасают от рейдеров троих детей, знакомятся с Кейном, монахом и воином, а также завоевывают доверие могучего гладиатора Арго.

Им еще только предстоит узнать, что конфликт, в центре которого они оказались, грозит перевернуть весь мир, а рейдеры — далеко не самое страшное зло, с которым им придется столкнуться.

Иван Константинов

Стальная бабочка, острые крылья

Часть первая
Маски

Глава I

Интермедия I

Сантос проснулся еще до восхода.

Утро было холодным и мерзким, как и любое другое в пустыне. Болели сломанные когда-то кости бедра, и ветер нес с востока мокрый от росы песок. Сворачивая самокрутку с остатками дикого табака, Сантос смотрел на башни древнего города, проступающие в сумерках совсем рядом.

Город был громадным и таким же отвратительным, как это утро, да и вся жизнь Сантоса в этом глубоком рейде. Он докурил самокрутку, закашлялся и пошел будить свою восьмерку, которая не торопилась просыпаться.

Ему пришлось отвесить им несколько хороших пинков и пару раз прикрикнуть, чтобы заставить их шевелиться. Глубокая пустыня оставалась позади, и чем дальше, тем труднее становилось держать в узде его тигров. Они жаждали грабить и убивать, а не прятаться среди дюн, как песчаные еноты, и Сантос отлично их понимал... но на этот раз их работа заключалась в другом.

Кто-то из маленьких пленников поднял было вой, но его быстро успокоили тычком приклада. Завтракать не стали — время поджимало, маленькое радио, ожившее вчера на привале, четко сказало: «На рассвете».

Ангелы не любили ждать.

Они много чего не любили, и Сантос их ненавидел, но спокойно, как человек, на совести которого насчитывалось более трех десятков трупов. Ангелы были чуждой мерзостью, и он собирался играть с ними по своим правилам.

Пленников построили в шеренгу. Плакать больше никто не пытался, тот, которого Сантос показательно порезал на привале, умер ночью от потери крови, и его оставили лежать, присыпав песком. Двое тигров, Мак и Хулио, взяли ракетометы, и Сантос объяснил им их задачу. Это был шанс для них... Первая настоящая драка после двух недель рейда с оравой детишек на загровке.

Да еще и такая драка, после которой об их восьмерке заговорит вся Рука.

Двое ушли вперед и в сторону, скрылись среди развалин, а Сантос встал во главе шеренги. Кары, облегченные для рейда и блестящие металлическими внутренностями, оставили в лагере — дальше они все равно не прошли бы. Солнце медленно поднималось за городом, окрашивая красным его огромный силуэт. Наверное, кто-нибудь мог посчитать это зрелище красивым, но только не Сантос. Его глазам казались привлекательными совершенно другие вещи. Он сбросил куртку, и солнце коснулось его кожи, покрытой сложной вязью татуировок.

Отряд двинулся вперед.

Они шли среди развалин недолго — вчерашний лагерь разбили совсем рядом с местом предполагаемой встречи. Остатки низких зданий уступали здесь место серым плитам, присыпанным песком, и бетонное поле, изрезанное трещинами, прорастало каменными столбами с металлическими прожилками — следами древней арматуры. За ними Сантос впервые в своей жизни увидел корабль.

Наверное, он стоял здесь всю ночь — блестящая наклонная стрела с короткими крыльями, смотрящая в небо над городом. У Сантоса пересохло во рту... Корабль был

настоящим.

Ангелы тоже.

Их оказалось всего двое. Они ожидали между столбов, отсвечивающих на солнце синими жилами арматуры, — белые, огромные, в два раза выше человеческого роста... Их головы заканчивались острыми птичьими клювами, а узкие глаза отливали красным. Оружия у них видно не было, огромные руки пусты, но за ними, у корабля, возвышались груды металлических ящиков, хорошо знакомых рейдерам. Стволы, патроны, богатство... непредставимая роскошь. Сантос машинально проверил предохранитель на игольнике, потом взглянул на индикатор. Двенадцать бронебойных зарядов.

Рейдеры вывели пленников на поле и пошли по бетонным плитам. Ближайший ангел повел короткими крыльями и шагнул им навстречу:

— Сколько их?

— И тебе привет, — сказал Сантос.

— Сколько их? — Ангел говорил странно, чудно произнося слова, будто никогда не слышал нормального человеческого языка.

— Десять. Было больше, но трое ушли в расход.

— Я тебя не знаю.

— А я тебя, — нагло ответил Сантос. — Но детишки-то вам нужны, да? А то мы их тут положим и свалим спокойно.

Вблизи ангел оказался не таким совершенным. На белой броне проступали швы, шарниры, соединяющие фаланги пальцев, поблескивали, а красные линзы глаз казались сделанными из обычного стекла.

— Не надо. У нас есть оружие, гранаты, иглы...

— А сколько вас? — вдруг спросил второй ангел, и Сантос напрягся, как песчаная кошка перед прыжком.

— А ты сам не видишь? Шестеро нас.

— Так те двое не с вами? — Ангел указал огромной рукой в сторону ближайшего разрушенного здания.

Вместо ответа Сантос сорвал с пояса гранату, швырнул ее второму ангелу под ноги и кинулся на землю. Взрыв оглушил его, над головой взвыли осколки, засвистели игольники тигров — его люди открыли огонь. Все еще лежа, он смотрел, как отскакивают иглы от белой брони и как медленно летит ракета, запущенная из развалин.

Второй ангел шагнул ей навстречу и отбил рукой, прямо как мяч, но только те не взрываются, отскочив. Следующая ракета ударила первого ангела в спину, бросила на колени рядом с Сантосом, и рейдер спустил курок, всаживая в него обойму практически в упор.

Ангел, отбивший ракету, развернулся, его крылья раскрылись и вспыхнули плоскостями, усаженными стволами иглометов. По тиграм, оставшимся рядом с детьми, ударил металлический шквал — иглы вспороли песок, смешивая его с плотью и разрывая на части рейдеров вместе с пленниками, находившимися рядом. Ангел, оказавшийся возле Сантоса, обхватил его за пояс огромной рукой и встал. Сантос понял, что не чувствует ног, а ангел повернулся к развалинам, и с его крыла сорвалось что-то очень быстрое, оставившее дрожащий след в воздухе.

Здание, откуда летели ракеты, поднялось в воздух и вспухло огненным шаром.

И все закончилось. Оставшиеся в живых дети с криками разбежались по полю, а кровавые ошметки людей Сантоса исходили паром.

— Сколько детей? — спросил второй ангел.

— Восемь, — ответил первый.

— Используй парализаторы.

— Что делать с этой мразью? — Ангел приподнял Сантоса и встряхнул, словно куклу.

Второй ангел обернулся, но ничего не сказал — красные огоньки в его глазах сами по себе были ответом. В последние секунды своей жизни Сантос не чувствовал ничего, кроме ненависти к силе ангелов и к самому их существованию, так не похожему на все, что он когда-либо знал.

Первый ангел поднял его еще выше, потом швырнул на землю и растоптал.

I

Они появились на рассвете.

Мириам, как всегда по утрам, смотрела из окна на дорогу, идущую с запада. Последняя семья, бежавшая от рейдеров по этой дороге три дня назад, предупредила ее о возможной опасности, но Мириам им не поверила.

Ее маленький постоянный двор видел столько перепуганных беженцев за последние полгода, что их страх стал для нее чем-то вроде фона, белого шума, мешающего распознать их истинные лица и намерения. Тяжелые грузовики, кары и трейлеры, нагруженные вещами, появлялись и исчезали в ее одиноком мирке — где-то между старым колодцем, парой неказистых домиков, сложенных из листов ржавого железа, и забором, скрепленным колючей проволокой. Чужие люди проводили здесь на несколько ночей, а потом уходили, оставляя свой страх. Старые, молодые, совсем дети — все они бежали от прошлой жизни, с насиженных мест, всем им было что терять.

Мириам было всего шестнадцать, и она не боялась. Девушка не испугалась даже когда поняла, что облако пыли на дороге растет слишком быстро. Тяжелые кары, везущие женщин, детей и домашнюю утварь, не ездят с такой скоростью.

Утро было прозрачным и чистым, песок пустыни мерцал под солнцем. Мириам пошла на кухню и достала довоенный револьвер из жестяной коробки за плитой... большой и тяжелый. В барабане, как она помнила, оставалось всего три патрона.

Затем девушка вернулась к окну.

Облако успело вырасти в размерах, и Мириам четко различила машины — скоростные кары с открытыми двигателями и сверкающими на солнце пластинами брони. Она все еще не чувствовала страха, вообще ничего, только в памяти постоянно всплывали слова одной беженки: «Лучше умереть, чем дать им...»

Мириам не знала, хочет ли она умереть. Однажды ей уже случалось убивать, и сейчас она пыталась вспомнить, как правильно держать эту большую рукоять, чтобы отдача не сломала руку. Ей всегда казалось, что в моменты вроде этого люди чувствуют панический ужас и мечутся, пытаясь спастись. Но страх не приходил, только револьвер в ладони становился все тяжелее и тяжелее.

Две машины вырвались немного вперед, и экипаж той, что была позади, открыл огонь. Мириам увидела вспышку на носу кара, а затем ворота и часть металлического забора, защищавшего ее постоянный двор, разлетелись на куски. Когда первый кар проехал по обломкам и развернулся около колодца, она вдруг почувствовала, что ноги ее не держат. Это было неожиданно... никакого страха, просто колени подогнулись и она села в углу, у окна,

направив пистолет на дверь.

Время остановилось. Мириам слышала рев моторов, когда во двор въезжали вторая и третья машины, скрежет металла, хлопанье дверей в домиках, и пистолет внезапно стал невесомым. Она словно со стороны смотрела на свои руки и длинный ствол, направленный на дверь... когда та наконец распахнулась.

И Мириам поняла, что не может нажать на курок.

Появившийся в дверях человек, казалось, ее не заметил и прошел мимо — только мелькнули металлические лоскуты, нашитые на его кожаную броню, когда он одним движением распахнул шкаф и принялся выбрасывать из него вещи. Вторым рейдером, вошедшим следом, бросил взгляд на Мириам, и она уронила пистолет.

Его глаза были прозрачными льдинками на дочерна загорелом лице, влажными кусочками стекла, в них не осталось ничего человеческого. Он прошел на кухню, а Мириам внезапно поняла: умереть действительно было бы проще.

Она снова взялась за рукоять револьвера, и кто-то наступил ей на руку. Девушка смотрела на тяжелый ботинок с высокой шнуровкой и не могла поднять голову. Мириам должна была испытывать боль, но ее тоже не ощущала. Что-то подняло ее на ноги и сильно ударило о стену. Теперь перед глазами оказались исцарапанные пластины военного бронежилета, выкрашенные в черный цвет. От удара ее голова откинулась назад, и она почувствовала на своем лице дыхание третьего рейдера, насыщенное болью и смертью.

Затем что-то произошло. Взрвали моторы на улице, и комнату на короткое мгновение осветил неправдоподобно ровный фиолетовый свет — словно в окно заглянул прожектор из цветного стекла, вроде тех, что Мириам когда-то видела на ярмарке. В мгновение ока вспыхнули занавески, волна жара ворвалась в дом следом за рейдерами, и взрыв во дворе заставил затрястись тонкие металлические стены дома Мириам. Весь мир вздрогнул... Человек, который держал ее, разжал руки, но она осталась стоять, так же, как и рейдеры, глядя наружу. Пыль и жар ударили в двери и окна вместе с облаком пыли и закружились по комнатам, а следом за ними пришел еще кто-то.

В дрожащем воздухе Мириам увидела движение и блеск стали. Рейдер, выскочивший из кухни, отлетел к стене, отброшенный металлическим бликом, а тот, кто рылся в шкафу, вскинул руку с пистолетом. Кажется, Мириам моргнула, потому что в следующее мгновение кисть его руки вместе с оружием отделилась от тела и ударилась о потолок комнаты. Человек, держащий Мириам, оттолкнул ее, сделал шаг вперед, и тогда она впервые за долгие минуты почувствовала, что может двигаться.

Девушка кинулась ему на спину и вцепилась руками в горло, защищенное жестким воротом бронежилета.

Рейдер качнулся, и в воздухе снова мелькнуло лезвие, совсем низко, под ногами Мириам. Мир в который уже раз перевернулся. Она снизу смотрела на свою комнату, в которой провела столько дней, где все вещи были такими знакомыми и родными. Ее стены и потолок теперь были залиты кровью. Невысокая фигурка, не выше самой Мириам, добивала рейдеров — деловито, быстрыми взмахами длинного изогнутого клинка. У того из них, на котором лежала Мириам, была отрублена нога. Он пытался встать, издавая плачущие звуки, когда лезвие с отвратительным хрустом вонзилось ему в шею.

Затем убийца рейдеров взял Мириам за плечо и поднял на ноги одним резким движением, заставившим ее зубы клацнуть. У него были тонкие, но очень сильные пальцы, и прикосновение оказалось болезненным — первая боль, которую Мириам почувствовала в

это утро.

Она пробилась сквозь внутреннюю пустоту, заставила девушку вскрикнуть, поднять глаза на своего спасителя и обнаружить, что лица у него нет.

На Мириам смотрела уродливая маска из черного пластика, перевитого трубками, с несколькими клапанами для дыхания и несимметрично расположенными оптическими линзами. Рука в перчатке, лежавшая на плече Мириам, была армирована тонкими металлическими полосами, пронизывающими всю рубчатую обтягивающую броню этого странного существа.

— Можешь идти? — раздался бесполой механический голос.

— Могу, — ответила Мириам.

— Машина есть? — Существо в маске оглядело комнату, трупы и снова повернулось к девушке.

— Да, — ответила та.

— Тогда собирайся, я еду на восток.

Человек с закрытым лицом отпустил ее плечо и, казалось, утратил к ней интерес, принявшись обыскивать трупы. Мириам подошла к шкафу. Рейдер, рывшийся в нем, лежал теперь среди ее комбинезонов, курток, джинсов, платков — всего того, что надевала она последний год, что иногда оставляли ее постояльцы как плату за ночлег. Теперь все это плавало в крови. Рейдер не умер сразу, и существо в маске расплосовало его крест-накрест. Мириам снова почувствовала слабость в коленях, а затем ее вырвало прямо на труп.

— Хочешь взять что-то отсюда? — Незнакомец, сидящий за ее спиной на корточках, поднял пистолет рейдера и стряхнул с него отрубленную кисть.

Мириам не ответила. Она словно замороженная смотрела на ярко-желтый платок, пропитывающийся кровью у нее на глазах, просто вещь, принадлежавшую ей, одну из многих, которые у нее были.

Нет, теперь не было.

— Не хочу. — Мириам встала и сгребла все, что еще висело на полках в шкафу: пару курток, юбку и свитер.

Ее прежняя жизнь закончилась, и ей почти нечего было взять с собой — точно так же, как когда-то в прошлом, полтора года назад.

Бросив вещи на кровать, она завернула их в одеяло и скрутила в большой узел, потом вышла на кухню, ступая между лужами крови, и вынесла оттуда две коробки с личными вещами и медикаментами.

Человек в маске тем временем опустошил пистолет рейдера и зарядил свой собственный — небольшой черный игольник с широким магазином перед рукоятью.

— Очень хорошо, — сказал он, поймав взгляд Мириам. — У меня как раз закончились заряды.

Глядя, как незваный гость вешает пистолет на пояс и подбирает с пола свой страшный клинок, Мириам внезапно до конца осознала то, что заподозрила с самого начала. Существо в маске было женщиной, худой и узкобедрой, всего на несколько дюймов выше Мириам. Жуткий комбинезон почти не скрывал ее форм.

— Там есть еще вода и продукты, совсем немного. — Мириам подняла узел и коробки и смотрела, как женщина в маске вытирала лезвие одной из старых рубашек, подобранных в окровавленной куче.

Пыль в комнате медленно оседала, но дым от тлеющих пластиковых занавесок все еще

висел под потолком.

— Хорошо, бери.

Клинок, чистый и блестящий, щелкнул, уходя в длинную рукоять так же легко, как обычный складной нож.

Они вышли во двор. Маска тащила тридцатилитровую бутылку с водой так, будто та ничего не весила, а Мириам волокла за ней свои нехитрые пожитки, дополнившиеся еще одним узлом с крупой, картошкой и сушеным мясом.

Она остановилась на секунду, и дыхание ее перехватило, может быть из-за тяжести узлов или же потому, что двора больше не было.

Пространство перед ее домом было засыпано дымящимися кусками металла, в которых угадывались обломки каров и домиков для гостей. Труба колодца, срезанная у основания будто ножом, смотрела в небо, как ствол орудия.

Рядом с колодцем, прямо на раздавленных остатках другого кара, стояла низкая бронированная машина военного типа, выглядевшая так же жутко, как и сама ее хозяйка, — с множеством отметин на броне, оплавленными щитками и ребристым цилиндром тяжелого излучателя, смотрящего своим слепым зрачком прямо на Мириам.

— Что здесь?.. — Мириам остановилась около колодца и заглянула внутрь.

Там, на глубине десяти метров, мерцала вода. Оплавленные края трубы все еще дымились и излучали жар, а в воде отражалось лицо девушки, маленькое и испуганное, с огромными черными глазами, точно такое же, каким она увидела его когда-то давно, впервые посмотрев в этот колодец.

Ее тихому островку посреди безумного и страшного мира действительно пришел конец. Опустив узлы в горячую пыль, она наклонилась и сняла с рукояти колонки, лежащей теперь рядом с трубой, маленький колокольчик.

Женщина в маске наблюдала за ней, поставив бутылку с водой на броню своей машины.

— Он звенел, когда набирали воду. — Мириам сжала колокольчик в кулаке. — На память...

— Это был разъезд. — Механический голос незнакомки не выражал ничего. — Это разведка, идущая впереди Руки. Их много, в этом разъезде было всего восемь, и остальные уже знают, что они мертвы.

— Мой грузовик за домом. — Мириам наклонилась, собирая узлы. — Дай мне две минуты, чтобы его завести.

Уже забросив вещи в трейлер, девушка оглянулась. Женщина в маске все еще стояла посреди двора, но теперь — возле колодца, и смотрела вниз, на свое отражение.

II

— А что такое Рука? — спросила Мириам позже, когда дым от ее прежнего дома остался далеко позади, а солнце поднялось почти к зениту.

Они ехали на восток по старому хайвею настолько быстро, насколько позволял движок грузовика Мириам. В переговорнике, настроенном на волну женщины в маске, слышалось ее дыхание. Видимо, микрофон был вделан прямо в воздушный клапан комбинезона.

— Это рейдеры, — после короткой паузы ответила незнакомка. — Самая большая банда за последние пять лет. Она состоит из других, поменьше, и сейчас они двигаются с запада, из пустыни, грабя и убивая всех, кого встретят.

— А города-крепости?

— Я слышала, что они не смогли взять Даллас и обошли его стороной, но города вокруг

— им не так повезло.

— Думаешь, в крепости Атланты нас укروют?

— Надеюсь, что нас туда пустят. Я видела множество беженцев по дороге, не думаю, что их всех оставят за воротами.

— Я тоже видела. Они останавливались у меня.

— Это был твой постоянный двор?

— Да, а что?

— Тебе нужно было бежать раньше. Ты все равно его не защитила бы.

Они замолчали. Женщина в маске была права, Мириам не смогла бы подобрать слова, чтобы объяснить, почему ей так тяжело было оставить свой дом, единственный, который у нее когда-либо был.

— Они не отстали. — Слова маски ворвались в размышления Мириам. — Нас преследуют еще несколько каров, я их слышу. Не останавливайся!

— Да, я вижу. — В треснувшем зеркале заднего вида грузовика Мириам отражалось маленькое облако пыли посреди старого хайвея, тонущего в песке. — Они нас догонят?

— Нет, я сама их встречу.

Рейдеры приближались быстро. На этот раз их было больше, Мириам разглядела шесть машин. Незнакомка, ехавшая немного впереди, действительно притормозила и начала отставать.

— Осторожнее, — сказала Мириам и прикусила язык.

Эта... женщина явно лучше знала, что делать. В зеркале девушка наблюдала, как кар ее спутницы замедлился еще больше. Преследователи заметили ее, их машины выстроились в линию, и на одной, самой быстрой, открылись оружейные порты.

Затем женщина в маске затормозила.

Облако пыли вылетело из-под колес ее кара, который завертелся, продолжая мчаться вперед по инерции. Один оборот, второй, третий... И знакомый фиолетовый свет в зеркале едва не ослепил Мириам.

Незнакомка включила лазер всего на долю секунды, пока нос ее машины разворачивался к рейдерам.

Зеркало полыхнуло огнем. Луч прошел горизонтально через передние кары, превратив их в пылающие факелы, оплавленные куски брони брызнули в разные стороны. Две машины, не попавшие под лазер, врезались в обломки, и одна из них прочертила длинную дугу в воздухе. Другая, тоже не успевшая затормозить, ударилась в кар маски, перегородивший дорогу.

Облако пыли мгновенно скрыло место столкновения, Мириам не выдержала, остановила грузовик и выскочила наружу.

На дороге было тихо и очень жарко, на небо больно смотреть. Мириам, шурясь, несколько секунд вглядывалась в облако, пока не уловила движение.

Знакомая фигурка и блеск лезвия. Женщина в маске выпрыгнула из кабины прямо на машину, стоящую рядом. В переговорнике слышалось ее дыхание, такое же спокойное, как и раньше. Кто-то пытался выбраться из машины, и мачете знакомки поднималось и падало, напоминая крыло бабочки. Покончив с экипажем одного кара, она пошла к другому, перевернувшемуся, и ее дыхание оставалось таким же ровным.

Мириам стало страшно.

— Тебе не нужны батареи? — послышалось в переговорнике. — У этих двоих уцелели топливные элементы.

— Наверное, нужны, — выдавила из себя девушка.

— Хорошо.

— Я вернусь в машину.

— Хорошо.

— Слушай!.. — Мириам остановилась, уже открыв дверь кабины. — А как тебя зовут?

Дыхание в переговорнике сбилось. Женщина в маске не отвечала долго, словно вспоминала что-то.

— Называй меня Би.

III

На ночлег они остановились у края заброшенного городка — Мириам не знала его названия, большая часть невысоких зданий была наполовину занесена песком, заросла низенькими кривыми деревьями и диким виноградом. В остатках домов, все еще возвышающихся над пустыней, свободно гулял ветер, но Мириам помнила, что ближе к осени все изменится. После нескольких дождей виноград зазеленеет снова, и тогда развалины будет не узнать. Они превратятся в зеленые холмы странной формы, ничем не напоминающие творение рук человека.

За весь день они остановились всего два раза, по настоянию Мириам — похоже, что Би не было нужно ни есть ни пить. Также Би не проявила никакого интереса к вопросу о приготовлении ужина, поэтому девушка занялась этим сама, ей было не привыкать.

Она развела костер из сухих веток под стеной низкого строения, которое когда-то могло быть магазином или кинотеатром, теперь оно защищало их от ветра, не более того. Машины стояли рядом, и со стороны хайвея огня видно не было. Повесив над костром котелок с водой, Мириам уселась возле него. Би открыла кабину, но из машины так и не вышла.

— Ты будешь кашу? — спросила Мириам, когда молчание стало совсем невыносимым.

В кабине кара звякнуло, видимо, Би что-то уронила.

— Что? — переспросила она через несколько секунд.

— Кашу с мясом.

— С мясом?

— С говядиной. Она сушеная, в специях, и не то чтобы очень вкусная, зато горячая. Будешь?

— Не знаю. — Би выпрыгнула из кабины одним легким движением, уже знакомым Мириам.

Держа сложенное мачете под мышкой, она подошла к костру и остановилась в нерешительности. Маску женщина так и не сняла.

— Я очень давно не ела... ничего такого.

Мириам, сидящая на сложенном вдвое одеяле, подвинулась, но Би просто молча стояла и смотрела в огонь.

— А что же ты ела? — спросила девушка.

— Сухой бульон, галеты, концентраты... у меня еще остался кофе. — Би наконец-то обратила внимание на одеяло и присела на самом краешке, скрестив ноги, с очень прямой

спиной.

Мачете она положила под левую руку, между собой и Мириам.

— Так ты поешь каши?

— Да, наверное.

— Вот и хорошо. А почему ты не снимешь маску?

— Маску?

— Ну, шлем.

— Я к нему привыкла.

— Но ты же не сможешь в нем есть.

Би промолчала, потом нерешительно подняла руки к лицу. Мириам смотрела, как она осторожно, ощупью, отсоединяет бронированные трубки, ведущие к воротнику, затем расстегивает горловой клапан комбинезона. Под ним оказался черный нашейный платок, и Би сдвинула его вниз, чтобы нажать что-то под подбородком маски.

Та лопнула пополам, разделяясь на две мягких половинки, и Би отбросила их за спину вместе со шлемом, как капюшон.

Мириам глубоко вздохнула.

Рядом с ней сидела молодая женщина и, сильно сощурившись, смотрела на огонь. Глубокие отметины от воздушных трубок пересекали ее лицо, а длинные черные волосы были скручены в большой неаккуратный узел на затылке.

— Воздух. — Би повернулась к Мириам, миндалевидные глаза были полны слез. — Такой холодный!.. Ничего не вижу.

— Подожди. — Мириам подтащила к себе один из своих узлов и принялась в нем рыться. — Одну секунду...

Би наблюдала за ней, все так же щурясь, по ее щекам, оставляя грязные дорожки, текли слезы.

— Дезинфектант. — Мириам протянула Би кусок чистой марли, смоченный дезинфицирующим раствором. — У меня тут его целая бутылка. Давай я вытру тебе лицо.

— Я сама. — Би забрала марлю и осторожно приложила ее к щеке. — Холодная.

— Тебе не мешают перчатки?

— Нет, я привыкла. — Марля оставляла грязные разводы, но Би продолжала втирать раствор в кожу, словно стараясь лучше узнать свое лицо на ощупь.

— Еще есть много воды. Может, хочешь умыться?

— Да. — Би бросила марлю в огонь и посмотрела на Мириам.

Ее странной формы глаза были не просто черными, как девушке показалось вначале. Белки покрывала сеть лопнувших сосудов, словно Би не спала много дней.

— Да, я хочу умыться. Что у меня с лицом? Все очень плохо?

— Нет, вовсе не плохо. — Мириам снова заглянула в мешок. — Держи зеркало.

Спустя полчаса в котелке булькала каша с кусочками мяса, а умытая Би сидела у костра, рядом с Мириам, и смотрела в сторону хайвея, в темноту. Зеркало лежало рядом с ней. От предложения Мириам расчесать ей волосы она отказалась. Девушка помогла ей смазать губы и садины от трубок защитной мазью и уговорила снять шейный платок, но потом Би просто перестала реагировать на ее вопросы и молча рассматривала себя в зеркало, все так же щурясь. Что она могла увидеть там при свете костра, оставалось загадкой для Мириам.

Разложив кашу в две жестяные миски, она отдала Би ее порцию, и та молча взяла ее. Женщина ела очень медленно, словно пробуя каждую ложку заново, но одолела все, до

последней крошки.

— Вкусно? — спросила Мириам. — Обычно я готовлю лучше, но сегодня просто не из чего.

— Вкусно, — ответила Би и встала. — Спасибо тебе... и за зеркало тоже.

Она ушла в темноту, к своей машине. Мириам сложила миски, завернулась в запасное одеяло и улеглась у огня. Почему-то она была уверена, что Би позаботится о том, чтобы в темноте к их лагерю никто не подошел.

Проснувшись посреди ночи, Мириам долго не могла понять, где она и почему вместо жесткой рамы кровати под ней песок. А когда поняла, расплакалась, впервые после прихода рейдеров. Она рыдала горько и бесшумно, как научила ее жизнь без родителей, роняя слезы в одеяло, пока звуки, разбудившие ее, не повторились снова. Она села, оглядываясь.

Костер чуть теплился, угли тлели, и в темноте едва можно было различить фигурку, скорчившуюся недалеко от машин, у стены.

Би рвало.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Извини, — тихо сказала Мириам и шмыгнула носом.

Би ничего не ответила, просто молча залезла в кабину, оставив ее открытой.

Через несколько часов Мириам проснулась еще раз. Костер совсем погас, и со стороны машины Би был слышен ее голос. Она говорила с кем-то так тихо, что ни слова нельзя было разобрать. Мириам лежала несколько минут, слушая ее голос и глядя на звезды, потом снова расплакалась, завернулась в одеяло и уснула.

IV

Би разбудила Мириам за полчаса до рассвета. Небо на востоке розовело, песок стал мокрым от росы, а на Би снова была маска.

От завтрака она отказалась, и Мириам пришлось доедать кашу одной.

— Прости меня, — снова сказала она, отчищая котелок песком. — Я уже видела такое у людей, которые долго не ели.

— Я сама виновата. — Би сидела на крыле машины, глядя туда, где должно было взойти солнце, ее механический голос оставался ровным. — Нужно думать головой, а не желудком.

— Если бы мясо было свежим, то я сварила бы жидкий суп, от него тебе не стало бы плохо. — Мириам сложила миски в котелок и спрятала его в узел с вещами.

Би посмотрела на нее и, казалось, задумалась.

— Это не очень важно сейчас. Мы должны поскорее добраться до Атланты, а о еде можно подумать потом.

— Но ты даже не завтракала!

— Я поем позже. — Би запрыгнула в кабину машины, мотор которой тут же запустился с тихим свистом. — У меня остались три капсулы с кофе — хочешь?

— Нет. — Мириам потащила узел к своему трейлеру. — А что ты ешь кроме кофе?

— Витаминный паек. — Колпак кабины опустился, и голос Би снова раздавался из переговорника на воротнике куртки Мириам.

— И давно?

— Неважно... я уже привыкла.

Мириам хотела было ответить. В ее памяти еще были живы воспоминания о детстве, о

вечном голоде и блуждании по пустынным дорогам, но слов получалось слишком много, и они не складывались в связные фразы, поэтому она только вздохнула:

— Я еще сварю суп. Тебе понравится, я хорошо готовлю... так люди говорят.

— Спасибо, — ответила Би, и мотор ее кара взревел. — Кстати, а как тебя зовут?

Глава II

Интермедия II

Песок нагревался медленно.

Стоило ему получить чуть больше тепла, и он стремительно терял влагу, становился сыпучим, подвижным и не хранил следов долго.

Человек, остановившийся у остатков чужого лагеря, знал в этом толк. Солнце взошло недавно, и один-единственный взгляд сообщил ему больше, чем другому мог бы дать час пристального наблюдения.

Широкие следы боевого кара, тяжелого, нестандартного, в полной броне. Глубокие следы его владельца — маленькие ноги, вязнущие в песке из-за дополнительного веса. Экзоскелет? Мальчик или женщина?

Человек медленно прошел по лагерю. Его броня меняла цвет с каждым шагом: серая, серовато-зеленая, песочно-желтая. Он остановился, и его силуэт слился с песком, только асимметричные оптические линзы на шлеме предательски блестели, но потом и они погасли.

Он рассматривал костер, грязь, остатки ужина, следы рвоты, подошел к сохранившейся стене здания и легко запрыгнул на нее — на три метра в высоту.

Женщина... нет, две, одна из которых колет себе кофеин и страдает от проблем с желудком. Нельзя сказать, что ему это было очень интересно — его основная цель лежала далеко в стороне.

Он присел на краю стены, неразличимый на фоне дюн, и некоторое время оставался там, глядя в пустыню, на хайвей, куда уходили следы машин.

Женщина на нестандартном боевом каре. Интересно, кто она? Откуда?

Он снял с пояса маленький переговорник с ограниченным радиусом действия и набрал код частоты.

— Следую программе. Данные по первому этапу собраны, второй в процессе. Передача в точке два через сорок восемь часов, повторяю, точка два через сорок восемь часов.

— Принято, — сразу отозвался кто-то. — Точка два, сорок восемь, будут ждать.

— Отбой, — сказал он, раздавил переговорник в кулаке и смотрел, как падали со стены обломки аппарата.

Возможно, после завершения программы стоит сделать небольшой крюк.

Его броня изменила цвет на черный. Он спрыгнул со стены и пошел к своему маленькому кару, стоявшему у съезда с хайвея.

Следов за ним не оставалось.

I

До полудня они ехали не останавливаясь. Климатизатор в грузовике Мириам давно не работал, и она изнывала от жары.

Наконец девушка упростила Би остановиться на пять минут и переоделась, забросила куртку и джинсы в трейлер и осталась только в коротких шортах и майке.

— Песок не горячий? — спросила Би, глядя, как ее спутница босиком бегаёт вокруг грузовика, поправляя защитные шторки и зеркала.

— Не очень, если не стоять на месте. — Мириам подскочила к ней и протянула бутылку с водой. — Пить хочешь?

— Нет, у меня есть вода.

— Тебе не жарко в этом... костюме?

— Нет. — Би повернулась к своей машине и приподняла колпак кабины. — Загляни сюда.

Кабина боевого кара оказалась узкой и тесной. Мириам удивило полное отсутствие приборов. Перед креслом пилота горело всего несколько огоньков, но не было ни циферблатов, ни штурвала. Би указывала на узкий синий экран с тонкой трещиной посередине. Когда девушка подошла, пальцы хозяйки машины скользнули по экрану, и там развернулась карта.

— Мы здесь. — Би коснулась красной стрелки, стоящей на прозрачной веточке хайвея. — Выше — Атланта, вот здесь есть еще несколько поселений. А что находится тут, к северу?

Мириам присела рядом с кабиной, рассматривая место, указанное Би.

— Два заброшенных города. Чуть дальше. — Мириам осторожно дотронулась до экрана, и карта на нем послушно передвинулась. — Здесь горячие места. Говорят, что именно сюда когда-то упали бомбы. Я видела издали... большой город, который все просто покинули. Путешественники иногда там останавливаются. Говорят, что теперь в тех местах обитают только дикие звери и такие же люди.

— Дикие люди?

— Ну да. — Мириам оперлась было о машину, но тут же отдернула руку — броня была раскалена. — Не как рейдеры, а просто дикие, они там живут и иногда даже выходят на хайвей что-то продать.

— Понятно. — Би наклонилась, рассматривая карту.

— А в чем дело? — Мириам обошла ее и заглянула ей в лицо.

— Перед нами, километрах в тридцати, — три или четыре группы беженцев и несколько разездов рейдеров. Не все они на хайвее, некоторые пытаются ехать объездными путями, а рейдеры вообще не знают карты. Я думаю, что если мы свернем немного к северу, то избежим столкновения с ними.

— Откуда ты знаешь?

— Они разговаривают между собой. Я слышу все переговоры.

— Но они... ведь нападут на кого-нибудь?

— Может, и нет. Скорее всего, они не будут забираться далеко на восток — там Атланта, боевые посты и военные машины.

— Но ты...

— В тепловом излучателе остался всего один заряд. — Би провела пальцами по глубокой щербине на броне кара. — У меня нет ни крупнокалиберных снарядов, ни ракет. Столкнуться с рейдерами сейчас — пойти врукопашную...

— Я поняла, — сказала Мириам. — Тогда поедем через заброшенный город. Там не так страшно, как многие думают.

— Ты не сгоришь на солнце? — спросила Би, глядя, как Мириам смачивает волосы водой из бутылки и собирает их в хвост на затылке.

— Нет, я и так уже черная, — ответила Мириам. — Поехали, да?

Они свернули с хайвея через несколько часов, когда песчаная пустыня начала уступать место каменистой, а слева, в горячем мареве горизонта, проступили пологие холмы заброшенных городов. Эта дорога была заметно хуже. Усыпанная плотно спрессованным гравием, она петляла между обломками скал и дюнами. Би ехала первой, и Мириам старалась не отставать, хотя ее тяжелый грузовик нещадно буксовал.

Плохая дорога кончилась неожиданно, оборвалась у края древнего, засыпанного песком плоского кратера, за которым, словно скальный массив, подымался старый город. Мириам никогда не видела больших городов — а этот был просто огромен, с полупрозрачными громадами зданий, разрушенными эстакадами и высокими строениями, густо облепленными сухой растительностью.

— Подожди, — сказала Би.

— Что такое? Слушай, какой он все-таки огромный!..

— Там кто-то есть.

— Где? В городе? Но там уже давно...

— Смотри на кратер.

Мириам всмотрелась в кратер до рези в глазах, но солнце было все еще слишком высоко. Потом она поняла. Следы машин!.. Они начинались на плотном песке совсем недалеко и уходили куда-то в центр кратера, где и терялись среди каменных обломков.

— Я уже вижу. — Кар Би медленно двинулся по следам. — Езжай за мной, никого живого здесь нет.

— Живого? — Мириам нажала на газ, стараясь следовать точно по колее.

— Живого.

Машина Би вильнула в сторону, и тогда Мириам вдруг увидела то, к чему они ехали. Среди камней в центре кратера стояли четыре бронированных кара цвета песка.

Би остановилась и выпрыгнула из кабины, немного не доехав до них. Мириам смотрела, как она не торопясь идет между карами, держа на плече мачете, потом не выдержала и тоже вышла из машины.

— Тут довольно горячо, — предупредила ее Би, рассматривающая что-то на песке между машинами. — Хотя для нас, наверное, это не так уж и страшно.

— Я такая черная, потому что выросла в горячих местах, — сказала Мириам. — Мои приемные родители рассказывали, что радиация убивала людей сразу после войны, но с тех пор они стали другими.

— Так и есть, другими.

Би пнула что-то, лежащее перед ней, и Мириам вскрикнула. То, что она приняла за кучу тряпья, было человеческим трупом.

— Что? — Воительница обернулась к ней, линзы ее жуткой маски сверкнули на солнце. — Не бойся, их здесь пятеро, и они все мертвы.

— Кто они?

— Рейдеры, кто же еще? Разъезд. Я слышала их переговоры вчера вечером, но до утра они не дожили.

— Почему? Кто их... убил?

— Не знаю. — Би пинком перевернула еще один труп, лежащий рядом. — Всех прикончили выстрелами из игольника, калибр два дюйма, в голову либо в горло. Самый

распространенный картридж, у меня такой же. Только в них стреляли издали, скорее всего — из винтовки.

Она по очереди обошла кары и осмотрела вещи, сложенные рядом с одним из них. Мириам отошла к своей машине и села в тени борта, у колеса, — ее подташнивало, и ей не хотелось, чтобы Би это заметила. Сжавшись, упершись подбородком в колени, она наблюдала, как Би ходит по лагерю рейдеров, что-то достает из их машин, обыскивает трупы. Жара понемногу накрывала ее плотным ватным одеялом, веки становились все тяжелее и тяжелее.

Ей снилось, что она снова стоит посреди своего двора и глядит в колодец, а оттуда смотрит мама. Мириам никогда ее не видела, но знала, что это она, потому что у нее были такие же черные волосы и такие же глаза, как у дочери. Во сне она протянула руку и вдруг поняла, что колодец разрушен, двора вокруг нет, все завалено обломками вперемешку с изрубленными трупами. Вода в колодце стала красной от крови. Мириам вздохнула, чтобы закричать, но воздух был слишком плотным и горячим, и вместо крика у нее вырвался только сдавленный хрип.

— Мириам! — механический голос разбудил ее.

На плече у нее снова лежала металлическая рука, но на этот раз больно не было. Би просто трясла ее, стараясь разбудить. Девушка попыталась вздохнуть и закашлялась.

— Выпей воды. — Би подала ей ее собственную флягу.

Вода была теплой, со вкусом пластика и дезинфектанта, который Мириам сама добавляла в нее. Болела голова, и все вокруг казалось ненастоящим — и грузовик за спиной, и кратер, сжигаемый солнцем, и Би в своем страшном костюме.

— Кошмар?

— Да. — Мириам поднялась, пошатнулась и ухватилась за борт грузовика. — Все нормально?

— Да. — Би отступила на шаг, и Мириам увидела сваленные на землю вещи: металлические коробки, вещмешок, картриджи для оружия и несколько пистолетов. — Возьми это в грузовик, может понадобится.

— Кто же их убил? — Мириам сделала еще глоток из фляги, потом плеснула воды в ладонь, чтобы умыться.

— Я знаю только, что он был один. — Би присела над трофейными пистолетами и принялась перебирать их. — На байке. Я нашла одну колею, которая ведет отсюда. Он выследил их ночью, занял идеальную огневую позицию и расстрелял — очень быстро, одного за другим. Потом спустился в их лагерь и вывел из строя все машины. Ни одна не на ходу, хотя батареи на месте. С трупов ничего не взял.

— Но кто это мог быть?

— Не знаю. Он тоже слушает радио на всех частотах и видит в темноте... охотник за наградами, может быть.

— Ты видишь в темноте?

— Да. — Би протянула Мириам пистолет, блестящий игольник с массивной рукоятью и коротким стволом. — У тебя нет оружия — возьми. В картридже двадцать восемь зарядов, не стреляй очередями, экономь патроны.

— Но я не очень умею...

— Тогда стреляй в упор, не промахнешься. — Би оглянулась на вещи, сваленные на земле. — Давай погрузим все в грузовик и поедим побыстрее.

— А рейдеры, эти трупы, как ты думаешь?..

— Что?

— Возможно, нам стоит похоронить их?

— Нет! — Би вскинула голову, и ее механический голос стал похож на рычание, заставив Мириам отшатнуться и крепче прижать к себе игольник. — Нет, пусть гниют на солнце!

III

Дальше они ехали в молчании. Мириам боялась снова заговорить с Би и только слушала ее дыхание, такое же ровное, как и обычно.

Приблизившись к городу, они поехали в объезд, по широкой дуге. Соваться в развалины, густо заросшие сухим желтым плющом, было бы сущим безумием. Приоткрыв от удивления рот, Мириам смотрела на огромные руины, проплывающие справа от них, высокие стены в сотни человеческих ростов, просвечивающие скелеты зданий со сверкающими на солнце осколками окон, улицы, исчезающие в завалах и переплетениях длинных сухих корней.

Они ехали очень медленно. Почти все здания выглядели так, будто готовы были обвалиться в любую секунду. Несколько раз машины останавливались — Би что-то слушала или высматривала — затем снова двигались вперед. Иногда в развалинах что-то с грохотом обрушивалось. Город все еще продолжал разрушаться.

— Здесь действительно есть люди, — сказала Би, когда они остановились в третий раз.

Эти слова прозвучали так неожиданно, что Мириам, уже привыкшая к молчанию, вздрогнула.

— Откуда ты знаешь?

— Я их вижу в тепловом диапазоне.

— В тепловом?..

— Тепло их тел, но не брони, моторов или оружия.

— И что они делают?

— Наблюдает за нами. — Кар Би снова двинулся вперед. — Думаю, они нас боятся.

Город был действительно большим, гораздо больше, чем могла представить себе Мириам. Она напрасно всматривалась в заросли, ища тех людей, о которых говорила Би. Нагромождения камней и множество сухих растений надежно укрывали их от посторонних глаз. Мириам заметила только ворон. Черные точки кружили над городом и дорогой.

Они ехали еще очень долго. Когда солнце скрылось за самыми высокими зданиями, просвечивая в разломах, и часть города утонула в глубоких тенях, Би снова остановилась.

— Нужно искать место для отдыха.

— Мы будем ночевать в городе? — спросила Мириам.

— Нет, лучше немного дальше. Через полтора часа солнце сядет, а ехать в полной темноте рядом с этими развалинами опасно.

— Ты боишься диких людей?

— В этих развалинах не только люди...

— А кто еще?

— Звери.

Дальше трасса расширялась, и город понемногу оказался позади. Сумерки уже сгустились, когда Би увидела подходящее место. Ответвление дороги вело в естественное

укрытие, образованное фундаментом какого-то огромного здания. В отличие от развалин, это место не заросло ни лишайником, ни виноградом. Только несколько кривых деревьев возвышались между бетонными стенами, уходящими прямо в песок.

— Следы колес и костров. — Би вылезла из машины первой и теперь ходила по песчаной площадке взад и вперед. — Стоянка старая, здесь давно никого не было.

— Похоже на место для торговли, — сказала Мириам, которая тоже выбралась из грузовика и разминала затекшую шею и плечи. — Смотри, вон та бетонная плита могла быть столом для обмена. И костров вокруг нее несколько. А вот это...

Мириам замолкла, не зная, как назвать странное сооружение в углу стоянки — правильный каменный куб, на котором укреплена металлическая пластина с синими прожилками. Би тоже подошла к нему, затем обошла кругом, рассматривая.

— Это алтарь. Здесь остатки свечей, птичьи кости, кажется, еще и крысиные. Ты случайно не знаешь, что это может быть за культ?

— Не знаю. Мне говорили, что мои отец и мать были из огнепоклонников, а приемные родители верили в Христа, но я никогда не слышала про крыс или птиц.

— Тогда не важно. Я думаю, мы можем здесь остановиться.

— А... дикие люди?

— Сюда есть только один вход, если они, конечно, не умеют лазить по отвесным стенам. Я включу охранную систему машины.

— А я разведу костер.

Вытаскивая из трейлера одеяло и необходимую утварь, Мириам случайно взглянула вверх и замерла. Над краем их убежища в свете заходящего солнца возвышался бесформенный остов гигантского здания, и красные огни играли на стальных полосах, пронизывающих его. Девушка знала, что развалины довольно далеко от их стоянки, но дом был настолько огромен, что казался расположенным в двух шагах.

— Как они это строили? — Мириам подтащила тюк с вещами и одеяло к тому месту, где сидела Би, между трейлером и каменным столом. — Сколько людей здесь жило?

— Их было много. — Би сидела прямо на песке, скрестив ноги, и разбирала свой игольник, раскладывая его части на промасленной тряпке. — В этом городе могло жить два или три миллиона человек.

— Миллиона?.. — Мириам опустила тюк и замерла, ошеломленная цифрой. — Здесь могло быть столько людей?

— Гораздо больше. Никто точно не знает, сколько убила первая война. Несколько миллиардов.

— Миллиарды? Я даже не знаю, что значит это число.

— Это очень много.

— Я поняла. И все эти люди... умерли здесь?

— Не обязательно. Многие бежали и погибали потом. Город не разрушен прямым попаданием. Возможно, на него сбросили нейтронную бомбу, которая убила жителей.

— Миллионы... мертвых. — Мириам села на теплый песок и обняла руками колени. — Совсем рядом с нами. Откуда ты все это знаешь, про миллиарды, про бомбы?

— Учила в школе. — Би, так и не снявшая маску, повернулась к Мириам. — Это общая история, хотя на самом деле никто толком не знает, как все происходило.

— А что такое школа? — спросила Мириам.

— Это такое место, где детей учат читать и писать. Ты же умеешь читать?

— Да, умею. Меня научили приемные родители. У них была книга, которую я читала, правда недолго. Потом она сломалась и читать стало нечего.

— А о чем книга?

— Истории о любви. Еще была Библия, но тоже сломалась, и я не успела ее прочитать.

— Понятно. Тебе не холодно так... сидеть на песке?

— Как? — Мириам с недоумением посмотрела на свои голые колени, она все еще была в шортах и босиком. — Я привыкла так ходить, если песок не очень горячий. Когда совсем жарко и никто не видит, можно и совсем раздеться. А холодно будет потом, через час после заката. Ты не хочешь снять свой шлем? Я помогу тебе умыться и расчесать волосы.

— Позже. — Би вернулась к своему занятию.

— Хорошо, тогда я разведу костер.

Би кивнула. Мириам развернула одеяло и свалила рядом свой тюк, потом встала и огляделась в поисках дров. Между стен стоянки гулял чуть заметный сквозняк. Несколько низких кривых деревьев лепились к бетонным стенам, кроме них, никакой растительности вокруг не было, даже вездесущего винограда.

— Можно я возьму твою мачете? — спросила Мириам.

— Мое... что?

— Твой большой нож.

— Это наваха. Зачем он тебе?

— Нава... нарубить веток для костра.

— Лучше я сама. — Би встала, зажав наваху под мышкой.

— А почему нава, а не мачете?

— Наваха — это название складного ножа, просто очень большого. Какое дерево рубить?

— Вот это, которое поближе.

Би подошла к дереву. Наваха щелкнула, раскрываясь, и дерево затрещало, перерубленное у самой земли и повисшее на сухих ветвях, впившихся в стены.

— Так быстро! Ты очень сильная. — Мириам дернула за ствол, потом еще раз.

Ветви снова затрещали, дерево рухнуло и чуть не свалило ее на землю.

— Это экзоскелет.

— Скелет что?

— Это... мою силу увеличивает комбинезон. Ты не заметила?

— Я не знала, что такое бывает, думала, что ты просто очень сильная. — Мириам смутилась. — Но теперь понятно, почему ты не хочешь снимать броню.

— Я к нему привыкла.

— Но тебе, наверное, в нем очень жарко, да?

— В него встроен климатизатор.

— Надо же, прямо как у меня в машине.

— Ну, почти.

— Разруби ствол, пожалуйста, еще на несколько частей. Так будет легче развести костер.

IV

В этот раз Мириам сварила ужин гораздо быстрее. Костер получился большим, да и

сама она проголодалась.

Би сказала, что попробует, но есть не будет, и ушла в машину, оставив колпак кабины открытым. В неярком синем свете экрана Мириам рассматривала ее маску. Би сидела не двигаясь, даже ничего не переключая на пульте.

— Что ты там делаешь? — наконец не выдержала Мириам.

— Я слушаю и смотрю вокруг. Не заинтересовался ли нами кто-нибудь?

— По приборам?

— Да.

— И кто-то есть?

— Животные, птицы и несколько людей, но они пока не приближаются — метрах в четырехстах. Ничего интересного.

— А какие животные?

— Крупные, но какие — не знаю. А что?

— Ничего. Я тоже не знаю, какие животные тут живут. В пустыне водятся только волки, тушканчики и мыши... но они все не опасные. То есть волки страшные, когда собираются в стаю, но такое бывает редко, и они боятся огня.

Мириам положила Би совсем немного каши, на этот раз без мяса, и отнесла ей. Би молча взяла миску и поставила ее перед собой, туда, где, по представлениям девушки, должен был бы находиться штурвал. До еды она не дотронулась и продолжала смотреть на экран, на котором совершенно ничего не происходило.

Мириам наблюдала за ней с минуту, потом не выдержала и спросила:

— А где приборы?

— Что? — удивилась Би.

— Ну, датчик батареи хотя бы, и эта твоя... тепловая камера. На экране ведь ничего нет.

— Машина передает все данные мне напрямую.

— А рычаг управления? Я его тоже не вижу.

— Я управляю машиной тоже напрямую. — Би чуть повернулась в своем кресле, и теперь линзы ее маски смотрели на Мириам, отражая свет костра. — Без рычагов. Я прайм, ты разве до сих пор не заметила?

— Ты... что?

— Ты не знаешь, что такое прайм? — В этот раз удивление в механическом голосе Би прозвучало еще явственнее.

Мириам шмыгнула носом:

— Я не глупая, честно, но не знаю. Разве это плохо? Кажется, я слышала такое слово. Его употребляют... оно как-то связано с войной между крепостями или с рейдерами, да?

Би откинулась на спинку кресла.

— Это значит, что я могу соединяться с электронными устройствами напрямую, управлять ими или считывать информацию. Для этого используется прайм-линк — микрочип, вживляемый прямо в мозг. Плюс тренировка, конечно, очень долгая. Я боевой пилот-прайм. Думала, это все знают. Да и заметно сразу — по кару, по экзоскелету.

Мириам молча кивнула и ушла к костру.

Би некоторое время смотрела за тем, как она сидит поджав ноги и упершись подбородком в колени, потом выпрыгнула из кабины, подошла и спросила:

— Что-то не так?

Мириам промолчала, а потом с силой запустила сухую ветку в костер, взметнув фонтан

искр.

— Я не дура! — почти выкрикнула она. — Я просто еще многого не знаю. Но я не дура!

— Я не считаю тебя душой. — Би села рядом с ней, и некоторое время они молчали.

— Я долго жила в пустыне, — наконец заговорила Мириам. — Я много путешествовала... со своей второй семьей, давно. Я видела очень много всяких вещей, плохих и хороших. У моих приемных родителей была таверна, а затем — постоялый двор. Это были самые лучшие места, что я знала. И больше у меня ничего не было... никогда. Только дом. Ты видела, что с ним стало. Я понимаю, что еще очень много чего не видела и не знаю, но хочу узнать... потому что больше мне нечего делать. У меня есть только я, мой трейлер, и все. — Девушка всхлипнула и замолчала.

— Прости.

— Прости? — Мириам взглянула на Би сквозь слезы. — Ты же спасла меня, а я даже спасибо тебе не сказала. Если бы не ты, меня бы сейчас... Я глупая, но не неблагодарная, могу готовить, шить, стирать, возить твои вещи. Я могу...

Мириам расплакалась. Би некоторое время смотрела на свою спутницу, потом осторожно дотронулась до ее руки:

— Ты не одна... такая. — В голосе, искаженном маской, прозвучала такая горечь, что Мириам задержала дыхание. — Не только у тебя нет ничего, кроме себя и кара. И не только у тебя был дом.

Би встала, как подброшенная пружиной, и ушла к своей машине. От неожиданности Мириам прекратила плакать.

— Но что... теперь? — наконец прошептала она, но Би услышала.

— Ложись спать, — прозвучал из темноты ровный механический голос. — Мы выезжаем с рассветом.

Глава III

Интермедия III

Ночь упала на развалины неожиданно, как молот на наковальню, в считанные минуты окутав темнотой посадочную площадку и город. Утонули во мраке пилоны с просвечивающей синеватой арматурой, и стекла в далеких башнях погасли. Корабль, скрытый маскировочной сетью, возвышался в темноте, как сломанная арка огромного несуществующего моста, соединяющего город с пустыней.

Одинокому ангелу, стоящему у корабля, было не по себе. Темнота не мешала ему видеть вокруг дальше и глубже, чем позволяли человеческие глаза, но для спокойствия этого было недостаточно.

Пустыня дышала. Слабая, почти неощутимая пульсация исходила откуда-то снизу, из-под бетонного поля, из-за дюн, окружавших его. Броня не была ей помехой, она билась прямо в сознание, наполняя его тоской и чуждыми непонятными образами.

Кровь давно впиталась в песок, а останки рейдеров растащили звери, но сейчас коричневые пятна, оставшиеся на месте их гибели, искрились слабым синеватым светом, словно в них частично отражались звезды.

— Кто-то смотрит, — неуверенно сказал ангел.

— Кто? — ожил коммуникатор.

— Не знаю, просто есть такое ощущение.

— Откуда?

— Со стороны города или, может, из пустыни, не знаю.

— Датчики?

— Молчат. Ничего нет. В инфра вижу людей в развалинах, в четырех тысячах метров.

Еще мелкие звери, но больше ничего.

— Возвращайся, выставим автоматику.

— Очень сильное... ощущение.

— Нервы. Радиационный фон в десять раз выше нормы, звери, пустыня — и ничего больше.

— А что под нами? Мой радар показывает пустоты, и там шумы.

— Старая военная база, входы взорваны. Там тоже никого быть не может.

— Я знаю. — Ангел сделал несколько шагов по направлению к темной громаде города и присел. — Я тоже никого не вижу, но кто же тогда смотрит?

— Возвращайся, тебе нужно отдохнуть.

— Хорошо, еще немного. — Ангел отключил коммуникатор и снял с крепления на спине узкий пластиковый контейнер.

Множество маленьких существ замерло вокруг в темноте с его приближением. Теперь они наблюдали за тем, как он сдвигал крышку и ставил контейнер перед собой.

Ангел замер, стараясь даже не дышать. В темноте он видел только яркие тепловые пятна созданий,двигающихся вокруг него.

Первым решилось существо, похожее на белку с узким голым хвостом и большими ушами. Оно вспрыгнуло на край контейнера, нырнуло вниз и через несколько секунд выскочило наружу с куском шоколадного батончика в передних лапах. За ним с некоторым колебанием последовали еще несколько зверьков.

Они растаскивали батончики, с хрустом вгрызались в них, уносили куски куда-то в пустыню, а ангел наблюдал за их возней.

Темнота и термическая броня надежно скрывали его улыбку.

I

Мириам снился древний город. Она шла по его улицам, широким и чистым, и в многоэтажных домах, закрывающих небо, блестели целые стекла. Девушка знала, что где-то в этом городе находится Би, ее нужно найти и сказать ей что-то очень важное. Она побежала, но улицы оказались бесконечными — одна переходила в другую, и здания поднимались над ней, как скалы. Никого не было вокруг. Мириам остановилась, огляделась и вдруг вспомнила, почему на улицах никого нет.

Жители города мертвы, все, до последнего человека.

Миллионы мертвецов смотрели на нее из сверкающих окон древнего города молча и страшно. Мириам чувствовала на себе их взгляды, давление, пронизывающее до костей, выворачивающее наизнанку... словно она была букашкой, проколотой миллионами иголок, — и эти иглы двигались, изучая ее и в то же время меняя, придавая ей форму, складываясь глубоко внутри в угловатое, колкое и странно знакомое имя: Иштар.

Страшное ощущение внезапно исчезло. Вместе с ним прервался и сон, превратившись в обычное мелькание бессмысленных фрагментов. Она снова бежала по городу, но он уже был разрушен. В конце улицы, заросшей кривыми желтыми деревьями, за каменным столом устроилась Би. Напротив нее сидел дикий человек, совсем голый, с черной блестящей кожей и длинными волосами. Би говорила с ним, но Мириам не могла понять, о чем именно. Она глубоко вздохнула, чтобы крикнуть Би, и проснулась.

Костер все еще горел, не сильно, но как-то слишком ярко, так что, даже укрывшись с головой, Мириам продолжала видеть его свет.

Би действительно говорила с кем-то, ее механический голос звучал приглушенно, но все равно очень громко.

— Четыре, — сказала женщина.

Молчание.

— Восемь, — сказала Би.

Скребущие звуки по дереву или по камню.

— Двенадцать, я выиграла.

Мириам отбросила одеяло и села. За каменным столом, в свете единственной фары своего кара, на плоском обломке бетона сидела Би и говорила с диким человеком. Тот был совсем не таким, каким девушка видела его во сне. Длинноволосый и бородатый, он походил скорее на рейдера, одетого в шкуры, чем на дикаря. Рядом с ним из песка торчало длинное копьё с блестящим металлическим наконечником.

Мириам стало холодно. Она ложилась спать не переодеваясь, в шортах и в майке. Костер теперь уже едва тлел. Мириам раздула угли, бросила на них несколько толстых веток, потом завернулась в одеяло и подошла к столу. Дикарь следил за ней глазами, ярко блестящими в свете фар. Вблизи оказалось, что в его светлые волосы и бороду вплетено множество мелких вещиц, таких как бутылочные крышки и колеса от игрушечных машинок, а на широкую тунику из шкур нашиты полосы прозрачного пластика.

— Привет, — сонно сказала Мириам.

— Ложись спать, — предложила Би.

Она как раз трясла небольшой деревянный стаканчик, и именно он издавал скребущие звуки.

— Что вы делаете?

— Играем в кости. — Би опрокинула стаканчик на стол, и оттуда вылетели два маленьких желтых кубика.

Дикарь смотрел на Мириам светлыми, почти белыми глазами, и она ничего не могла прочесть в его взгляде. Рядом с ним, по другую сторону стола, лежала тушка какого-то небольшого животного, незнакомого, не похожего ни на что, виденное раньше.

— И кто выигрывает?

— Ложись спать. — Би не повысила голос, но на этот раз ее слова прозвучали как приказ.

Мириам сонно кивнула, пошла к своему месту, свернулась калачиком и почти сразу же уснула под стук костей.

Второй раз она проснулась от резких хлопков — кто-то стрелял из игольника. Еще не успев открыть глаза, девушка засунула руку в узел, лежащий под головой, и после недолгих поисков нащупала рукоять пистолета, подаренного Би.

Мириам выглянула из-под одеяла, поводя стволом направо и налево.

Фара еще горела. В ее синеватом свете рядом со столом стояла Би с игольником в одной руке и раскрытой навахой в другой. Перед ней, словно кучи тряпья, лежали тела — одно, второе, третье.

Мириам села, держа под прицелом темный прямоугольник входа в убежище. Би обернулась на ее движение:

— Не бойся, больше никого нет, их было только трое.

— Я не боюсь, просто спать очень хочется. — Мириам была мелкая дрожь, но страха она действительно не чувствовала, словно сон все еще продолжался.

— Спи, я покараулю. — Би сложила наваху и села на край стола.

Мириам снова свернулась калачиком, на этот раз обняв игольник. Металл был холодным, а одеяло — теплым, и дрожь почти сразу прошла.

В третий раз она проснулась от очень знакомого чувства — кто-то пристально смотрел на нее. Неяркие звезды уже почти исчезли на предрассветном небе, но их света было достаточно, чтобы Мириам могла разглядеть нескольких существ у входа. Узкие морды, острые уши — они были бы похожи на собак, которых она видела раньше, если бы не слишком длинные лапы. Время от времени одно из них придвигалось ближе к входу, потом отходило назад.

Би сидела на столе и так же молча наблюдала за ними.

— Что им нужно? — шепотом спросила Мириам.

Би медленно опустила ноги на землю, потом взяла наваху. Лезвие вылетело с сухим щелчком, и существа отпрянули от входа.

— Берите, — громко сказала Би, и наваха в ее руке указала на трупы. — Это вам!

Она отошла назад, под прикрытие стола, и три существа нерешительно вышли из тени. Двое из них тут же потащили трупы назад — не по-собачьи, а вцепившись в одежду когтями. Третье вспрыгнуло на стол перед Би. В его передних лапах было зажато копьё одного из дикарей с длинным металлическим наконечником.

Существо сделало два нерешительных шага вперед и протянуло копьё Би. Мириам

отчетливо видела его лапы, почти человеческие руки, с грубыми пальцами и кривыми когтями.

Би медленно, очень осторожно взяла копье. Существо оживленно взвизгнуло, прыгнуло со стола и потащило третий труп в темноту.

II

— Что это было? Или кто?.. — Мириам села в своем гнезде из одеял, холодный утренний ветер остужал ее голые руки и пальцы, сжимающие игольник.

— Не знаю. — Би воткнула копье в песок, снова села за стол и взялась руками за голову. — Видимо, они тоже хотели поменяться.

— Как это?

— Ну да. — Маска Би разделилась пополам, и голос из громкого механического стал обычным, усталым. — Ты была права насчет места для торговли.

— Они приходили торговать?

— Да. — Лицо Би в предрассветных сумерках было практически неразличимо.

Только подойдя к ней, Мириам увидела, что воительница смотрит на звезды, часто моргая и вытирая слезы.

— Иди спать, еще час до рассвета, — сказала Би не оборачиваясь.

Мириам завернулась в одеяло и села с ней рядом.

— Я больше не смогу заснуть. Я и так проспала все самое интересное.

— Ничего интересного не было...

— А кто тот человек в шкурах?

— Дикарь, они живут тут, в развалинах. Предложил поменять убитую косулю на что-нибудь. Я дала ему капсулу кофе.

— Косулю?..

— Маленького оленя. — Би повернулась к Мириам. — Ты не знала, что на краю пустыни живут олени? Они едят виноград, траву, а еще листья с деревьев.

— Нет, я вообще почти не бывала здесь, только год назад на ярмарке в Хоксе.

— Дикари охотятся на оленей и приходят сюда менять их шкуры и мясо на что-нибудь полезное. Как я поняла, они знают, что такое наркотики.

— А потом ты с ним играла?

— Да, он предложил поиграть на еще одну капсулу кофе. Я согласилась.

— А потом... куда он делся?

— Ты же проснулась, разве не видела? — Би снова отвернулась, взглядываясь в небо на востоке. — Он лежал тут, рядом.

— Ты его убила?!

— Да, и застрелила двух его друзей.

— Но за что?

— Он напал на меня, а они попытались ему помочь.

— Напал? Но вы же просто играли!

— Знаешь, что ты красивая, Мириам? — задумчиво спросила Би, и девушка так растерялась, что забыла свой следующий вопрос.

— Я... наверное, да. Мне так говорили несколько раз.

— Когда ты легла, он хотел было поменять тебя на что-нибудь, потом предложил

сыграть на твою персону. Его друзья думали, что спрячутся в темноте. Наверное, они решили, что я мужчина, путешествующий с женой. Я даже не предполагала, что они нападут. Мой кар смотрит орудийными портами прямо на вход, и нужно быть полным идиотом, чтобы...

— Но они не знали. — Мириам встряхнула головой. — Они же не могли этого понять. Дикае люди видят кары раз в неделю, а такой, как у тебя, им вообще ни разу не попадался.

— Незнание их не оправдывает. Когда я велела ему уходить, он бросился на меня с копьем.

— Я поняла. А кто были те, которые пришли потом?

— Собаки, я думаю. Ты никогда их не видела?

— Видела, хоть и немного не таких.

— Да, но эти оказались порядочнее... людей.

Некоторое время они сидели молча, глядя на постепенно блекнувшие звезды. На востоке, над самым краем бетонной стены, окружавшей их убежище, то и дело вспыхивал и гас тонкий синий луч, указывающий в небо.

— Ты не знаешь, что это? — спросила Мириам, когда он вспыхнул снова.

— Орбитальный лифт Атланты, — пояснила Би и, в ответ на вопросительное молчание девушки, продолжила: — Это связь крепости Атланта с городом в космосе, Атлантой А.

— С небесным городом?

— Да. То, что ты видишь, — это остаточная ионизация. Города связаны тонкими металлическими нитями, вдоль которых летают вверх и вниз шаттл-капсулы. Они движутся с очень большой скоростью, так что ты можешь заметить их следы в воздухе.

— Теперь я поняла. Я замечала эти нити несколько раз. Их очень далеко видно. Над Детройтом тоже есть небесный город?

— Да, над большинством крепостей.

— А ты видела когда-нибудь небесных людей?

— Только по удаленной связи. Они не могут спуститься к нам, потому что не приспособлены к радиации, которая везде в нашем воздухе и в воде. Горячее место, вроде того, где мы были недавно, убило бы небесного человека.

— А как они выглядят?

— Как обычные люди, просто с очень светлой кожей.

— А их там много?

— Небесные города не очень большие. Наземные крепости намного крупнее.

Мириам замолчала, обдумывая услышанное.

— Спасибо, — наконец сказала она. — Без тебя я никогда бы этого не узнала.

Би промолчала. Казалось, вопрос о небесных городах заставил ее задуматься.

— Я приготовлю косулю, хорошо? — Не ожидая ответа, Мириам встала с бетонной плиты и пошла к остывшему уже костру. — А то нам скоро выезжать.

III

Недолго думая, Мириам превратила стол для торговли в разделочный, поскольку никаких других твердых поверхностей поблизости не наблюдалось. Ей приходилось раньше возиться с говяжьими тушами, а маленький олень, убитый дикарями, был гораздо меньше коровы и скорее напомнил ей крупного тушканчика. Пока костер разгорался, она успела выпотрошить тушку и снять шкуру, которой, по ее мнению, не хватило бы даже на то, чтобы

пошить подушку. Мириам резала мясо на полоски маленьким острым ножом, захваченным в дорогу вместе с прочей утварью. Работа была знакомой и успокаивала.

— Тебе достаточно света? — спросила Би.

Мясо ее не интересовало. Сидя возле машины, она втирала в лицо защитную мазь из набора Мириам. При свете восходящего солнца следы от воздушных трубок возле ее губ и носа проступали четче, словно шрамы.

— Достаточно. Ты будешь суп?

— Ты собираешься варить его?

— Да, куда-то же нужно девать все эти потроха. Мы, конечно, все сейчас не съедим, но хотя бы...

— Подожди. — Би повернула голову, к чему-то прислушалась, потом отложила жестянку с кремом и запрыгнула в кабину машины.

Мириам пожала плечами и продолжила нарезать мясо.

— Собирайся!

Мириам подняла голову. Би стояла в кабине, оглядывая их лагерь.

— Что-то случилось?

— Рейдеры. — Би притронулась к половинкам маски, лежащим у нее на плечах, потом передумала и начала развязывать платок, повязанный на шею.

— Едут сюда?

— Нет, не сюда. — Би смотрела прямо на Мириам, ее глаза, красные от недосыпания, были полны усталости. — Они догоняют группу беженцев на хайвее, в четырех милях к северу.

— Но ты говорила...

— Это христианская миссия. Там только один священник, несколько женщин и дети. На трех тяжелых грузовиках с трейлерами им не уйти.

Мириам оглядела стол, залитый кровью.

— Я соберу все мясо, которое смогу, оно нам пригодится. Дай мне пять минут, я все сделаю, и полей мне на руки, а то... — Мириам показала Би окровавленные ладони. — Я же не смогу так сесть за штурвал.

— Прости меня. — Би повязала платок заново, закрыв лицо, оставив только глаза, потом подняла бутылку с водой, стоящую возле костра, и подошла к Мириам. — Я обещала, что мы будем в безопасности...

— Ты ничего не обещала. — Мириам плотно укладывала полоски мяса в котелок, перестилая их пластиковой пленкой. — Думаешь, я ничего не понимаю? Я же вижу, что ты... мы все равно не смогли бы сидеть в стороне, да?

Мириам протянула руки Би, и та наклонила канистру.

— Не смогли бы, — коротко признала она, и через минуту ее кар завелся со свистом, постепенно перерастающим в рев. — Ты готова?

Обеспокоенная звуком, откуда-то из-за стен убежища, со стороны города, снялась стая ворон. Мириам смотрела, как они описывают круги над ее головой, и думала о том, не забыла ли чего.

— Подожди! — крикнула она Би неожиданно для самой себя. — Еще одну секунду.

Би обеспокоенно наблюдала за тем, как Мириам скрылась в трейлере, а потом побежала к алтарю в углу, сжимая что-то в кулаке.

— Вот! — сказала Мириам, глядя на металлическую полосу, явно извлеченную из

древних развалин. — Это всего лишь колокольчик, который я взяла на память. У меня был один дом, но здесь их стоял миллион. Я знаю, что это ваше место, чтобы о вас хоть иногда помнили...

Мириам запнулась. Ворона, до этого сидевшая на стене, неожиданно спикировала на алтарь, ухватила колокольчик и, зажав его в клюве, расположилась на верхней грани металлической полосы. Глаза птицы, черные с синеватым отливом, как металл под ее когтями, неотрывно следили за Мириам.

— Да, — сказала ей девушка. — Помнили хотя бы так.

IV

Никогда еще грузовик Мириам не развивал такую скорость. Они ехали по ответвлению большого хайвея, совсем старому, уходящему прямо на север. Дорога петляла среди холмов, густо заросших сухим виноградом. Вероятно, прежде здесь находились городские предместья. Мириам старалась смотреть только вперед. Слишком много камней попадалось в песок под колесами, и Би то и дело останавливалась, чтобы ее подождать.

— Езжай одна, — заикнулась было Мириам, когда ее спутница притормозила в первый раз.

— Да? Среди этих развалин может укрываться еще одна группа рейдеров. Хочешь, чтобы я опять спасала тебя?

Этого Мириам не хотела. Ее грузовик рвался вперед, разбрасывая камни, а подвеска трейлера жалобно скрипела.

— Только не сломайся, — тихо повторяла про себя Мириам. — Только не сломайся, ты мой железный, ты мой хороший.

Они выехали на хайвей и повернули на восток. По сторонам дороги последние остатки городских домов и изломанные бетонные столбы.

— Уже недалеко. — Без маски голос Би звучал непривычно тихо. — Но похоже, что мы не успеем.

— Как не успеем?

Вместо ответа Би переключила свой переговорник, в ушах Мириам взорвался шум двигателей чужой машины и мешанина человеческих голосов. Ей почти ничего не удалось разобрать. Кричала женщина, мужской голос непрерывно повторял, срываясь и заикаясь: «Идя долиной смертной тени, не убоюсь я зла».

Потом их заглушил крик Би, резкий и практически неузнаваемый:

— Кретины! Вам от них не убежать. Останавливайтесь, ставьте машины рядом и занимайте оборону. Я буду у вас через десять минут.

Голоса замолкли, затем какая-то женщина неуверенно спросила, кто с ней говорит, и громкий щелчок прервал передачу. После короткого шипения в динамике раздались далекие крики и улюлюканье, напомнившие Мириам о погонщиках скота, которых она видела как-то давно, и все опять затихло. Только ветер свистел в открытых окнах грузовика.

Би издала какой-то звук, похожий на рычание, и Мириам крепче вцепилась в штурвал. Хайвей поднимался и падал среди пологих песчаных холмов, и пыльный хвост за каром Би закрывал обзор все меньше. Пустыня снова становилась каменистой. Булыжники стучали под колесами, и на самой границе слышимости раздавался голос Би. Она словно что-то напевала далеко от микрофона, и Мириам не могла разобрать слова.

Они догнали их быстрее, чем сказала Би. Прошло всего несколько минут, и над дорогой показался дым. Кар Би рванулся вперед, и Мириам нажала на газ, понимая, что этого подвеска ее машины может и не выдержать.

Три грузовика стояли рядом, прямо посреди дороги. Большие, квадратные, жилые... десятки таких когда-то останавливались во дворе Мириам. Сейчас два из них горели, испуская клубы жирного черного дыма — двигатели были разбиты. Видимо, их водители попытались выполнить совет Би, но было уже слишком поздно.

В некотором отдалении от грузовиков веером выстроились кары рейдеров. Мириам не смогла сразу разглядеть, сколько их. Между машинами суетились люди, кто-то стрелял. В дыму было сложно что-либо разобрать, но, видимо, для Би это не являлось проблемой.

Ее кар промчался между грузовиками и развернулся. Две человеческие фигурки отлетели от него, как тряпичные куклы. Броня кара заискрилась под выстрелами. Би еще раз развернулась на месте, и колпак кабины распахнулся. Мириам притормозила поодаль, схватила игольник и выскочила из машины.

Воздух вонял гарью и металлом. Между машинами, прямо под колесами лежали человеческие тела... много. Мириам подняла игольник, не зная, в кого стрелять. Из-за грузовика показалась Би. Она швырнула на крыло машины человека в кожаной броне и дважды выстрелила ему в спину, потом пальнула куда-то в сторону. Кто-то бежал в пустыню, далеко, за карами рейдеров. Мириам подняла игольник, неуверенно целясь туда, но человек упал сам — внезапно, будто его ударили по голове.

— Это все, — сказала Би. — Мы опоздали.

Она стояла между машинами, оглядывая тела. Мириам подошла к ней:

— Кто-нибудь жив?

— Может, я плохо вижу. Все раскалено. — Би оглядывалась по сторонам, платок на лице поднимался и опадал от ее дыхания. — Но ничего больше не двигается.

— Сколько их было?

— Рейдеров? Человек восемь или девять. Большой разъезд.

— Столько? И ты одна?..

— Это не я. Моих тут четверо. — Би продолжала оглядываться, потом вытянула руку, указывая в холмы, на восток. — Остальных он!..

Мириам проследила за ее жестом. Далеко между скал, на самой границе видимости, в жарком мареве, исходящем от песка, кто-то стоял — странный вытянутый силуэт с непропорционально большой головой.

— Кто это? — шепотом спросила Мириам.

— Откуда я знаю? Он молчит, приехал чуть раньше нас, но тоже опоздал.

Мириам подняла руку и помахала. Незнакомец никак не прореагировал на ее движение. Его фигура уменьшилась и исчезла в очередной волне жара.

— Он явно не хочет общаться, — сказала Би. — Давай посмотрим, остался ли кто живой.

— Как так могло получиться? — Мириам стояла, прислонившись спиной к борту чужого грузовика.

Ее только что вырвало от жары и того, что она увидела, осмотрев место недавнего боя.

— Пять человек, двое детей, и все погибли. Нет даже раненых.

— Экспансивный боеприпас. — Би протянула ей картридж для пистолета. — Синяя полоска обозначает разделяющиеся керамические иглы. То, что ты видела, — раны от них.

Би отвернулась и швырнула картридж в борт ближайшего кара. Брызнули пластиковые осколки.

— Он очень добрый, этот незнакомец, — сказала она совсем чужим, низким, кипящим от ярости голосом. — Один выстрел в голову. Для них это слишком быстро.

— Тише, — неожиданно сказала Мириам.

— Что?

— Ты разве не слышишь? Кто-то плачет. — Она приложила ухо к борту. — Да, прямо здесь.

Они обошли грузовик. Мириам дернула откидную дверь, но та не поддавалась.

— Заперто изнутри.

— Сейчас. — Би ухватилась за выступ двери и за бампер.

Заскрипел металл, дверь выгнулась, и воительница вывернула ее наружу, как если бы она была из мягкой жести.

Плач стих. Мириам вглядывалась в жаркие внутренности грузовика, но могла рассмотреть только нагромождение каких-то мешков и ящиков.

— Выходите! — сказала Би. — Мы не рейдеры. — Она отодвинула Мириам от двери. — Отойди, а то еще выстрелят.

— Не выстрелят. — Мириам сделала шаг вперед, выставляя пустые ладони. — Смотрите, у меня нет оружия.

Что-то шевельнулось между мешками. Блеснули несколько пар глаз.

— Выходите, — сказала Мириам.

Первой на землю соскочила светловолосая девочка лет двенадцати, как показалось Мириам, одетая в серые холщовые брюки и рубаху. За ней последовали двое детей помладше — мальчик лет девяти и еще один, годков шести, которого она взяла на руки и поставила на землю. На всех было что-то вроде одинаковой грубой униформы, и Мириам вспомнила, что на трупах, разбросанных сейчас вокруг грузовиков, она видела такую же одежду.

Дети молча стояли и смотрели на них, самый младший держал за руку того, который постарше.

— Привет, — сказала девушка. — Меня зовут Мириам, а это Би.

— Я слышала, как вы там говорили, — ответила девочка, обернулась и попыталась зайти за грузовик, но на пути у нее оказалась Би.

Девочка уперлась в нее как в стену.

— Не нужно, — сказала Би. — Не надо на это смотреть.

Девочка наклонила голову, потом упала на колени перед Би и разревелась. Спустя несколько секунд к ней присоединились оба мальчика. Обхватив ее за плечи, они зашлись в плаче.

Би смотрела на них с совершенно потерянным видом.

Мириам подошла к детям, опустилась на колени и обняла всех троих.

— Это правильно, — сказала она. — Плачьте, так и должно быть. Ревите, пока можно.

От детей пахло свежей постиранной одеждой и пряностями — должно быть, из-за поклажи в грузовике.

— Побудь с ними, — сказала Би. — Мне еще нужно выкопать могилы.

— Меня зовут Таня. Старший — это Рок, а младший — Тони, — говорила девочка минут через десять.

Они зашли за грузовик, в тень. Перед полуднем солнце раскаляло каменистые холмы вокруг, и стоящие неподалеку кары рейдеров мерцали в горячем воздухе, как призраки.

— Я самая старшая. Всех детей отправили вперед, с караваном, а мы ехали последними. Я помогала собираться сестрам, укладывать... — Она всхлипывала, но слезы на горячем ветру высыхали почти мгновенно.

— Вы поедете со мной, в моем грузовике, хорошо? — Мириам заглянула ей в лицо. — Ты все еще самая старшая. Тебе придется собрать все ваши вещи и перенести их ко мне. Все, что может понадобиться в долгом пути. Ты понимаешь?

— Понимаю. — Девочка подняла голову. — Но как же?..

Мириам проследила за ее взглядом. За все еще дымящимися грузовиками мелькала складная металлическая лопата, выворачивающая неподъемные камни и разбрасывающая песок.

Би рыла могилу.

— Это неправильно, — почти прошептала девочка. — Я хочу попроситься...

— Мы прощаемся. — Мириам встала. — Собирай вещи, а мне нужно ей помочь.

Би работала без повязки. Пыль покрывала ее лицо и костюм, как желтый маскировочный балахон.

— Ты обгоришь на солнце, — сказала Мириам, присев на краю ямы. — У тебя совсем белая кожа, и к вечеру тебе будет очень больно.

— Пускай.

— Тут тебе немного осталось. Я пока подтащу тех, что полегче.

— Что?

— Их же нужно похоронить. Я помогу.

Би закашлялась, потом оперлась на лопату и выпрямилась, глядя на Мириам.

— Тебя же тошнит от вида крови!

— Да, но это... ты не должна делать все одна. Я справлюсь, кроме того, мне тоже хочется что-то для них сделать.

— Для них ничего уже не сделаешь.

— Неправда. Ты что-то делаешь. Даже сейчас. И это не твоя вина, что они... что их...

— Не моя?! — Би швырнула лопату о стену ямы так, что полетели искры. — Твоя? Нет, ты делала что могла. Их? Да они уже умерли. Кто мне теперь скажет, почему у них, у двух мужчин, трех женщин и кучи детей, было на всех одно ружье?! Одно против экспансивных... — Она снова закашлялась.

— Я не знаю, — сказала Мириам. — У меня тоже был только один пистолет. Ты не виновата.

Би подняла лопату и выпрыгнула из ямы одним движением, словно выброшенная пружиной.

— Те, кто виноват, жрут песок! Почти все эти скоты умерли гораздо легче, чем те, в кого они стреляли. Игла в голову!.. Ты знаешь, что мне пришлось добить священника и одну женщину? Им вырвало внутренности, но они еще жили. Или ты не заметила?

— Пожалуйста, не кричи. Дети услышат, — прошептала Мириам, и из ее глаз как-то сами собой закапали слезы. — Ты все сделала правильно. Я понимаю. Пожалуйста, давай я тебе помогу.

— Помощь — не то слово. — Би тоже перешла на шепот. — Если мы можем лишь добить раненых и закопать трупы, то это уже не помощь.

Она отвернулась и вонзила лопату в песок.

Мириам дотронулась до ее плеча и едва расслышала:

— Извини. На меня иногда находит. Спасибо, что пришла. Я знаю, как это тяжело в первый раз. — Би обернулась. Глаза на лице, покрытом желтой пылью, казались черными провалами. — Но потом... иногда это еще тяжелее.

Чуть позже Мириам помогала Би умыться. Руки и лицо девушки пахли дезинфектантом, ее все еще тошнило, но рвать больше было нечем.

Она знала, что будет сниться ей в ближайшие ночи — неожиданно тяжелые тела, душный запах пыли и крови, коричневая грязь, быстро сохнущая на солнце. Между машинами остались лежать только рейдеры. Мириам в любом случае не смогла бы заставить себя их коснуться. В какой-то момент — Би как раз начала засыпать яму — Мириам поняла, что Таня, девочка из миссии, стоит за их спиной и смотрит. Потом она убежала и вернулась уже тогда, когда Би заваливала могилу камнями, тяжелыми глыбами, которые не смог бы сдвинуть обычный человек.

В ее руках был крест, сделанный из двух металлических прутьев, перевязанных пластиковым жгутом. Теперь он был вкопан в песок, между камней, а Таня стояла перед ним на коленях.

Булькала вода в канистре, Би стирала грязь с лица куском мокрой ткани.

— Скоро вода закончится, — тихо сказала Мириам.

— К вечеру мы будем в Атланте, если выедем сейчас.

— Я посмотрю, что из вещей нам может понадобится, погружу их и возьму детей.

— Хорошо. Я соберу батареи, оружие и сломаю все машины, которые еще на ходу.

Би выпрямилась и смотрела теперь на Таню, с ее лица капала вода. Мириам подошла к девочке и дотронулась до ее плеча.

— Прощайся, — сказала она. — Чем сердечнее ты это сделаешь, тем легче будет расставаться.

— Мы не расстанемся, — возразила Таня. — Они в раю, и я их увижу когда-нибудь. — Она закрыла лицо руками. — Отец Кларк, Энтони, сестра Вонг, сестра Рут, сестра Мириам, — сказала девочка совсем тихо, и Мириам вздрогнула. — Сироты Марк и Тимоти. Здесь даже негде написать их имена. Я не помню, что нужно говорить в таких случаях. Моя проклятая память!.. Отец Кларк читал что-то, но я не помню...

— Важно не то, что ты читаешь, а то, что думаешь.

— О чем мне думать? — Таня оторвала руки от заплаканного лица и подняла глаза сначала на Мириам, затем на Би. — Почему такое случилось? Зачем эти люди сделали такое с ними?

— Из-за батарей в машинах, еды, лекарств. — Мириам наклонилась к ней. — Понять причины иногда хуже, чем не знать их вовсе.

— Из-за лекарств? Но ведь они могли просто попросить, им бы дали...

— Они не умеют просить, — жестко сказала Би. — Если тебе станет легче, убийцы за это ответили. Никто не ушел. Они все останутся здесь. Навсегда.

— Разве от этого может быть легче?

Би молча отвернулась и пошла к машинам.

Мириам осторожно взяла Таню за плечи и подняла на ноги.

Та крепко сжала ее руку и спросила:

— Скажи, ведь насчет еды и лекарств — это неправда? Эти люди, когда напали, кричали, что им нужны живые дети. Ты не знаешь зачем?

— Не знаю, — сказала Мириам. — Но нам действительно пора ехать.

Таня сделала несколько шагов за ней, потом остановилась:

— Скажи, а эта девушка, Би, она человек?

Мириам замерла, удивленная вопросом:

— Конечно человек, а кем еще она может быть?

— Не знаю, но она такая... — Таня оглянулась на могилу. — Я ее боюсь.

— Не бойся. Она очень хороший... человек.

Глава IV

Интермедия IV

Он вошел в город впервые в жизни.

Его пыльный плащ мел древнюю мостовую, усыпанную песком и камнями, а восходящее солнце окрашивало красным заросли винограда и обломки, наваленные вокруг. Он шел по звериным тропам, невидимым обычному глазу, среди стен в сотни человеческих ростов, готовых рухнуть от одного неосторожного движения, и металл на его лице разбрызгивал алые солнечные зайчики.

Он смотрел вокруг десятками нечеловеческих глаз: песчаных мышей, ворон, кружащих в небе, собак, прячущихся от него за гигантскими деревьями, занявшими целые небоскребы. В этом месте, когда-то полностью добровольно отданном смерти, бурлила жизнь. Он чувствовал ее в легчайшем движении прохладного воздуха, в любом порыве ветерка, в каждом шорохе.

Он ощущал разумы змей и насекомых, узкие и простые, как деревянное копьё. Разумы мышей и птиц, белок и косуль, собак и больших серых кошек, пульсирующие от ярких чувств и желаний. Сверкающие сознания людей, не отличающихся от животных по своей сути.

Он шел их путями, пересекая город. Семья кошек столкнулась с ним, но не увидела и прошла мимо по тропе, одна за другой, так что он мог бы дотронуться до них, если бы захотел. Люди с копьями, охранявшие свой лагерь на остатках большого здания с колоннами, тоже не стали его останавливать. Образ чужака не удерживался в их разуме, стирался между моментами видения и осознания.

Он прошел в центр лагеря, среди грубых палаток и рам для сушки шкур, к алтарю, металлическому столбу, вырастающему из каменного постамента, и сказал ему:

— Я ухожу.

Ответа не последовало, но он и не ждал его.

— Я хочу видеть и чувствовать все сам. Мне нужно понять их. Когда это произойдет, я вернусь. Обещаю. — Он дотронулся до синеватого металла. — Прощай.

Он беспрепятственно выбрался из лагеря и пошел по развалинам дальше. Невидимые пути, проложенные животными и дикими людьми, пересекали их во всех направлениях. Он шел мимо площадей, ставших пастбищами для косуль, трещин в земле, в которых, глубоко внизу, в обрывках труб бурлила вода, мимо неузнаваемых памятников и входов в подземку, превратившихся в пещеры и логова диких зверей, направляясь туда, где скоро должны были остановиться несколько очень быстрых машин.

К хайвею.

I

Сборы заняли у них еще полчаса.

Мириам перетаскивала в свой трейлер мешки и коробки, на которые указывала Таня, а Би бродила между машинами с ворохом оружейных ремней на плече. У миссии действительно не было ничего ценного: немного лекарств, одежда, сшитая самими сиротами из полотна, купленного в Хоксе, самодельное мыло на продажу, вода и ячмень. Когда Мириам сказала, что все это они не увезут, Таня опять расплакалась. Ей было жаль оставлять

вещи в пустыне. Два мальчика ходили за ней как тени, взявшись за руки, пока Мириам не приказала им сесть в свой грузовик. Но послушались они только после того, как Таня повторила ее приказ.

Трейлер Мириам, и без того перекошенный на один бок, сел еще ниже, и теперь она всерьез беспокоилась за сцепку. У нее ушло еще десять минут на то, чтобы подновитьгель в шинах маленьким электронасосом. Закончив с ними и снова протерев руки влажной тряпкой, она обнаружила, что детей в кабине нет.

Они стояли у могилы, все трое. Таня держала в руках маленькую книгу и перелистывала страницы.

— Ты умеешь читать? — Она обернулась к подошедшей Мириам. — Я привела их попрощаться и даже нашла Библию, но не могу...

— А что читать? — спросила Мириам, принимая том.

До этого она видела пластиковые книги только у путешественников и издалека, на ярмарке. В основном они были старые и потрепанные, а эта выглядела новой, мягкая обложка и страницы блестели, а черные буквы оказались такими маленькими, что Мириам приходилось напрягать глаза, чтобы хоть что-то разобрать.

— Не помню. Просто открой ее и прочитай что-нибудь. Пожалуйста.

Мириам раскрыла книгу. Вернее, она распахнулась сама, и оттуда выпала закладка — большой сухой виноградный лист.

— «Есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми. Бог дает человеку богатство и имущество, и славу, и нет для души его недостатка ни в чем, чего ни пожелал бы он».

Тут Мириам прервалась, у нее не хватило дыхания.

Она с самого детства не читала вслух, и ей казалось странным слышать свой голос, произносящий чужие и непонятные слова:

— «Но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем чужой человек: это — суета и тяжкий недуг».

— Подожди, не так быстро, — прервала ее Таня. — Нужно читать медленнее и громче.

— Ладно. Сейчас, где я?.. «И если бы какой человек родил сто детей и прожил многие годы, и еще умножились дни жизни его, но душа его не наслаждалась бы добром, и не было бы ему и погребения, то я сказал бы: выкидыш счастливее его...»

Ее прервал взрыв — негромкий, но мощный хлопок за спиной. Таня вскрикнула, а Мириам просто обернулась.

Один из рейдерских каров горел, возле него стояла Би. Почувствовав их взгляд, она обернулась и помахала рукой.

— Пора, — сказала Мириам и захлопнула книгу. — А то мы так до вечера не успеем в Атланту.

— А зачем она?..

— Не знаю, наверное, чтобы никто больше не смог ездить на этой машине.

— А вы едете в Атланту?

— Да. — Мириам отдала Тане Библию и протянула ей ладонь, а та в свою очередь взяла за руку старшего мальчика. — Пойдемте в машину.

— А мы ехали в Хокс. Отец Кларк сказал, что в Атланту никого не пускают.

— Би считает, что нас пустят.

— А она солдат?

— Я не знаю.

— А почему не знаешь? Ты разве не ее друг?

— Залезайте в машину. — Мириам подсадила мальчика постарше, помогая ему залезть на сиденье рядом с водительским, а Таня подняла маленького Тони. — Поместитесь?

— Да, — ответила Таня. — Мне кажется, что она солдат.

— Наверное. — Мириам обошла грузовик спереди и взобралась на место водителя.

Рядом с ней сидела Таня с Тони на коленях, Рок высунулся из окна и положил голову на локоть.

— Я слышала раньше, как отец Кларк читал то же самое. — За шумом прогревающегося двигателя Мириам еле услышала слова Тани. — Я думаю, ты правильно прочитала. Только вот я не смогла понять...

— Что? — так же тихо спросила Мириам, наблюдая, как кар Би разворачивается и выезжает на хайвей. — Давай я тебе объясню. Хотя, если честно, я тоже не очень поняла, что это все значило.

— Правда? Ну, может быть, ты знаешь. А то я спрашивала отца Кларка, а он злился. — Таня мотнула головой, стряхивая слезы.

— О чем?

— Что такое выкидыш?

— Это ребенок, который умер, не успев родиться. Я не знаю, почему злился ваш отец, но такое бывает.

— Не успев родиться?

— Он как бы рождается, но мертвым.

— Ага. — Таня задумалась.

Машина тронулась с места, и Мириам была счастлива, что больше ничего объяснять не нужно.

II

Дорога на Атланту оказалась значительно лучше, чем те, по которым они ехали до сих пор. Песок на старом бетоне был утрамбован множеством машин, трещины почти не попадались. Дети молчали. Рок вообще не произнес ни слова с момента его появления из грузовика, а Тони, по словам Тани, вообще не говорил.

— Не то чтобы он не умеет, просто, видимо, не хочет. Рок тоже неразговорчивый, но это потому, что тебя стесняется.

— Я вижу.

Мириам максимально затемнила ветровое стекло, но в кабине все равно было невыносимо жарко, несмотря на открытые окна. Если бы не дети в кабине, она давно бы сняла майку. Для нее было загадкой, как переносит жару Таня в своей курточке из легкого, но плотного полотна и таких же брюках и не жалуется. Всю дорогу девочка только одергивала Рока, когда он слишком сильно высовывался в окно, иногда говорила что-то Тони на ухо и совершенно бесшумно плакала, роняя редкие слезы ему за воротник.

До этого Мириам видела множество детей, от совсем маленьких, завернутых в тряпки и спящих на руках у родителей, до почти взрослых, вроде Тани, бегавших с криками по ее постоялому двору и постоянно норовящих что-нибудь стянуть, уронить или съесть. Ей приходилось заботиться о них, иногда кормить, искать, прикрикивать и отводить к

родителям. У нее были даже игрушки, которые она хранила для таких случаев: мягкая кукла с глазами из пуговиц, кубики с буквами и еще много всяких мелочей, коробка с которыми осталась далеко позади, среди развалин постоянного двора.

Но эти трое были другими. Наверное потому, рассудила Мириам, что, как и она, они росли сиротами, среди чужих, пусть и добрых, людей.

Теперь у них тоже не было ничего, и незнакомая, дочерна загорелая девчонка везла их на своем старом грузовике в неизвестность. Подумав об этом, Мириам вдруг четко увидела себя глазами Тани, сквозь ее слезы. Худые загорелые руки, лежащие на штурвале, узкое лицо, большие черные глаза и давно не мытые волосы, завязанные в высокий хвостик. Видение было таким ясным, что она чуть не выпустила штурвал. Грузовик ощутимо трянуло, и Таня действительно посмотрела на нее.

Тогда Мириам перестала молчать.

Она с трудом подбирала слова, говорила о том, о чем ей некому было рассказать с тех пор, как вторая семья покинула ее. Девушка излагала все несвязно, смешивала времена и впечатления из разных воспоминаний, но дети слушали. Она поведала им о том, какими красивыми были рассветы и виноградные сады в Олайхеме, городе ее детства, о дорогах, которые ей приходилось видеть, о том, чем различаются бетон и древний асфальт и на что похожи старые города, в которых давным-давно боятся селиться люди. Мириам вспоминала свой постоянный двор, то, как разрисовывала дома для гостей красками из баллончиков, оставленными как-то ей в уплату. Какой холодной бывает вода из колодца по утрам. Как однажды ей подарили маленькое радио, которое она слушала целых две недели, пока оно не сломалось. Из крепости Даллас до нее доносилась музыка и какие-то новости, которых девчонка не понимала, но готова была наслаждаться ими из-за красоты голосов, их произносивших. Она вспоминала мотивы древних песен, которые играли на ярмарке в Хоксе. Ничего прекраснее Мириам не слышала никогда, несмотря на то что часть слов в них была непонятна, а те, что оставались, не всегда складывались вместе. Она рассказывала, как здорово загорать весной, лежа на жестяной крыше ранним утром, пока воздух не успел нагреться, и как расцветает пустыня ближе к зиме, когда каждый порыв ветра несет легкий пух и тысячи семян, а среди дюн островками распускаются маленькие желтые цветы, чтобы через считанные дни опадать и быть унесенными ветром.

Они приближались к Атланте, и местность вокруг менялась. Вдоль дороги тянулись возделанные поля, виднелись каналы и фермы. Мириам начала рассказывать о них. Она жила на такой ферме несколько месяцев, там выращивали пшеницу, овес и чеснок, проводили каналы и перегоняли коров с места на место ранней весной.

— Их покинули. — Голос Би раздался из переговорника неожиданно, и Мириам вдруг поняла, что та тоже слушала ее все это время и не перебивала.

— Фермы?

— Да. Я не вижу ни одного дымка, никого живого. Все фермеры, обитающие вокруг Атланты, оставили эти места и бежали.

— Значит, они спаслись?

— Наверняка. Ехать осталось недолго, впереди кордон.

— Кордон?..

— Да, сторожевой пост. Отсюда уже видно Атланту, смотрите.

Они как раз спускались с пологого холма, и Мириам не сразу поняла, о чем говорит Би. Потом до нее дошло, что нечто огромное, светлое и прозрачное, закрывающее треть

горизонта, — это и есть Атланта. Она вглядывалась в нее до рези в глазах, но с такого расстояния мало что удавалось рассмотреть. Большие здания прятались в дымке, стена казалась мутной полосой, а высоко в небе мерцала струна орбитального лифта, видимая даже при свете дня.

— Притормозим, не нужно заставлять их нервничать, — сказала Би, и Мириам послушно снизила скорость, продолжая рассматривать город на горизонте, пока восклицание Рока не оторвало ее от этого занятия.

Би остановила свой кар посреди дороги. Мириам не понимала, почему так вышло, пока то, что она приняла за каменные глыбы на обочинах хайвея, не пришло в движение и не направилось ей навстречу. Би вылезла из машины и медленно пошла вперед. Мириам затормозила в десяти шагах за ее каром и тоже вышла из кабины, жестом велев Тане сидеть на месте.

Би стояла, подняв руки, перед двумя очень большими карами песочного цвета. Пластины брони, похожей на самый настоящий камень, прикрывали их колеса, а из щелей между ними смотрели страшные многоствольные орудия. Мириам не сразу разглядела, что за ними есть еще машины непонятных очертаний, словно спящие и не принявшие еще свою боевую форму, как эти две.

— Дорога закрыта, — сказал громкий механический голос, донесшийся из одной машины. — Разворачивайтесь!

Би что-то ответила ему. Слов слышно не было, но машины все так же стояли на месте.

— Разворачивайтесь! — Би снова возразила, и многоствольные орудия пришли в движение, начали раскручиваться.

— Распоряжение короля, Атланта закрыта! Разворачивайтесь или мы откроем огонь!

Би склонила голову, плечи ее поникли. Мириам непроизвольно сделала шаг назад, хотя отлично понимала, что ни расстояние, ни броня не спасут от этих пушек. Когда Би наконец-то повернулась и пошла обратно к машине, девушка облегченно вздохнула.

Они развернулись и поехали. В зеркале Мириам видела, как пушки провожали каждое их движение, словно пилоты боевых каров боялись, что Би передумает.

Они проехали триста метров назад по той же дороге, затем, уже за холмом, кар Би притормозил и съехал на обочину. Когда Мириам вышла из кабины, дети последовали за ней, как и раньше держась за руки. Би сидела на крыле своей машины, ее лицо было закрыто платком, и девушке не удалось поймать взгляд своей спутницы.

— Что теперь? — спросила ее Мириам.

Дети держались рядом, длинные волосы Тани щекотали ее плечо.

— Это не логично, — после длинной паузы сказала Би, по-прежнему глядя в сторону. — Даже если они приняли всех своих фермеров, их запасов должно хватить, чтобы выдержать очень длительную осаду.

— Может, они боятся, что рейдеры проберутся внутрь города и откроют ворота? — предположила Мириам. — Я, кажется, слышала о чем-то таком.

— Да, так случилось однажды в Чикаго. — Би наконец-то посмотрела на нее, в глазах воительницы была растерянность, словно отказ стражей Атланты причинил ей неожиданную обиду. — Вопрос в том, что нам делать теперь. Кажется, ты бывала здесь?

— Да, хотя довольно давно.

— Куда бы ты поехала?

Мириам переглянулась с Таней:

— В Хокс, конечно, это самый крупный город по эту сторону от Атланты. Кроме того, туда направилась миссия. Их ведь тоже не пустили в Атланту.

— Хокс? — Би заглянула в кабину своего кара и выдвинула экран. — Это вот здесь, севернее?

— Да. Туда идут все караваны, и торговцы из Атланты тоже часто там бывают. Это большой город.

— Через десять дней или еще того меньше Рука приблизится сюда и этот городок не устоит.

— Говорят, его защищает очень сильный барон. Путешественники рассказывали мне про Красного Ястреба.

— Каким бы сильным он ни был, ему не удержать город против четырех сотен боевых машин. — Би провела пальцами по экрану. — Нам стоит поехать туда, закупить припасы и катить дальше. Если между нами и рейдерами встанет Атланта, у нас появится шанс.

— Ты думаешь, что рейдеры нападут на Атланту?

— О, я бы очень этого хотела. — Би убрала экран в кабину и обернулась. — Желала бы, чтобы они рискнули, не отказалась бы посмотреть, что с ними сделают боевые лазеры и генераторы плазмы!

— Нам понадобится вода. — Мириам сняла фляжку с пояса и передала ее Тане. — Нас теперь больше, а у меня осталось едва ли два литра.

— В округе полно ферм, можем заехать на одну. Моему кару тоже нужна вода.

— Чуть дальше к северо-востоку должна быть водная вышка. Я видела ее, когда мы проезжали мимо. Думаю, там никого уже нет и мы сможем набрать воды бесплатно.

— Хорошо.

— Отец Кларк говорил, что в Атланту невозможно попасть. — Таня отдала флягу Року и подошла ближе к Би. — Они уже много дней не впускают никого, даже торговцев и путешественников. Поэтому мы поехали в Хокс. Он думал, что этот город будут защищать. Ведь сейчас там втрое больше людей, чем обычно.

— Я поняла, — ответила Би, но Таня сделала еще один шаг к ней и оказалась совсем близко. — Еще отец Кларк говорил, что многие путешественники не добрались до Хокса. Туда стало гораздо опаснее ездить. Иногда исчезают целые караваны, а солдаты из Атланты ничего не хотят с этим сделать! Но мы все равно поехали...

— На самом деле в крепостях гораздо меньше техники, чем кажется, и не так много обученных воинов. Я не думала, что они нас прогонят.

— Скажи, почему?! Ты ведь тоже солдат, правда? Ты нам помогаешь, но почему эти, другие, отказались тебя пустить?!

— Я давно уже не солдат, — медленно ответила Би. — А они мне не поверили.

— Как это?

— Решили, что я не та, кто есть. А может быть, и правильно сделали. — Би отвернулась и одним плавным движением заскочила в кабину своей машины. — Я бы тоже не поверила.

— Но они же видели твой кар и броню! — почти прокричала Таня. — Ты не просто солдат. Отец Кларк называл таких, как ты, посланцами смерти, говорил, что вы выполняете волю королей дорог и любой из вас страшнее, чем самая большая банда. Почему они отказались нам помочь?

Глаза Би сузились, и Мириам испугалась за Таню, а та подскочила к кару и стала рядом, глядя на женщину сверху вниз. Они смотрели друг на друга несколько мгновений, потом

Таня отвела взгляд и закрыла лицо руками.

— Я не знаю причин, — заговорила Би, медленно и тяжело роняя каждое слово. — Но они закрыли город для всех. Ты еще слишком мала, чтобы судить обо мне или таких, как я.

— Но почему? Ведь теперь все, кто не смог вовремя спрятаться, погибнут, как...

— Королям дорог все равно. Ты никогда не думала о том, как Бог позволил убить пять миллиардов человек за несколько дней? Сперва твоих родных, а потом и тех людей, которые дали тебе приют? Ты не думала об этом, маленькая монашка?

— Я не монашка, — тихо ответила Таня, захлебываясь слезами. — И моих родителей... их не убили.

— Короли согласны не замечать банд, пока те досаждают их врагам и пропускают купцов. Они согласны терпеть работоторговлю на своей земле, если она позволит получить дешевых рабочих на фермах. Ты понимаешь, о чем я говорю, монашка?

— Не понимаю. Бог не мог позволить такого, это все люди!

— Короли или Бог, без разницы — все равно разрешают. Это происходит потому, что они не хотят помешать. Как сейчас, например.

— Хватит! — сказала Мириам и обняла Таню. — Она не хотела. Не нужно больше, ей и так плохо.

Би искоса посмотрела на нее и молча захлопнула колпак кабины.

— Она злая, — прошептала Таня прямо на ухо Мириам. — Эта женщина — Меч короля. Мне говорили, что у них провода вместо сердца.

— Нет, — ответила Мириам так уверенно, что сама удивилась. — Разве ты не поняла?

— Что?

— Если бы ей было наплевать, она бы этого не говорила.

— Ты думаешь?

Ответить Мириам не успела, так как почувствовала прикосновение к своей ноге. Возле них стоял Рок.

— Мы еще не едем? — спросил он смущенно. — А то Тони хочет в туалет. Ничего, если мы отойдем к той скале?

Глава V

Интермедия V

Он оставил байк между двух скал, в тени. Хайвей бежал мимо белой полосой, разрезая лежащую перед ним чашу пустыни пополам. Она была совершенна, сверкающая под безупречным голубым небом, украшенная полосками камней и завитками дюн, прекрасна настолько, что от ее красоты у него останавливалось дыхание.

Он опустился на колени и поклонился ей, потом снял винтовку с плеча и несколькими привычными движениями размотал защитную ленту, прикрывающую прицел и спусковой механизм. В картине перед ним была одна беспокоящая деталь, мешающая любоваться ею, — облачко пыли над хайвеем вдалеке. Он толковал его форму легко, как обычный человек мог бы объяснить значение улыбки на лице любимой.

Две скоростные машины с форсированными двигателями.

Даже не слушая переговоры, он знал, что за люди их ведут — тигры, небольшой разъезд, отделившийся от основной группы. Облако, поднятое ими, было лишним в этой прекрасной пылающей чаше.

Электронный прицел разложился и лег на глаза. Он слегка приподнял коническую шляпу, защищающую его от солнца, и задержал дыхание, прислушиваясь к ритму сердца.

— Ты станешь цветком, — сказали его губы, укрытые тенью.

Двухдюймовая игла, выброшенная магнитным импульсом, покинула ствол винтовки со скоростью в две тысячи метров в секунду, стабилизаторы, раскрывшиеся под давлением воздуха, придали ей дополнительное вращение.

Спустя пять десятых секунды она встретилась с прозрачным пластиком колпака передней машины и легко пробила его. От удара вольфрамовый наконечник расплавился, и игла разделилась в полете. Ее боевая часть состояла из двух керамических половинок. Они вошли в глаз водителя и вырвали ему затылок.

Кар, утративший управление, еще несколько мгновений продолжал нестись по прямой, потом вильнул, перевернулся и взлетел высоко в воздух. Второй кар обошел его, даже не притормозив, рейдер с длинноствольным игольником высунулся из его кабины, ища цель.

— Ты станешь пылью. — Вторая игла ударила автоматчика в горло и почти оторвала ему голову.

Тело свесилось вниз, но кар поехал еще быстрее. Водитель уже видел стрелка, одинокую коленопреклоненную фигуру у скалы.

— Ты станешь камнем. — Второй кар перевернулся, взрывая песок, разбрасывая вокруг осколки металла и пластика.

Некоторое время он кувыркался по инерции, потом, вращаясь на месте, остановился в десяти шагах от стрелка, который даже не дрогнул. Он вглядывался в первую машину, перевернутый и лишенный колес остов, в котором все еще что-то шевелилось. Наконец часть искореженного колпака отвалилась, из машины с трудом вылез человек и, пошатываясь, выпрямился во весь рост в визоре электронного прицела.

— А ты станешь бабочкой.

Водная вышка оказалась даже ближе, чем думала Мириам. Они ехали не более часа, Би увидела ее, они свернули с хайвея направо и потом еще минут двадцать петляли по плохой каменистой дороге. На первом же ухабе, когда грузовик подкинуло, Таня сильно ударилась о потолок кабины и после этого вжимала голову в плечи при малейшей тряске. Она больше ни о чем не спрашивала, а Мириам совсем не хотелось говорить. Би, похоже, вообще отключила переговорник. Даже ее дыхания, уже ставшего таким же привычным, как шум мотора, не было слышно.

Вышка стояла в небольшой низине, рядом с дорогой, между двумя холмами. Вокруг нее были разбросаны четыре небольших ветхих строения с плоскими крышами, вроде домиков для гостей во дворе Мириам. Би проехала прямо под вышкой, обогнула пару домиков и остановилась между ними. Мириам поставила свой грузовик рядом и смотрела, как Би медленно шла к вышке, держа наваху на плече.

Би остановилась под трубой водосброса, осмотрела большие ржавые вентили и трубы, опутывающие вышку, потом обернулась и помахала рукой. Мириам сняла клипсу переговорника, засунула ее в зарядное гнездо рядом со штурвалом, открыла дверь и спрыгнула на землю.

— Ты сможешь мне? — спросила она Таню, снимающую Тони с высокой подножки. — Нужно будет набрать воды и кое-что перенести.

— А можно что-нибудь поесть? — спросил Рок, спустившийся с другой стороны кабины. — А то мы не ели со вчерашнего...

— Обойдешься! — резко сказала Таня. — Тебе лишь бы есть да спать!

— Но я хочу есть. Тони наверняка тоже.

— Мне не до этого! Тебе же сказали, нужно набрать воды и ехать дальше!

— Может, у нас будет время поесть. — Мириам провела рукой по волосам. — И даже привести себя в порядок. Таня, возьми, пожалуйста, в трейлере бутылку для воды, большую, она уже почти пустая.

— Хорошо. Рок, смотри за Тони, не уходите далеко от машины.

Мириам подошла к Би, которая отодвинула большой ржавый щит, закрывавший панель управления вышкой, и залезла туда по пояс.

— Они отключили питание и извлекли топливные элементы, — глухо сказала Би, когда Мириам приблизилась. — Но тест показывает, что все исправно. Магнитный насос работает, и, когда я подключу новую батарею, у нас будут три сотни литров воды в минуту.

— Это не слишком много? — удивилась Мириам.

— Слишком. Я не буду включать его на полную мощность, а то мы даже не сможем ничего набрать.

— Хорошо. Слушай, уже почти четыре часа.

— И что?

— Дети хотят есть.

Би вылезла из-за щита, медленно сдвинула вниз платок, закрывающий лицо, и посмотрела в сторону машины Мириам, возле которой маячили две маленьких фигурки.

— Думаю, можно что-нибудь приготовить. Но уже через четыре часа снова станет темно, и мы далеко отсюда не уедем.

— Ты не хочешь помыться?

— Что?

— Ну, здесь столько воды, и я подумала... Я не могла нормально вымыться с тех пор,

как мы встретились. Ты разве не хочешь принять душ?

— У меня... на мне компенсационный костюм. — Би вылезла из-за щита и встала. — В него встроена гигиеническая система, перерабатывающая отходы, и еще множество всего, чтобы пилот мог носить его неделями и чувствовать себя как человек.

— Но ты разве не хочешь его снять?

— Я... если честно, то я не думаю, что сейчас это было бы разумно.

— И не желаешь помыть голову?

Би оглянулась на домики, на вышку, на кары, стоящие рядом. От машин к ним шла Таня с огромной пустой бутылью.

— Если мы здесь останемся, то нам придется ночевать.

— Это опасно?

— Не знаю. Я не слышу рейдеров рядом, но это место само по себе может привлечь кого-нибудь.

— Но здесь уже давно никого нет, разве не так?

— Никого как минимум дней пять, если не неделю. Видимо, люди покинули вышку, едва пошли слухи о приближении Руки. Здесь же торговали водой?

— Да, тут можно было остановиться, набрать воды и зарядить батареи. Еще стояли лотки странствующих торговцев вон там и там. Я помню, мы тут проезжали два года назад. Только вот этих домиков еще не было.

— Тогда мы остаемся здесь. Ищите дрова, разводите огонь, я пока приведу эту штуку в порядок. — Би и Таня обменялись взглядами.

Девочка отвела глаза и поставила бутыль перед Мириам.

— Хорошо, тогда мы готовим ужин, — сказала та.

— Да. — Би кивнула и в упор посмотрела на Таню. — Послушай, монашка!

Таня безропотно подняла глаза.

— У меня нет проводов в сердце. Тебя обманули. Они у меня в голове.

Таня кивнула.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Нет, но мне кажется, что ты говоришь правду, а такой человек заслуживает того, чтобы ему верили. Сестра Мириам говорила, что доверие — это самая большая ценность.

— Не понимаешь, но доверяешь?

— А у меня есть выбор? — резко, как-то совсем не по-детски спросила Таня.

— Мы друг друга поняли, — ответила Би так же жестко. — Поможешь Мириам с ужином?

— Конечно. Что вам приготовить?

— То же, что и всем. — Би снова полезла под щит, а Таня пожала плечами.

— Пошли искать дрова, — сказала Мириам.

Запас топлива обнаружился в одном из домиков, рядом с железной печью, которую не захотели или не смогли увезти. Мириам тоже не собиралась ее разжигать, поэтому они потащили дровяшки наружу. Рок и Тони наблюдали за ними, сидя в тени грузовика. Потом Таня заметила их и решила занять чем-нибудь.

Мириам тщательно проинструктировала Рока, и к тому времени, как нужное количество дров оказалось на площадке перед вышкой, там уже были расстелены одеяла и разложена нехитрая кухонная утварь. Большой костер вспыхнул и загорелся непривычно бледным пламенем. До захода солнца оставалось еще много времени. Спустя несколько минут к

потрескиванию пламени добавился высокий свист — заработала вышка.

— Скоро пойдет вода, — сказала Би, подходя к костру. — Причем столько, что можно будет плавать...

— Ты обгорела на солнце. — Мириам доставала мясо из котла и выкладывала его на пластиковую пленку, расстеленную на песке. — Тебе нужно будет умыться, а потом у меня есть очень надежная восстанавливающая мазь.

— Я переживу. — Би присела у огня, наблюдая за работой Мириам. — Это даже не очень больно.

— Зато некрасиво. — Мириам выложила все полоски и кусочки мяса, встала и критически осмотрела свою работу. — Здесь должно хватить нам на сегодня и на завтрашнее утро. Подождем, пока будут угли. Таня, набери воды в котел.

— Откуда?

— Оттуда. — Мириам указала на водослив вышки, из которого падала тоненькая прозрачная струйка. — Только быстрее, потому что если вода потечет со всей силой, то тебе будет сложно.

— Ладно. — Таня схватила котел и побежала к вышке.

— Думаешь, можно будет даже принять душ? — спросила Мириам.

Би посмотрела на нее с удивлением и ответила:

— Да, если душ — это струя ледяной воды под высоким давлением.

— Я привыкла. В колодце всегда холодная вода. У меня был особый бак для нагревания на солнце, но обычно утром я умывалась прямо так.

— И не было холодно?

— Еще как! — Мириам передернула плечами. — Но без этого совсем невыносимо. Я не могу так ходить грязной целыми сутками, и вообще...

Ее прервал смех Рока. К костру возвращалась Таня с полным котелком, мокрая с ног до головы. Куртка и брюки из полотна обвисли, с них стекала вода. Никто больше не засмеялся, и Рок затих. Мириам молча встала и взяла у нее котелок.

— Садись к костру.

— Она очень сильно ударила. — Таня пыталась отжать рукава и лацканы куртки, и Мириам заметила, что девочка дрожит от холода, несмотря на солнце. — Я не думала... Там такой сильный напор, что я упала.

— Не страшно, мы тебя переоденем, захватили же что-то подходящее. Пошли, пока костер разгорается.

— Там все очень большое.

— Ничего, походишь в большом, пока это высохнет. — Она указала Тане на трейлер. — Я постою у двери, пока ты переодеваешься, чтобы никто не зашел.

— Это в смысле... Рок? — Таня оглянулась на мальчиков, оставшихся у костра. — Да, он постоянно подглядывал за девочками в душе.

— Я так и думала. Потом, пока я буду мыться, ты тоже проследишь, чтобы они не подглядывали, хорошо?

— Ну, Тони еще маленький. — Таня остановилась у дверцы трейлера, дернула, но открыть не смогла, пока Мириам не сдвинула вниз небольшую замаскированную задвижку.

— Маленький, но мне все равно будет неловко.

— Хорошо. — Таня заглянула в трейлер. — Ты поможешь мне подобрать что-нибудь?

Вскоре костер прогорел, Мириам разровняла угли лопатой и поставила на них котелок с

картошкой. Мясо она разложила рядом, на закопченной стальной пластине треугольной формы, служившей ей вместо походной сковороды. Больше всего она походила на кусок брони от кара. Таня, переодетая в джинсы и майку, широко раскрыв глаза, следила за Мириам — как она солит воду и переворачивает ножом кусочки мяса, чтобы они прожаривались.

— В следующий раз готовить будешь ты, — сказала ей Мириам. — Ничего сложного, правда?

— Я часто помогала сестрам при кухне, — ответила Таня. — Но мы никогда ничего не делали на огне. У нас была электрическая печь.

— У меня тоже, маленькая, но я редко ее включала. Батареи дорого стоят, их лучше было сохранить для чего-то серьезного, к примеру машин или подогрева воды зимой. Кроме того, на огне получается вкуснее, особенно мясо.

Рок попытался стянуть кусочек прямо с противня, и Таня шлепнула его по руке. Тони вообще не интересовался костром, а возился неподалеку в песке с куском дерева, похожим на кар.

— А где Би? — спросила Таня. — Она будет есть?

— Наверное, у себя в машине. Я ей отнесу.

Би пришла сама и села прямо на песок рядом с одеялом Мириам. Шейного платка не было, и широкий воротник комбинезона оказался расстегнутым, открывая взгляду мешанину черных трубок, обвивавшихся вокруг ее шеи.

— Разъезд рейдеров только что погиб неподалеку, — сказала она. — Очень быстро, всего несколько криков. Вкусно пахнет. Ты знаешь, мне давно так не хотелось есть.

— Хорошо, сейчас как раз картошка доварится. Только мясо, наверное, очень жесткое, ты осторожнее.

— Я помню, не волнуйся. Теперь сюда никто не сунется. До прихода основных сил они будут обходить этот участок хайвея. Я включу оповещение на ночь. Кажется, здесь есть волки.

— Мы будем жечь костер, и они не нападут, — сказала Мириам, увидев испуг в глазах Тани.

— Правильно.

Мириам подвинула противень Би.

— Осторожно, он горячий.

Но воительница уже взяла прожаренный кусок мяса рукой в перчатке, подула на него и жадно впиалась зубами.

— Ты радуешься? — осторожно спросила ее Таня. — Потому что те рейдеры погибли?

— Да. — Би прожевала мясо. — А ты нет?

— Я думаю, что это неправильно — радоваться, когда кого-то убили.

— Неправильно, но мне больше радоваться нечему.

— Ты могла бы...

— Что?

— Нет, ничего. — Таня тоже потянулась к мясу, но отдернула руку. — Горячо!

— Конечно. — Мириам дала ей длинную вилку. — Снимай его осторожно и раздавай. Будешь за старшую.

— Видимо, не могла бы, — задумчиво сказала Би и потянулась к следующему куску.

Они ели жадно, как дети, которые пережили голод. Би сжевала всего два кусочка, а потом только наблюдала со стороны. Мириам раскладывала картошку по жестяным тарелкам, хлопала Рока по пальцам, когда он слишком часто тянулся к мясу, выбирала самые мягкие кусочки для Тони и тоже смотрела. Она привыкла судить о людях по тому, как они едят. Иногда это говорило о человеке больше, чем он сам мог о себе рассказать.

Таня ела аккуратно, но чувствовалось, что она очень голодна. Тем более удивительно было, что девочка ни разу об этом не обмолвилась.

Рок ел быстро, много и шумно, чавкая и иногда пытаясь говорить, как и полагалось ребенку в его возрасте.

Тони жевал мясо тихо, задумчиво и большую часть трапезы казался погруженным в себя.

А Би... ей было все равно. Мириам показалось, что, будь вместо мяса сухая ветошь, Би съела бы ее точно так же, быстро и равнодушно. Когда она смотрела на детей, на ее лице менялись совсем непонятные Мириам выражения — сожаление, грусть, сомнение, словно женщина пыталась что-то вспомнить и не могла. Она не улыбнулась, даже когда Таня погналась за Роком, утащившим самый большой кусок мяса, и загнала его на крышу домика.

— Все! — громко объявила Мириам. — Вы наелись, если уже валяете дурака. Все остальное — на завтрак! Слазь оттуда. Таня, ты помнишь, о чем мы с тобой договаривались?

— Помню! Пускай он слезет! Эй, спускайся немедленно!

— Нет, я буду тут спать!

— Спускайся! — Таня стукнула по металлической стенке так, что домик отозвался гулом, как пустая бочка.

Мириам сложила остатки мяса в котелок вместе с картошкой и накрыла еду пленкой.

— Таня, не кричи. Рок, слазь, ты же взрослый, не веди себя как маленький.

Рок подумал немного, спрыгнул, и Таня тут же взяла его за шиворот. На взгляд Мириам, их возня готова была перерасти в драку. Рок отчаянно пытался освободиться, отталкивал девочку, а та старалась его удержать.

— Таня, отпусти его, он может ходить и сам. Рок, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

— Что? Пусть она меня не бьет, первая начала!

— Рок, возьми Тони и подберите себе что-нибудь из одежды. Ночью будет холодно. Таня, помоги им. Все, что вам нужно, у меня в трейлере. Давайте я покажу.

Рок пошел к трейлеру следом за Мириам, за ним покорно заковылял Тони с недоеденным куском мяса в одной руке и деревяшкой в другой. Девушка быстро нашла новые шорты, короткую майку и брусок самодельного мыла, потом выбрала отрез полотна побольше — вместо полотенца.

— Помогите им, — сказала она Тане. — Дверца закрывается изнутри, так что защелкните ее, а когда можно будет выходить, я постучу. Себе тоже возьми что-нибудь укрываться.

Таня кивнула и помогла Тони взобраться в трейлер.

Би, все еще сидящая у костра, встретила Мириам взглядом, в котором ясно читалось удивление.

— Ты действительно собираешься тут купаться?

— Да, а что?

— Вода же ледяная.

Мириам бросила полотно и чистые вещи на одеяло, потом достала заранее заготовленный гребень.

— Я привыкла. Мне иногда приходилось мыться очень холодной водой. Тут главное — вовремя вдыхать и выдыхать, к тому же сейчас еще солнечно. — Она распустила хвостик и принялась расчесывать волосы.

— Давай тогда я хотя бы уменьшу давление.

— Хорошо бы, а то меня может просто смыть. — Мириам подняла мыло и пошла вслед за Би, продолжая расчесываться.

Песок под водосбросом был смыт, обнажив бетонную плиту и желоб, ведущий к небольшому водосборнику за вышкой. Струя воды, падающая с трехметровой высоты, била прямо в бетон, разбрасывая вокруг ледяные брызги.

— Таким меня, наверное, вообще убьет.

— Сейчас. — Би присела возле панели управления, и менее чем через минуту напор упал, теперь поток воды был не шире ладони.

— Это уже не так страшно. Подержишь гребешок?

— Давай.

Мириам сжала мыло покрепче и ступила на бетон. Брызги обожгли ее ноги, она сделала еще два шага и завизжала. Ледяная вода ударила ее будто раскаленным прутом, разметав волосы и сбив дыхание. Она быстро и резко выдохнула, как учил отец. Вода разбрызгивалась на ее плечах и обжигала кожу. Отступив немного в сторону, девушка стянула майку и швырнула ее в желоб с водой, потом сбросила шорты. Би спросила что-то, но она не расслышала ни слова за шумом воды.

Мыло оказалось твердым и шершавым, зато брызги уже не были такими ледяными. Она намылилась с головы до ног, тщательно и быстро, потом снова ступила под воду и опять завизжала. Ей хватило сил несколько раз повернуться на месте, смывая мыло, а потом выбежать на песок. В ушах шумело, легкий ветерок, налетающий из пустыни, казался горячим.

— Вода настолько холодная? — спросила Би.

— Я всегда кричу и ничего не могу с этим поделать. — Мириам собрала волосы, выжимая воду. — Ты точно не хочешь искупаться? Сначала это страшновато, но сейчас я чувствую себя просто здорово. Такое теплое солнце! Можно мой гребешок?

Би молча смотрела, как она расчесывает волосы, стоя на песке, — голая, худенькая, загорелая, со следами от шорт на стройных бедрах и черным рисунком татуировки внизу живота.

— Наверное, я бы так просто не решилась.

— Так?

— Ну, стоять в пустыне без одежды. — Би передернула плечами. — Мне даже подумать об этом страшно.

— А что в этом такого? Никто же не смотрит. — Мириам оглянулась на трейлер. — А если бы кто-то и был близко, ты бы сказала. Я просто не могу столько не мыться и ходить в грязной одежде. Это ужасно. Дома я всегда принимала душ каждый вечер, а когда-то мои родители даже держали ванну, в которой была горячая вода. Это так здорово — горячая ванна.

— Я знаю, — сказала Би, потом одним решительным движением вынула заколку, сцепляющую узел волос на голове. — Подержи!

— Подожди, давай я сначала...

Но Би уже встала под водосброс, туго стянув ворот комбинезона. Волосы, упавшие на плечи, разметались от удара воды, но она даже не покачнулась. Мириам вложила мыло ей в руку и сделала шаг назад, разглядывая заколку.

Она была тонкой, металлической, очень красивой формы, с вкраплениями другого материала, похожего на белый пластик, гладкого и отражающего свет. Мириам, никогда раньше не видевшая подобных вещей, созданных для красоты, рассматривала ее, затаив дыхание.

Би намыливала волосы немного неловко, словно ей раньше не приходилось пользоваться таким мылом.

— Комбинезону ничего не будет? — спросила Мириам.

— Нет, он и так внутри влажный. — Би склонила голову под потоком воды, потом отбросила волосы за спину.

Они оказались гораздо длиннее, чем у Мириам, но не такими густыми.

— Ты была права, теперь действительно намного лучше. Что-то не так?

— Нет, все нормально. У тебя кожа очень покраснела, нужно будет сразу же втереть мазь. Слушай, а из чего это заколка?

— Титан и слоновая кость.

— Слоновая?

— Это было такое животное в древности. Наверное, они уже вымерли.

— Кость. — Мириам провела пальцами по поверхности заколки, потом протянула ее Би. — Давай я оденусь, а потом расчешу тебе волосы, а то они у тебя совсем спутались.

— Я и сама могу.

— У меня очень хорошо получается, честно. — Не дожидаясь ответа, Мириам побежала к костру.

Прикосновение чистой одежды к коже было почти болезненным, но приятным. Примерно так теплый шершавый песок льнет к босым ступням. Мириам подбросила в костер пару деревяшек, подошла к трейлеру и постучала в стенку.

Дверцу открыла Таня.

— Я думала, мы тут задохнемся. О, у тебя мокрые волосы.

— Не хочешь помыться? Я покараулю.

— Нет, я же уже и так... Голова до сих пор мокрая.

— Вы взяли себе вещи?

— Да, я дала им по куртке и еще взяла два одеяла. Мы же ляжем рядом?

— Да, конечно, так теплее. Берите все и пошли.

Рок, почти скрытый под одеялами и куртками, вывалился из трейлера вслед за Таней. Би уже сидела возле костра с зеркалом в левой руке и пыталась причесываться. Мириам осторожно взяла гребень из ее пальцев.

— Ты же в перчатках.

— Да, действительно, очень неудобно, ничего не чувствую. — Би отложила зеркало. — Но я совсем не хочу нагружать тебя этим.

— Нагружать? — Мириам засмеялась. — Мне это нравится. Я всегда расчесывала волосы своей маме... приемной. Они у тебя красивые. — Она провела гребнем сверху вниз раз-другой, и он наткнулся на что-то твердое. — У тебя какая-то штука вплетена в прическу, да? Как проволока.

— Это корд. Осторожнее, просто не трогай его.

— А откуда он?

— Подсоединен к моей голове. Его легко отключить и снять, но я предпочитаю прятать в волосах.

— А зачем?

— Это вроде антенны у радио. Беспроводная связь с машиной и другими устройствами, которые есть рядом.

— Радио в голове?

— Вроде того.

— То есть ты можешь управлять ею издалека?

— Машиной? Да, могу.

— А ничего, что он мокрый?

— Нет, он не металлический. Вода ему не страшна.

— Это больно? — спросила вдруг Таня.

— Что?

— Когда провод вставляют в голову?

— Нет, несколько. Скорее страшно, и потом... очень сложно рассказать.

— А вы попробуете?

— Если очень захочешь.

— Обещаете?

— Нет, не обещаю.

— Не приставай к ней, — вмешалась в их разговор Мириам. — Она всю ночь не спала, мы целый день ехали, и еще... Давай просто отдохнем!

— Это не проблема, — сказала Би. — Я как-нибудь расскажу, если мы доживем.

— Доживем, конечно. Может, тебе заплести косу?

— Косу?

— Ну да. У тебя получится длинная красивая коса. А этот корд можно в нее вплести.

— Нет, не нужно. Я не смогу надеть шлем. Лучше оставить как раньше.

— Это было ужасно. Я уложу их, но иначе. — Мириам сноровисто собрала волосы Би в хвост, свернула их в большой плоский узел на затылке и закрепила заколкой. — Так лучше, хотя тоже не очень. Тебе идут распущенные волосы. Заколка красивая.

— Да, это подарок. — Би встала так неожиданно, что Мириам, стоявшая за ней на коленях, чуть не опрокинулась назад. — Я пойду в машину. Солнце сядет минут через сорок. Ложитесь спать.

— Может, ты устроишься с нами, у костра? Тут теплее.

— Нет, мне привычнее там, оттуда я дальше вижу.

Мириам пожала плечами.

— А можно мне расчесать волосы? — спросила Таня.

— Да, конечно, садись сюда.

— Девчонки! — прыснул Рок.

Таня зачерпнула горсть песка и швырнула в него.

— Девчонки, — согласилась Мириам. — Рок, расстели, пожалуйста, одеяла, пора ложиться спать.

Она уложила их рядом, всех троих. Тони, похоже, и так клевал носом, а Рок, у которого еще хватало энергии, чтобы сыпать песок за шиворот Тане, отнесся к сну как к необходимому злу, особенно после того как Мириам объяснила, что вставать им придется до рассвета.

— А волки к нам не подойдут? — спросила Таня.

— Нет, если вы будете лежать тихо. Би хорошо стреляет, так что ничего не бойтесь.

Оставив их устраиваться у костра, Мириам взяла склянку с мазью и пошла к машине Би. Та, по своему обыкновению, сидела с открытыми глазами и смотрела в никуда.

— Мазь, — сказала Мириам, присев рядом с машиной. — Перед сном, тогда подействует лучше всего.

— Ладно. — Взгляд Би вернулся из неизвестной дали, и она взяла баночку. — Спасибо.

— Не за что. Это, наверное, тяжело — все время ходить в этом костюме?

— Нет. Мне уже сложно представить себе, как можно быть без него.

— Ты так давно его не снимала?

— Не то чтобы очень давно. Просто за это время многое произошло.

Би замолчала, открыла склянку и принялась наносить мазь на лицо.

— Ты не хочешь говорить об этом, да? — тихо проговорила Мириам. — Тогда я не буду спрашивать. Я вижу, у тебя совсем светлая кожа, очень нежная, и солнце тебя обжигает. Ты, наверное, из крепости, а я видела их только издалека. Но ты когда-нибудь расскажешь об этом, правда?

— Да, если захочешь.

— Думаешь, в Хоксе опасно?

— Я знаю. Рука — это не одна банда рейдеров, которую сможет отогнать храбрый барон с двумя десятками наемников.

— Я была там. Мне он показался большим городом, и у барона должно быть много воинов. Хокс стоит на холме, у него есть стены, вышки и, кажется, даже пушки. Я не рассматривала.

— Скоро увидим. Не думаю, что стоит оставаться там надолго.

— Я поняла. Но в городе по крайней мере есть гостиницы и постоянные дворы, даже ванны из стали.

Нам понадобится больше еды, и не такой, как сейчас. Детям потребуются витамины, можно будет купить чеснок, весенних яблок. В Хоксе замечательные сады.

— Ты очень практичная.

— Да? Меня всему научили родители. Потом я держала свой постоянный двор. А это очень трудно, особенно когда работники поразбежались.

— Ты очень хорошо обращаешься с детьми.

— Правда? А как с ними можно плохо обращаться? У многих моих постояльцев были дети, да и сами они иногда вели себя не лучше.

— Я не очень умею. А ты гораздо лучше их понимаешь, даже несмотря на свой возраст.

— А что с ним не так? На фермах девчонки в двенадцать лет уже выходят замуж, а к четырнадцати у них по двое детей. Я гораздо взрослее, чем они, разве нет? Должна знать и уметь больше.

— Я вижу. Просто не ожидала.

— А разве в крепостях не так?

— Нет, там взрослеют дольше.

— Насколько?

— Сложно сказать, но я ожидала, что ты будешь вести себя как ребенок вроде Тани.

Мириам рассмеялась:

— Так и она уже не ребенок. Таня взрослая и ведет себя почти как надо. Вот Рок — другое дело, но он мальчишка, а они все такие.

— Какие?

— Такие. — Она замолчала.

— А что значит твоя татуировка? — неожиданно спросила Би.

— Ты заметила? — Мириам почувствовала, что краснеет. — Я сделала ее год назад в Хоксе. Это иероглиф, который значит «счастье» на каком-то древнем языке. Мне его посоветовал сделать один юноша.

— Твой?

— Я думала, что мой. Он обещал приехать. Мы были вместе всего несколько дней, и больше я его не видела. Да, была душой, но татуировка красивая.

— Извини.

— Я сама виновата. Я мало общалась с мужчинами до этого. Нужно было думать. А у тебя есть татуировки?

— Да, есть. Две.

— Правда? А какие?

— Одна — об окончании обучения. Она на шее, сзади. А вторая — бабочка. Она вроде твоей, на бедре.

— Тоже парень?

— Да, очень давно. — Би протянула девушке баночку с мазью. — Спасибо, давай спать.

— Ты разве вообще спишь?

— Да. Хотя и не очень хорошо в последнее время.

Прежде чем вернуться к костру, Мириам подобрала мокрые вещи, о которых совершенно забыла. Би давно выключила воду, шорты и майка девушки одиноко мокли в быстро высыхающем озерце у башни.

Пустыня жила своей жизнью. По холмам гулял ветер, и прямо на глазах Мириам через дорогу пронесся тушканчик, но не добежал до вышки, а замер, глядя в сторону костра. Дети уже спали. По крайней мере, Мириам так показалось. Стоило ей завернуться в одеяло и улечься у костра, как рядом с ней бесшумно оказалась Таня.

— Можно я у тебя тут посижу? — спросила она шепотом.

— Тебе совсем не хочется спать?

— Хочется, но я так... мне никогда не приходилось спать прямо под небом. И на песке.

— А ты просто ложись и не старайся заснуть.

— А сюда никто не подкрадется?

— Нет. У Би в машине стоит такая штука, которая видит все живое вокруг, очень далеко. Никто не подкрадется, а если все-таки окажется близко, то у меня под подушкой пистолет.

— Правда?

— Конечно. — Мириам продемонстрировала рукоять игольника.

— Он заряжен?

— Да, разумеется, двадцать восемь иголок.

— Ты стреляла в людей?

— Да.

— И убивала?

— Как-то пришлось.

Таня хотела спросить еще что-то, но так и не сделала этого. В сумерках Мириам видела только ее силуэт на фоне розового неба.

— Ложись, — сказала она наконец. — Ты же не будешь сидеть так всю ночь.

Таня легла на ее одеяло, лицом к ней, и прошептала:

— Скажи, ты молишься перед сном?

— Нет. — Мириам удивилась.

— А я... забыла. Мы всегда читали молитву перед едой и сном, но у меня в голове все словно смешалось. Я плохо помню слова и сейчас не знаю, что нужно говорить. Как ты думаешь, Бог может обидеться на то, что я пропустила молитву?

— На меня он никогда не злился. И вообще, я думаю, что он с маленьких не взыскивает.

— Я не маленькая. Я самая старшая в миссии...

— Не бойся. Мама как-то говорила мне, что для настоящей молитвы слова не важны. Его можно сказать по-своему, и если искренне, то Бог тебя поймет.

— Своими словами?

— Да. Просто тихонько скажи то, что всегда говорила, но по-своему.

— Думаешь?

— Попробуй.

Таня еще несколько мгновений собиралась с духом, потом глубоко вдохнула и зашептала:

— Господи, пожалуйста, защити меня от всего страшного и ужасного, помоги тем, кто со мной и всем хорошим людям, дай нам пережить эту ночь. Аминь. — Она снова вздохнула. — Да, наверное, так правильно. Теперь можно спокойно спать, правда? Ты что, плачешь?

— Да, просто вспомнила кое-что. Давай спать.

— А что ты вспомнила?

— Спать.

— Хорошо. — Она повернулась на другой бок, спиной к Мириам. — Спокойной ночи.

— Спокойной...

Мириам сжала зубы, чтобы снова не заплакать, не думать о молитве, которая как две капли воды была похожа на ту, что читала перед сном мама всего два года назад.

Очень долгих два года.

Глава VI

Интермедия VI

Тако не считал себя сумасшедшим.

Более того, он расценивал себя как разумного, рассудительного и смелого бойца, которому ничего не стоило бы возглавить восьмерку или даже двадцатку тигров. Тако и во сне никогда не признался бы себе, что боится чего-то на дороге, но ехать ночью по незнакомому хайвею было сущим безумием.

Он сидел на броне передового кара, вцепившись в крепко приваренные скобы, и холодный ветер пронизывал его до костей. Кожаная броня, неплохо державшая удар ножа или тупого копья, совсем не спасала от холода, и рукоять игольника, обмотанная пластиковой лентой, почти примерзла к ладони. Тако был голоден, а еще испытывал страх, хотя и совершенно не понимал, почему это так.

Все началось с того, что они подобрали этого человека. По крайней мере, он четко помнил его фигуру — узкую, высокую, в сером пыльном плаще. Парни отделились от основной двадцатки, чтобы проехать десяток километров на восток по хайвею, и там наткнулись на него.

Наверное, Тако увидел незнакомца первым. Он всегда отличался хорошим зрением, к тому же снаружи было гораздо дальше видно. Тигр пытался вспомнить этот момент, но все смешивалось, крохотная черточка человека, стоящего рядом с дорогой, мгновенно вырастала, и Тако видел его лицо, в которое ему совсем не хотелось смотреть.

Человек был изуродован. Куски металла покрывали его правую щеку и висок, спускаясь до подбородка и оставляя нетронутыми глаза. Выглядело это так, будто на него лили расплавленное железо, которое потом загустело. Но почему-то Тако, который видел, как людей пытаются тепловым резаком, боялся на него взглянуть.

Незнакомец взобрался на его машину и сел на броню, взявшись за поручень, как настоящий тигр. Сейчас он, кажется, все так же сидел рядом, но мысли Тако путались, и он иногда забывал об этом.

Сломанная Маска — так его звали, хотя Тако не был уверен в этом. Ведь сам незнакомец своего имени не называл. Он вообще не разговаривал, только несколько раз поворачивался в сторону Тако, заставляя того склонять голову и сжиматься, как сухое яблоко.

Сначала ему казалось, что Кода, старший восьмерки, знает, зачем они взяли незнакомца и почему не расстреляли его прямо там, на хайвее, но потом заподозрил, что тот, так же, как и сам Тако, захвачен безумием и просто не может сопротивляться силе, влекущей их кары дальше по темной дороге.

В какое-то мгновение этой бесконечной ночи, когда страх стал совсем невыносимым, он собрал свои мысли в кулак и все-таки повернул голову, но только для того, чтобы встретиться глазами со Сломанной Маской, смотрящим прямо на него. Тако видел, как бьются на ветру длинные белые волосы, поблескивают металлические осколки при свете звезд, но все остальное тонуло во тьме и свисте холодного воздуха.

— Не бойся, — сказал темный провал на месте рта. — Уже совсем недалеко.

— Есть хочется, — невпопад ответил Тако, совсем забывший, что хотел сказать до этого.

— Спи, — ответила темнота, сомкнулась вокруг и оказалась совсем не страшной.

Куда-то пропали холод, броня и остывшая рукоять игольника. Тьма была такой же мягкой и теплой, как та девушка-рабыня, которую он изнасиловал когда-то на ферме, перед тем как убежать в Эрг, к тиграм.

— Спи, — сказал Сломанная Маска. — Его глаза слезились от ветра, плащ почти не защищал от холода, и он ужасно замерз. — Спи, тебе завтра умирать.

I

Мириам снились трупы. Множество тел, разбросанных среди обломков каров и сухих деревьев, в пустынной долине, окруженной горами. Она шла, искала среди них Таню, Рока и Тони, переворачивала, вглядывалась в неразличимые лица, и ее сердце замирало от страха. Ведь они лежат где-то там, и нужно похоронить их, пока не пришла ночь, а с ней — волки. Девушка склонилась над очередным трупом в белой одежде, а тот вдруг вцепился ей в запястья и потянул к себе, блестя мокрыми шариками глаз. Мириам рванулась и поняла, что лежит у костра, под теплым колючим одеялом, мокрая от пота, а Таня пытается ее растолкать. Светало, костер давно погас, над холмами вставала робкая ранняя заря.

— Что случилось? — спросила она Таню.

— Ты стонала во сне, уже во второй раз, потом вскрикнула, и я подумала...

— Да нет, ничего страшного. Просто плохой сон. — Мириам села, оглядываясь. — А Би уже проснулась?

— Не знаю, наверное. А кто такая Вероника?

— Вероника?

— Я отходила за домик, чуть раньше, ночью, и слышала, как Би говорит с какой-то Вероникой. Они спорили о чем-то, и Би, кажется, плакала.

— Я не знаю.

— Может, они говорили по радио?

— Я пойду спрошу. Похоже, нам скоро нужно выезжать.

Она отбросила одеяло и села. Холодный ветер скользнул по ее коже, и Мириам громко чихнула. Песок выстыл за ночь, и теперь ей было страшно даже вспомнить о том, как она принимала душ. К машине Би она почти бежала. Ей было холодно, и страшный сон выветривался из головы, оставляя только неясное неприятное ощущение на самой границе памяти.

Би неподвижно лежала в кресле пилота, и синяя лампа, мерцающая каждые несколько секунд, освещала ее лицо, спокойное, умиротворенное и очень красивое, несмотря на ссадины. Би спала, и Мириам так и не решилась ее окликнуть. Вместо этого она пошла обратно, стараясь ступать как можно тише.

Девушка разбудила детей и отвела их к водосборнику — умываться. Маленькое озерцо не высохло за ночь, и на его песчаных границах остались четкие следы тушканчиков или мышей, приходивших к нему пить воду. Мириам плеснула холодной водой в лицо и почувствовала себя полностью проснувшейся. Таня почти без колебаний последовала ее примеру и умыла Тони, а Рок чуть не упал в водосборник, пытаясь окунуть в него голову. После умывания Мириам пустила по кругу бутылочку с зубным эликсиром и заставила всех прополоскать рот. Заодно она рассказала о том, как это плохо, когда болят зубы, и как это больно, когда их рвут.

Завтракали они холодным мясом и картошкой — Мириам решила, что разогревать их будет слишком долго. В рассветной тишине все звуки казались непривычно громкими, треск костра и стук вилок в жестяных мисках разносились на всю долину.

Би проснулась, когда они почти закончили завтракать, молча подошла, села у костра и глядела, как едят дети.

— Почему меня не разбудили?

— Ты же говорила, что плохо спишь, вот я и не стала. — Мириам протянула ей тарелку с едой.

Би взяла с нее кусок мяса и отдала посуду обратно.

— Мы собирались выехать пораньше.

— Еще даже солнце не взошло. — Мириам забрала пустую тарелку у Рока, который тут же улегся на свое одеяло и закрыл глаза. — Мы готовы ехать.

— Но он, кажется, еще спит.

— Поспит позже, в машине. Таня, поможешь мне почистить посуду?

— Да. — Девочка зевнула. — А почему мы едем так рано?

— Днем очень жарко, — ответила Би. — Ближе к полудню вам будет труднее. Чем быстрее мы доберемся до Хокса, тем лучше.

— Ясно. А кто такая Вероника?

— Кто?

— Вероника.

— Я не знаю. — Би дожевала мясо и встала. — Я буду в машине, собирайтесь быстрее.

— Но ты же с ней говорила, я слышала.

— Когда?

— Ночью.

— Ночью я спала. — Би отвернулась и пошла к машине.

Таня хотела сказать еще что-то, но Мириам положила руку ей на плечо и покачала головой.

Когда они вместе отчищали посуду песком, а Рок таскал одеяла обратно в трейлер, девочка спросила ее шепотом, прижавшись головой:

— Это что, секрет? Почему она не хочет об этом рассказывать?

— А ты умеешь хранить секреты?

— Да, конечно.

— Би говорит во сне.

— Что?

— Бывает, что люди, которым снятся сны, разговаривают в это время. Я слышала такое раньше.

— Прямо так, не просыпаясь?

— Да. Только не говори Би. Она ничего об этом не помнит.

— Так ей снятся кошмары?

— Да, наверное. Но кому они не снятся?

— Мне. Я никогда не помню, что мне снилось.

— Ну вот, говорю же — и она не помнит. — Мириам отложила тарелку и взялась за котелок. — Я думаю, что если она вспомнит, то расскажет нам.

— И если захочет.

— Конечно, если захочет.

Собраться удалось на удивление быстро — Таня оказалась отличной помощницей. Они погрузили вещи в трейлер, и Рок улегся там же, поверх кучи одеял, досыпать. Тони взяли в кабину, и Таня усадила его между собой и Мириам, чтобы оказаться ближе к окну. Мириам хотела было надеть джинсы, но потом передумала. Скоро должно было взойти солнце, и их пришлось бы снова снимать.

Би подогнала свой кар прямо под вышку, чтобы набрать воды. Уже вырвав на дорогу, Мириам наблюдала за тем, как она возится у панели управления.

— Наверное, следовало бы ее сломать, — прозвучал в переговорнике голос Би.

— Сломать? Зачем?

— Здесь пройдет Рука. Им нужна вода, и у них ее не будет.

— Но ломать вышку...

— Знаю. Мне тоже ее жаль. Железка не виновата. Я просто вытащу батарею и все.

Кар Би нагнал их за считанные секунды и тут же вырвался вперед. Мириам вспомнила карту. Дорога петляла среди холмов еще километров двадцать, а затем вливалась в торговый хайвей. Не самый широкий, но удобный, он вел прямо к Хоксу, по нему ездили торговцы из Атланты и Детройта, караваны. Сейчас на нем должно быть полно беженцев.

Холмы они преодолели быстро, сцепка грузовика Мириам отчаянно скрипела, видимо доживая последние километры. У въезда на хайвей Би ненадолго остановилась, обозревая дорогу. Солнце вставало далеко позади, среди холмов, которые они покинули, и трасса лежала белой полосой, упираясь в горизонт с обеих сторон.

Когда они повернули к Хоксу, Би переключила свое радио, и в переговорнике Мириам, до сих пор торчащем в гнезде рядом со штурвалом, раздалась музыка. Передача была негромкой, видимо из Атланты, и часто прерывалась помехами. Звучала какая-то старинная мелодия, пел мужской голос. Часть слов была знакома, но смысл их, наверное, изменился за долгие годы, и Мириам не могла понять, о чем песня. Таня сидела очень тихо. В какой-то момент, когда музыка оборвалась, Мириам взглянула на нее и увидела, что та просто спит, наполовину высунувшись из окна. Тони, напротив, с интересом смотрел на дорогу и что-то грыз. Мириам с первого взгляда не поняла, что именно, но решила не отвлекаться от дороги.

Они ехали долго. Мелодии по радио сменялись. Одни были быстрыми, другие — нет. Иногда музыка прерывалась и на некоторое время кабину наполняло шипение, перемешанное с дыханием Би.

Таня проснулась, когда солнце было уже почти в зените, а Тони мирно посапывал, прислонившись к ее плечу.

— Уже день? — спросила она, моргая со сна.

— Скоро полдень. Выспалась?

— Не знаю. А что это за холмы?

— Холмы?

— Почему они так ровно... стоят?

— Потому что когда-то это были дома. Ближе к Хоксу много старых городов. Здесь жили люди.

Таня больше ничего не спрашивала, глядя в окно. Они ехали мимо развалин, почти утративших свой первоначальный облик. То, что когда-то было зданиями, стало невысокими кучами земли, заросшими сухим кустарником, или превратилось в груды камней,

выветрившихся до неузнаваемости.

Музыка в переговорнике прервалась с громким щелчком.

— Впереди люди, — сказала Би. — И машины. Снизайте скорость, я поеду вперед.

— Это могут быть беженцы? Мы же до сих пор никого из них не встретили.

— Ну, за нами не очень далеко едут две группы, но совсем медленно. Эти, впереди, стоят на месте. Их довольно много.

— Может, это постоянный двор?

— Двор? Прямо тут?

— Здесь их когда-то было много. Может, не все хозяева еще сбежали.

— Или это застава из Хокса. Я поеду и взгляну.

Мириам притормозила, и кар Би вырвался далеко вперед.

— А это могут быть бандиты? — спросила Таня.

— Не знаю, кажется, Би так не считает.

— А ты здесь уже бывала?

— Да, но очень давно. Я сама была чуть старше тебя. Здесь хватало людей — торговцы водой вдоль хайвея, дворы для путешественников, стоянки. Сейчас ничего этого нет — все сбежали в Хокс, все покинуто. Вон, смотри, впереди. Это тоже был постоянный двор.

Строение, которое рассмотрела Мириам, стояло на небольшом возвышении у дороги, и к нему как раз приближался кар Би, издав далеко похожий на черную точку с пыльным хвостом. Сам дом был большим, двухэтажным, сложенным из бетонных обломков и стальных листов. Перед ним, на въезде, располагались широкие металлические навесы.

— Ничего не бойся, — сказала Мириам, доставая игольник из-под водительского сиденья.

Положить его в кабине было больше некуда, и она зажала оружие между колен.

— Я не боюсь, — сказала Таня неуверенно.

Когда они подъехали ко двору, кар Би уже стоял между навесами, рядом с тремя другими большими машинами. Сама Би со сложенной навахой на плече разговаривала с группой вооруженных людей посреди двора.

— Все хорошо? — шепотом спросила Таня.

— Да. Оставайся в кабине. — Мириам остановила грузовик у въезда, стараясь его не перегордить.

Игольник спрятать было некуда, поэтому она вышла, держа его в руках, но так, чтобы крыло грузовика скрывало его от мужчин с оружием.

Те, впрочем, не обратили на ее появление особого внимания. Их явно больше интересовала Би и ее кар. Мириам они показались типичными фермерами — загорелые лица, грубая и простая одежда, старые ружья, наверняка стреляющие дробью или довоенными патронами.

— Откуда я знаю? — говорил самый старший, седой мужчина среднего роста, стоящий прямо перед Би.

Ствол его ружья смотрел ей прямо в живот, но ее, похоже, это не особо беспокоило.

— Может, дальше, а то и ближе. Мы же не видим их всех. Наше дело простое — накормить, напоить, в дорогу проводить. А народу тут знаешь сколько проехало?

— Так и вам бы тоже пора. Пара дней — они сюда доберутся, и железки эти вам не помогут.

— Ну так пока не добрались, да? Это наш дом, и мы здесь сами хозяева. Тебе-то до нас

какое дело?

— Никакого.

— Вот и езжай себе. А мы уж как-нибудь отобьемся.

— Неужели? Тут на хайвее уже много таких, как вы... совсем отбились. Может, дым видели?

— А ты нас не пугай! — встрял в разговор другой мужчина, гораздо моложе, единственный из фермеров, вооруженный игольником. — Ты и сама не очень на беженку похожа, и кар у тебя с виду бандитский.

— Помолчи! — одернул его старший. — Едет, так и пусть себе. Какое нам дело, что у нее за кар. Вон девочка, прямо за тобой приехала. Может, тебе воды или еды не требуется, а ей надо. Езжай себе, нечего людей беспокоить.

Би пожала плечами. Кроме мужчин на площадке перед домом здесь были еще и женщины. Одна из них, с ружьем, стояла в дверях дома, а еще несколько прятались за карами. Мириам заметила даже детей в трейлерах. Потом ее взгляд остановился на женщине в дверях.

— Тетя Клер! — закричала она, выскочив из-за грузовика и размахивая рукой с игольником. — Тетя Клер!

Женщина выступила из тени, опуская ружье:

— Мириам? Чак, это ж Мириам, Фионина дочка! Мириам, девочка!

Мириам кинулась через двор как была, босиком. Мужчины проводили ее удивленными взглядами.

Самый старший, видимо Чак, опустил ружье, покачал головой и пробурчал:

— Ну кто же в такое время один ездит?

— А она не одна, — проговорила Би.

— С тобой? А чего же ты раньше не сказала?

Би снова пожала плечами. Мириам обнимала немолодую женщину с ружьем так, будто та была по меньшей мере ее родной матерью.

— Отбой, — сказал Чак. — Свои. Я эту девчонку совсем малой помню, ее отец у меня занимал, когда свой двор заводил. А Фиона у нас жила с во-от таким животом. Расходитесь, сейчас обед будет. Вот только они дообнимаются.

— Не плачь, дочка, — говорила Клер. — Рассказывай лучше, что там моя сестрица, как муж ее...

III

Перед Мириам стояла тарелка густого картофельного супа, заправленного мясом и луком, но есть она не могла. Игольник девушка положила возле тарелки. Рядом, на широкой скамье, примостились Таня, Рок и Тони, без лишних слов уплетающие обед. Би сидела напротив, на приличном расстоянии от тети Клер, и к своей тарелке даже не прикасалась. Полдень уже прошел, металлические навесы защищали обеденные столы от солнца, но воздух и под ними оставался сухим и горячим.

— Умерли, значит, — сказала Клер.

Известие о смерти сестры она восприняла очень спокойно, как человек, привыкший к плохим вестям.

— Убили. Жалко ее, доброй она была, сестрой хорошей и хозяйкой.

— Да. — Мириам наклонила голову, слезы падали прямо в суп.

— И двор сожгли?

— Да.

— Бедняжка. А детки чьи?

— Ничьи. С нами едут.

— Ничьи, значит. Оно и понятно, время сейчас такое. Кормить их хоть есть чем?

— Есть пока, и до Хокса недалеко.

— В Хоксе теперь туго. Людей много, больше чем в ярмарочную неделю. Туда же с ферм уйма народу побежала, так что теперь там яблоку негде упасть. Того и гляди опять эпидемия начнется или еще чего. В такое время нужно подальше от городов держаться, где воздух почище.

Мириам кивнула. За соседними столами обедали фермерские семьи, пять или шесть мужчин и столько же женщин, а по площадке перед домом, между карами, носились друг за другом дети, не меньше десятка.

— Эти вот ребята тоже в Хокс направляются. Все туда едут, да что там такой толпе делать!..

— Прятаться. Стены там.

— От судьбы не спрячешься и не отвертишься. Лучше уж дом свой защищать, чем в толпе сидеть и чумы ждать. У Чака, вон, и сын приехал, в Детройте служил. Тоже говорит, что отбиться можно. У нас работников одних три человека, мы и все добро увезти не сможем.

— Так добро важнее жизни получается, — ни на кого не глядя, сказала Би.

— Ты, девочка, сначала дом наживи, мужа, да хозяйство в придачу, а потом рассуждай. А то по тебе вижу: смертью на жизнь зарабатываешь. Сама при оружии, машина военная. Оно и понятно, тебе легко с места на место скакать, у тебя ж ничего, считай, своего и нету, брать с собой нечего да и некого, видать.

— Тут вы угадали, — ответила Би, все так же не поднимая взгляда. — И нечего, и некого.

— Вот-вот. Ты, Мириам, с нами бы осталась. Хозяйка ты хорошая, вся в мать, помогать мне будешь. Мужа тебе нормального подыщем, свое хозяйство заведем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тетя Клер, что вы такое говорите! — Мириам покачала головой, и слезы закапали еще сильнее. — Вы же не видели ничего. Вы же совсем не знаете, сколько их сюда едет и что это за люди.

— Мала еще, чтобы говорить мне, что я знаю, а что нет! Я за свою жизнь столько повидала, что тебе и не снилось! Бандиты эти придут и уйдут. Бывало уже такое не раз, и ничего, живы пока.

— Видели, это верно, — совсем тихо сказала Би. — А сын ваш, говорите, в Детройте служил?

В ее тоне было нечто такое, что слезы Мириам мгновенно высохли. Внутри стало пусто и тихо, словно на горизонте снова показались машины рейдеров.

Тетя Клер покачала головой:

— Не мой, а Чака сын, от первой жены еще. Давно служить ушел, вот вернулся. А тебе что?

— Да спросить его хочу про службу. Как зовут парня?

— Джек он.

Би перекинула ногу через скамью и развернулась к другому столу, за которым спиной к ним сидели Чак, Джек и еще несколько мужчин, видимо работники.

— Джек, подсядь к нам, — позвала она.

— Зачем? — спросил он с набитым ртом, и Чак тоже обернулся.

— Да не бойся, подсядь, поговорим.

Джек встал, дожевывая, поправил ремень игольника, висящего за спиной, и пересел на скамейку рядом с Би.

— О чем мне с тобой говорить?

— Руку покажи.

— Руку?

Би, все еще сидящая к нему лицом, ухватила его за правую кисть и дернула на себя, прижимая плечом к столу. Тарелка с супом высоко подскочила, расплескивая содержимое, Чак и мужчины за соседними столами вскочили.

— Видели, говорите. — Би дернула рукав холщовой рубахи Джека вверх, обнажая сложную татуировку. — И я видела. В Детройте служил, говоришь? Что смотрите? Подходите ближе, картинку интересную покажу.

— Ты это... пусти его, — как-то не очень уверенно сказал Чак.

Дети, прекратив есть, с интересом смотрели на них, люди за соседними столами начали вставать. Джек дернулся и застонал, потому что Би еще сильнее сжала его плечо.

— Вот эта картинка, большая, с пауком, самая интересная. Такие в бандах делают. Есть в Руке, что сюда идет, такая банда. Большая, тысяча с лишним человек. Они себя пауками величают. Вот эта татушка пониже, с крестом, значит, что человек может машину водить, причем хорошо. А вот эта, цветочек... такую делают, когда ты больше пяти человек в рейде убил. Один цветочек, значит. — Би отпустила Джека, оттолкнула его от себя и встала. — За одну такую татуировку в Чикаго рубят сначала руки, а потом голову. Он рейдер, сын ваш. Много видели таких, говорите?

Джек поднялся со скамьи и рванул на себя ремень игольника. Мириам положила руку на свой пистолет, но Би просто шагнула к парню так, что ствол уперся ей в грудь.

— Давай, — сказала она. — Стреляй, чтобы все увидели, кто ты. Только вот не думаю, что у тебя там бронебойные. Вы, твари, любите экспансивные. Стреляй!

— Джек!.. — Чак поднял ружье, целясь Би в голову. — Отойди от нее.

— Отец, это она...

— Да мне плевать! Отойди от нее!

Работники схватились за ружья. Мириам, совершенно не зная, что делать, взялась за свой игольник и убрала его под стол. Клер сидела, спрятав лицо в ладонях.

— Мне без разницы, — сказал Чак. — Он сын мой, а вот ты кто? Плевать я хотел на тебя и твои слова.

— Да я и не сомневаюсь, что сын. Вернулся, да еще так вовремя, сказал, что отсидитесь. Может, так оно и получится. Стариков и пожалеть могут, а остальных не грех им отдать, правда, Джек? Приезжих особенно. Они же чужие, да?

— Заткнись!

— Да он особо и не оправдывается, как я вижу. А отец твой знал, Джек?

Чак шагнул к ней, и дуло ружья теперь почти касалось ее виска.

— Убирайся!

— Значит, знал. А людей своих тебе не жалко? Хотя они же тоже вроде как чужие.

Би обернулась к Мириам:

— Собирай детей и в машину. Мы здесь не задержимся. И всем советую ехать отсюда подальше, пока к Джеку друзья не пожаловали.

— Тетя Клер... — прошептала Мириам, но та молча встала, отвернулась и ушла в дом, а девушка покрепче сжала игольник. — Таня, Рок, пошли.

Дети взялись за руки, и она потянула их из-за стола.

Би, стоящая в окружении вооруженных людей, чуть повернула голову, и мотор ее машины, оставшейся во дворе, взревел.

— У меня боевой кар. Опустите стволы или всех сожгу!

Воспользовавшись замешательством, она просто оттолкнула Чака, оказавшегося на пути, и пошла к машине. Мириам потащила детей следом. Таня, видимо, только сейчас испугалась: по пути к трейлеру все время спотыкалась и один раз чуть не упала.

— В трейлер, — сказала ей Мириам. — Прячьтесь, закрывайте дверь и сидите, пока не поедем.

— А вы?

— В трейлер!

Фермеры, обедавшие за соседними столами, тоже понемногу расходились по грузовикам, оглядываясь на Чака и его сына, стоявших в окружении работников у входа в дом. В сторону Би все еще смотрели ружья, но она демонстративно повернулась к ним спиной. Мириам видела, как дрожат ее губы и как отбивают едва заметную дробь пальцы, лежащие на колпаке кара. Би трясло от злости. Мотор уже не ревел, а просто свистел, прогреваясь.

«Только бы успеть до того, как...» — проскользнула мысль в голове Мириам.

Она уже подбежала к кабине грузовика и распахнула дверцу, когда Джек вышел вперед, поправляя на груди разорванную рубашку, и выкрикнул какую-то фразу в спину Би. Слова утонули в свисте мотора, можно было разобрать только что-то о Чикаго, о стенах, которые не спасли город.

Рука на броне сжалась в кулак. Мириам смотрела в лицо Би, с которым происходило что-то страшное. На долю секунды оно стало спокойным, словно спящим, а затем откуда-то из глубины всплыло нечто чужое, одевающее черты Би как маску. Миндалевидные глаза сузились еще больше, скулы заострились, Би улыбнулась, и Мириам поняла, что никогда еще этого не видела.

Новая, незнакомая Би сорвала игольник с бедра, коротким отработанным движением перебросила его под левую руку и, не оборачиваясь, выстрелила Джеку в голову.

Глава VII

Интермедия VII

Невидимка сидел у панели управления водной вышки и рассматривал царапины на прикрывающем ее щите. По его силуэту то и дело пробегали едва заметные волны, словно стирая его. Так броня подстраивалась под окружающий песок и ржавые трубы.

Царапины легко читались — маленькие руки и тонкие пальцы в армированных перчатках с мышечными усилителями. Знакомый след, как и большинство отпечатков, оставшихся на площадке перед вышкой. Те же широкие шины тяжелого боевого кара, тот же тягач с прицепом, слегка перекошенный на правую сторону. В этот раз к следам двух женщин добавились детские, и невидимке это казалось забавным.

Он не собирался их искать. За последние два дня след их машин попадался ему несколько раз, но только потому, что они двигались в том же направлении, что и невидимка, наверное сделав порядочную петлю там, где он проехал напрямик и успел вернуться.

Он подпрыгнул, подтянулся и легко взобрался по щиту на второй уровень вышки, где удобно устроился между гофрированными трубами и кожухом электрического насоса. По броне снова прошла волна, делая его частью ржавого металла.

Он ждал около часа. Это состояние было привычным. Невидимка мог провести так многие часы, не делая ни одного лишнего движения, не шевелясь и даже едва дыша. Солнце, стоящее почти в зените, не доставляло ему ровно никаких неудобств.

Две машины с открытыми двигателями появились не оттуда, откуда он их ждал, а со стороны Хокса, из-за холмов. Они ехали осторожно, соблюдая радиомолчание, оставляя легкое пыльное облако, почти сразу же оседающее на дорогу.

Один кар остановился в отдалении, другой развернулся прямо под вышкой, и рейдер, сидящий сверху на броне, спрыгнул. Колпак кабины откинулся, но водитель остался там, прижимая к уху громоздкую гарнитуру передатчика, соединенную с приборной панелью длинным черным проводом. Рейдер, сидевший на броне, медленно пошел к башне — молодой, с лицом, иссеченным шрамами, он слегка прихрамывал. После его жеста колпак второй машины тоже распахнулся, и пара рейдеров укрылась за ней, держа башню под прицелом игольников.

Рейдер со шрамами подошел к башне, посмотрел вверх, встретился глазами с невидимкой, но не понял этого, затем отвернулся, прислонился к ржавой опоре и принялся сворачивать самокрутку. В наступившей тишине шелест бумаги показался невидимке невыносимо громким.

— Кода замолчал, — негромко сказал водитель кара, слушавший радио.

— Чего? — хрипло спросил рейдер, стоящий под башней.

— Успел закинуть, что они ночью сделали крюк по бетонке в сторону Хокса и сцепились с кем-то.

— Я им велел только глянуть на бетон. — Рейдер лизнул самокрутку и повернул, осматривая. — Вызывай еще.

— Вызываю, молчит, хотя радио работает, треск слышно.

— Еще одни. — Древняя электрическая зажигалка в руках рейдера сухо щелкнула. — Вторая восьмерка за сутки.

— Думаешь?

— А что не ясно? — Хриплый голос остался тихим даже несмотря на ярость, явно звучавшую в нем. — На бетоне военный кордон или джет баронский. Хотя нет, тот мы услышали бы, а тут!.. Восьмерку Спайка видел? У них по дырке точно между глаз было, на всех восемь штук.

— Наемники?

— Нет, они так стрелять не умеют. — Рейдер со шрамами выпустил струю дыма вверх. — Да и никто почти. Сейчас ящерицу дождемся, пойдем и сами глянем.

— Сами? Так ведь уже две восьмерки!..

— А ты думал, будто я, Самрил, своих парней гнить брошу? Мы тихо, одним глазком глянем. — Рейдер повернулся к машине, и невидимка, уцепившись за выступы на опоре башни, тихо спустился ему за спину.

— Так и без глаза останешься, — сказал механический голос, и рейдер отскочил к кару, вскидывая игольник. — Да и кричите громко, в Хоксе слышно.

— И правда ящерица, — сказал рейдер, назвавшийся Самрилом, рассматривая расплывчатый ржавый силуэт через прицел игольника.

— Ты старший? — спросил невидимка, и на размытом пятне его лица внезапно проступили черные оптические линзы, несимметричные и ничем не напоминающие человеческие глаза.

— Я.

— Держи. Отдашь в руки Ихану. Никому больше. — Прозрачная ладонь протянула рейдеру черную металлическую капсулу размером с большой палец.

Тот опустил игольник и осторожно взял ее.

— Ихану. Понял?

— Понял, не тупой, — огрызнулся рейдер, пряча капсулу в карман на широком кожаном поясе. — На хайвей завернем сначала, а потом и назад рванем.

— Не завернете.

— Что?

— Ты не понял? — Прозрачный силуэт внезапно почернел, обнажая фактуру брони, состоящую из множества маленьких чешуек. — Они мертвы, все до одного.

— А тебе откуда знать? — Самрил оскалился, отчего его изуродованное лицо приобрело еще более жуткий вид. — Сам видел, может?

— Я много чего видел. Тебе ехать пора, и побыстрее.

— А ты мне не советуй, ящер. Сам решу. Кто моих пацанов положил?

Тот, кого называли ящерицей, слегка наклонил голову в сторону, рассматривая рейдера как нечто любопытное.

— Считай, тебе повезло, — ответил он медленно. — Да и мне тоже. Наткнулся бы ты на него, пришлось бы мне кого другого сюда вызывать.

— Ты не мудри, — грубо ответил рейдер. — Говори, кто, сколько их, где найти, и я им еще до заката глаза повырежу. Не будь я Самрил из тигров!

— Ты поедешь к Ихану прямо сейчас, — механический голос ронял слова с долгими паузами. — Или я сам вас тут перестреляю и подожду замену.

— Чего? — Самрил шагнул вперед, выплюнул самокрутку, и дуло игольника уперлось в одну из асимметричных линз на черной маске.

Невидимка слегка отстранился и посмотрел на второго рейдера, все еще сидящего в машине:

— Это ты водитель, да?

Тот, помедлив, кивнул. Следующего движения невидимки никто не увидел. Самрил охнул, кисть правой руки оказалась вывернута и прижата к груди, а в горло ему взглянуло дуло его собственного игольника, зафиксированного локтем в черной броне. Водитель схватился за оружие, и от второй машины донесся крик, но главарь рейдеров и невидимка стояли слишком близко, словно обнимаясь, и стрелять никто не решился.

— Ты поедешь к Ихану. — Черная маска почти прижалась к лицу Самрила. — Или я сам тебя найду, и одними глазами не отделаешься. Ты понял?

— Понял. Только я тебе это не забуду, ящер, — после непродолжительного молчания прохрипел Самрил.

— Хорошо. А это чтобы точно запомнил. — Невидимка коротко ударил локтем по вывернутой кисти, и Самрил закричал.

Игольник с погнутым стволом упал в песок.

— Езжайте, — сказал невидимка, снова превращаясь в размытое пятно.

Рейдер смотрел на него с ненавистью, придерживая сломанную руку.

— Жди в гости, тварь.

— Буду ждать. И друзей с собой побольше захвати. — Невидимка отступил к вышке и просто исчез, слившись с одной из опор.

Самрил некоторое время глядел ему вслед, потом сплюнул на песок и побрел к своему кару.

Невидимка, присевший у опоры, смотрел, как они уезжают. Его собственный кар, маленький, похожий на плоский черный камень, подъехал к башне через несколько минут, послушный команде хозяина. Он забрался в кабину и некоторое время сидел, глядя на вышку и водосток.

Его одолевало непреодолимое желание снять перчатки и вымыть руки.

I

Мелкие камни барабанили по днищу грузовика. Звук был привычным, но сейчас почему-то раздражал, мешая сосредоточиться на дороге. Руки на штурвале казались чужими, Мириам приходилось прилагать усилия, чтобы заставить их двигаться. Машина шла ровно, точно посередине хайвея, прямо за каром Би. В зеркале заднего вида, у самого горизонта, пылили несколько тяжелых грузовиков — фермеры, тоже едущие в Хокс, предпочитали держать дистанцию.

Игольник лежал рядом, на пассажирском сиденье, индикатор на рукояти показывал двадцать шесть зарядов. На два меньше, чем час назад.

Все это не было сном.

В памяти всплывали испуганные лица фермеров, бегущих к своим машинам, Чак, падающий на тело сына с плечом, разорванным иглами, грохот и удар пули в дверь грузовика Мириам, хлопок игольника, зажатого в обеих руках. Человек на мушке... Кажется, он целится в Би, иглы из пистолета Мириам бьют его в бедро и опрокидывают навзничь. Би, присевшая возле своего кара, стреляет поверх голов, и лицо Клер, прячущейся в доме, чуть выше прицельной рамки...

«Я бы и в нее выстрелила? — мысль билась в голове, заглушая все звуки. — Если бы она подняла ружье — выстрелила бы?»

Мысль была отвратительной, Мириам тряхнула головой, стараясь отогнать ее, и поняла, что к стуку в днище прибавилось еще что-то.

Кто-то стучал в стенку трейлера, не слишком сильно, но ритмично, так что слышно было даже сквозь стенку кабины.

Дети!

Мириам затормозила, не предупреждая Би. Уже открывая дверь трейлера, она увидела, что та тоже остановилась. Молча. За последние полчаса они не обменялись ни словом, переговорник был отключен.

— Что случилось? — Таня буквально выпала из трейлера. — Мы так испугались, думали, что задохнемся. Там стреляли, да?

Мириам кивнула и помогла Тони спрыгнуть вниз.

— Что-то плохое случилось?

— Да. Плохое. Садитесь в кабину.

— В вас стреляли? — это спросил уже Рок.

— Садитесь.

Мириам взобралась на водительское сиденье, и Таня протянула ей игольник.

— Спрячь под сиденье, — сказала Мириам. — Не хочу его трогать.

Облачка пыли в зеркале стали заметно меньше. Фермеры тоже остановились и ждали, не осмеливаясь приближаться.

— Что такое? — спросила Таня.

— Ничего, — ответила Мириам. — Мы же такие страшные, правда?

Дальше они ехали в тишине. Даже Рок, пытавшийся расспрашивать о том, кто в кого стрелял, замолчал после того, как Таня несколько раз громко шикнула на него. Тони меланхолично грыз тот же самый предмет, что и раньше, при ближайшем рассмотрении оказавшийся деревянными бусами. По крайней мере, так решила Мириам, бросив на него косой взгляд.

— Это четки, — пояснила Таня. — Я два раза меняла нитку.

— Без них он плачет и не спит, — добавил Рок. — У него их несколько раз забирали, только потом пришлось отдать. А еще у Тони зуб выпал.

Его прервал щелчок в переговорнике.

— Впереди кто-то есть, — сказала Би, и Мириам поняла, что ей не хватало ее голоса, само ощущение присутствия воительницы успокаивало, несмотря ни на что.

— Хорошо, я приторможу.

— Нет, там... Просто остановись поодаль, хорошо?

— Да.

Они поехали медленнее. В этом месте хайвей проходил между невысокими скалами, вдоль обочины росли низкие кривые деревья, и Мириам не сразу обратила внимание на что-то лежащее среди них, прямо на краю трассы. Кар Би притормозил, но не остановился.

— Едем дальше.

— Что там?

— Неважно.

Но Мириам уже и сама поняла. Чуть дальше, тоже на обочине, лежало еще одно тело, напоминавшее кучу тряпья. Деревья там были сломаны, и среди сухих стволов торчали обгоревшие обломки кара.

— Кто это?

— Рейдеры. Дальний разъезд, молчал до последнего момента. Остановись здесь.

Груда обломков, скрытая скалой и поворотом дороги, наполовину перегородила хайвей.

Би стояла перед ним и рассматривала.

— Сидите в машине, — сказала Мириам и вылезла из кабины, захватив на всякий случай игольник.

Ее немного беспокоило то, что она никак не могла понять, что же это, собственно, за куча, детали не складывались в единое целое.

— Не подходи ближе, — сказала Би. — Это не очень...

Но предупреждение запоздало. Картина сложилась, и Мириам замутило.

— Что это?.. Что тут случилось?

— Это байк.

— Байк?

— Да. В разъезде было восемь человек. Кто-то на байке догнал последнюю машину и расстрелял. Ее мы видели. Эта вторая. Она остановилась, и вот... эти вышли, чтобы его встретить. Он не затормозил, даже развернулся, чтобы влететь в борт по всей длине. Разменял байк на три жизни. Он сумасшедший.

В голосе Би Мириам почудилось восхищение.

— А где он?

— Ушел, видимо. Видишь, этого добились выстрелом в голову. Он спрыгнул, прежде чем бросить в них байк.

— Это тот, который?..

— Да, мы его уже видели. Теперь он пешком.

Мириам молча кивнула.

Би рассматривала обломки еще некоторое время, постукивая пальцами по рукояти игольника на бедре, потом резко обернулась к девушке и спросила:

— Слушай, что там случилось?

— Там — это где?

— В том дворе, откуда мы уехали час назад.

— То есть? Ты застрелила Джека, попала и в Чака, а я ранила одного из их рабочих.

— Застрелила?

— Да. — Мириам подошла ближе. — Ты... Наверное, не нужно было так.

— Я... больше никого не убила?

— Нет, а ты что?..

— Я не помню. — Би в упор посмотрела на Мириам, в ее глазах была злость. — Я ни черта не помню с того момента, как ты запихнула детей в трейлер!

— Но ты была вполне...

— Вполне что?!

— Нормальной.

— Нормальной?! — Би пнула лежащее под ногами колесо так, что оно перелетело через разбитый кар. — Я?

Она вдруг внезапно оказалась совсем рядом с Мириам, и та съежилась в ожидании удара, но Би просто наклонилась к ней.

— Какая же я нормальная? — почти прошептала она. — Разве обычные люди такими бывают? Они вытворяют что-то подобное?

— А кто тогда нормальный? — тоже очень тихо спросила Мириам. — Может, все они и

умерли давно. Многие миллионы, в войну... а остались только мы.

— Мы?

— Ну да. Ты, я, дети. Разве мы не нормальные? Хотим чего-то неправильного, совсем уж плохого?

— Если бы я знала! — Би отвернулась. — Понимала бы, чего мне теперь... хотеть.

— А раньше знала?

— Раньше? — Она произнесла это слово с трудом, словно оно внушало ей отвращение. — Нет. Не хочу помнить никакого «раньше». Ненавижу!..

Мириам осторожно дотронулась до ее плеча, но Би, казалось, этого не заметила.

— Неважно, — наконец сказала она. — Нам нужно ехать.

— А этот... который их убил?

— Да здесь он.

— Здесь?

— Двести метров дальше по дороге, за скалой, точнее, возле нее. Я вижу тепло его тела, да он и не прячется.

— А что там делает?

— Просто сидит. Видимо, ждет, пока его подберут.

— И мы его возьмем?

— Не знаю. Решай сама, у меня еще один человек не поместится.

— Я?

— А какая разница? Мы же все равно не знаем, кто он, но, думаю, не враг нам. Езжай потихоньку вперед, а я спихну все это уродство с дороги.

— Хорошо.

Мириам пошла к грузовику и оглянулась, перед тем как сесть в кабину. Би, по своему обыкновению, обыскивала трупы. Мириам вспомнила, какой увидела ее в первый раз — железные пальцы и механический голос. Она так и не поняла, когда это произошло, но та Би, на которую Мириам смотрела сейчас, больше не казалась чудовищем. У разбитой машины, окруженной разорванными останками рейдеров, возилась хрупкая девушка в странной броне.

Девушка, которой ночью тоже снились страшные сны.

— Что там? — спросила Таня, когда Мириам залезла обратно в кабину и завела машину.

— Плохие люди. Мертвые.

— Да?

— Возьми Рока, прижми к себе и закрой ему глаза. Не смотри в окно, а то плохо будет.

— Не надо! — возразил было Рок, но Таня выполнила приказ Мириам очень быстро и даже слишком буквально, зажав его голову под мышкой, так что она прижалась к макушке Тони, мирно спящего у нее под боком.

— Поехали, — сказала Мириам. — Мы, видимо, подберем еще одного пассажира.

— Кого? — спросила Таня, стараясь посмотреть в водительское окно и дыша в ухо Мириам.

— Сейчас увидим.

II

Если бы не указания Би, Мириам ни за что не заметила бы человека, сидящего под

скалой. Его плащ песочного цвета не выделялся между деревьями, а большая конусообразная шляпа была усажена веточками сухого винограда и выглядела издалека как обычный серый камень.

— Что бы ни случилось, сидите в кабине, — сказала она детям, взяла игольник, подумала и положила его обратно под сиденье — здесь он был бесполезен.

Незнакомец никак не прореагировал на машину, остановившуюся в двадцати шагах. Поля шляпы были опущены, и Мириам не видела его лица.

— А что может случиться? — спросила Таня, тоже с любопытством рассматривая незнакомца.

— Все нормально, — невпопад ответила Мириам, спрыгивая на землю.

Неизвестный сидел скрестив ноги, прислонившись спиной к большому камню, а на коленях у него лежала длинная винтовка, обернутая в серые тряпки. Лица все еще видно не было. Казалось, он смотрит куда-то на дорогу, в сторону Хокса.

— Привет, — сказала Мириам, когда до него оставалось не более десяти шагов.

Незнакомец никак не прореагировал, она подошла поближе и повторила:

— Привет!

Шляпа наклонилась в ответ.

— Ты что, спишь?

— Да, — последовал лаконичный ответ. — Но все еще надеюсь проснуться.

— Надеешься?

— Да. — Незнакомец расстегнул ремешок шляпы и снял ее, его голова оказалась бритой. — Меня зовут Кейн.

У него были очень добрые глаза, по крайней мере так показалось Мириам. Молодой, чуть старше Би, наверное. Ни бороды, ни усов у него не оказалось, но по левой щеке от шеи и до виска бежала сложная татуировка, что-то вроде ветви винограда со множеством мелких цветов.

— А я — Мириам.

— Я знаю. — Он снова улыбнулся и встал немного неловко, опираясь на винтовку.

— Откуда?

— Вы очень громко говорите со своей подругой.

— В смысле, по радио?

— Да.

— А почему ты тут... спал?

— Я смотрел на облака. — Он вытянул руку с винтовкой, указывая вдоль хайвея. — Вон там, видишь, над Хоксом?

— Да, вижу. А что с ними не так?

— Нет, что ты, с ними все так. Посмотри, какие они красивые.

Мириам изо всех сил вгляделась в облака, но ничего необычного в них не заметила и пожала плечами.

— Они обыкновенные.

— Но никогда не повторяются. — Кейн надел шляпу. — На них можно посмотреть только один раз, и все... Как же они могут быть обыкновенными?

Мириам снова пожала плечами.

— А почему ты хромаешь?

— Он упал с байка. — Возле ее машины стояла Би и тоже рассматривала незнакомца.

Тот снова снял шляпу и наклонил бритую голову.

— Привет. Верно, я ушиб ногу, когда мне пришлось разбить байк. — Кейн снова улыбнулся так широко и искренне, словно они говорили о погоде где-нибудь на ферме.

Мириам никак не могла понять, что общего может быть у этого человека с тем, что она видела на хайвее десять минут назад.

— Ты кто? — довольно грубо спросила Би.

— Я? Странствующий монах.

— Монах? — удивилась Мириам.

— Да.

— Только этого нам не хватает, — задумчиво сказала Би. — Монах...

— На байке и с игольником?

— Я не смог украсть кар, — спокойно сказал Кейн. — Но мне попался отличный байк. Нужно было проехать через пустыню. Идти пешком оказалось бы глупостью.

— А почему ты не поехал с нами сразу, если был рядом?

— Я двигался быстрее Мириам. В мои планы не входило так задерживаться, и, если бы не эта досадная неприятность, я был бы уже далеко.

— Ты едешь в Хокс? — снова вмешалась Би.

— Да.

— Ты монах-воин?

— Да, это же очевидно.

— Зачем ты убивал рейдеров?

— Это тоже очевидно. Чтобы они умерли.

Монах смотрел на Би без тени улыбки. Она кивнула:

— Да, мне говорили, что вы ненормальные. Вас очень трудно понять.

— Лучше быть безумным, чем дураком, верно?

— Наверняка. Ты не против ехать в трейлере?

— Вовсе нет.

Би кивнула и пошла к своей машине.

— Где твои вещи? — спросила Мириам у монаха, снова надевающего странную шляпу.

— На мне.

— А больше у тебя ничего не было?

— У меня и сейчас ничего нет.

— А еда, лекарства... Что у тебя вообще с ногой?

— Ушиб. Я посплю, и все пройдет к вечеру. А еды мне нужно не больше, чем я смогу съесть. Поэтому я не ношу ее с собой.

— А если ничего не будет?

— Тогда я начну ее искать. — Он снова широко улыбнулся, окончательно поставив Мириам в тупик.

— А что у тебя на щеке нарисовано?

— Ветка яблони. — Кейн открыл дверцу трейлера так, будто всю жизнь ездил в таком.

— Да? А что это значит?

— Ветку яблони. — Монах залез в трейлер, с некоторым трудом втянув наверх ногу, и тут же улегся на тюке с вещами.

Мириам снова пожала плечами и захлопнула дверцу. Би была совершенно права: говорить с этим человеком оказалось очень сложно.

— Кто это? — спросила Таня, когда Мириам вернулась в кабину.

— Монах.

— Монах?

— Да, только странный какой-то.

— А монахи разве не живут далеко от людей, в таких местах?..

— В монастырях?

— Да.

— Этот сказал, что странствует.

— Это буддистский монах, — вмешалась в разговор Би. — У них нет монастырей, и они путешествуют, не заходя в города. Я про них слышала. Таких людей очень мало, их редко можно встретить.

— А почему он с ружьем?

— У него спроси, он нас слушает. — Кар Би сорвался с места, и Мириам завела машину. — У этого монаха есть военный передатчик. Интересно откуда?

— Украл, — раздался в переговорнике голос Кейна. — Не было смысла оставлять его рейдерам, а мне он пригодился.

— Украл? — удивилась Таня. — Но если ты монах...

— Думаешь, лучше было бы солгать, что мне его подарили? — Из переговорника донесся глухой удар, когда машина подпрыгнула на очередном ухабе. — Какие тут твердые стены!..

— Железные, — сказала Мириам, копируя тон монаха.

Тот добродушно рассмеялся и заявил:

— Мне сейчас и железо мягче куриного пуха.

III

Дорога шла между скал еще долго. Казалось, весь здешний хайвей состоял из мелких камней, каждый из которых норовил ударить грузовик посильнее. Из переговорника раздавалось сопение, видимо, монах действительно заснул. После каждого прыжка на ухабе этот звук становился только громче. Би молчала, а сцепка трейлера издавала тонкие скрипы, один жалобнее другого. Дети дремали, у Мириам, которая так ничего и не ела с самого утра, бурчало в животе.

Наконец после очередного высокого прыжка на ухабе случилось неизбежное: визг сцепки прервался жалобным скрипом, грузовик подбросило и перекосило. Мириам едва успела нажать на тормоз, и в зеркале заднего вида отразился стремительно удаляющийся трейлер.

Сопение в переговорнике даже не сбилось.

— Что там? — спросила Би.

— Я потеряла трейлер.

Кар Би сдал назад. Рок проснулся и, сонно моргая, смотрел на Мириам.

Она аккуратно уложила спящую Таню на свое сиденье, выскользнула из кабины и прошептала:

— Сидеть здесь.

— Вот так всегда, — сонно пробурчал Рок.

Грузовик, лишенный трейлера, казался голым, крюк сцепки был вырван и лежал на

дороге, совсем недалеко. Мириам дотронулась до платформы грузовика. Он стоял как-то странно, накренившись на один бок, и она обошла его кругом.

Кар Би остановился рядом.

— Колесо? — спросила она.

— Диск и само колесо. Даже шину разорвало.

— Я могу взять вас на буксир.

— Нет, не нужно, у меня есть запасное. И крюк... Петля цела, а там просто вырвал пару болтов. Инструменты имеются, это займет минут двадцать.

— Ты уверена?

— Да.

Гель из шины разливался по камням, как черная смола, и мгновенно застывал на воздухе. Мириам пошла к трейлеру.

— Можно выйти? — крикнул ей вслед Рок. — Мне в туалет нужно!

— Да, — сказала Би. — Здесь уже можно.

Далеко позади на дороге пылили грузовики. На этот раз беженцы, видимо, решили не останавливаться.

В трейлере было душно. Монах спал, обернув голову одеялом, и как он при этом дышал, для Мириам осталось загадкой. Он не проснулся даже когда она с грохотом вытаскивала из груды вещей домкрат, коробку с инструментами и запасное колесо.

— Тебе помочь? — спросила Би, глядя, как она тащит все это к грузовику.

— Ну, можно. Если ты слегка приподнимешь грузовик.

— Давай.

— Да я шучу. — Мириам забросила домкрат под заднюю ось машины, проверила батарею и включила. — Я умею ремонтировать машины с детства. То есть двигатель разобрать, конечно, не смогу, но, по-моему, с этим почти никто не справится. А если по мелочи...

— Я так и поняла.

Когда платформа грузовика наконец-то поднялась на нужную высоту, а Мириам, сидящая на ней, прикрутила крюк сцепки двумя болтами из четырех, мимо них с жестяным грохотом проехала колонна фермеров. Би следила за ними, облокотившись о крыло своего кара. Всего тут было пять машин. Именно столько они видели во дворе Чака.

— Я немного проедусь, — сказала Би, когда они скрылись за скалами. — Не могу сидеть на месте, посмотрю, что впереди.

— С тобой все нормально?

— Да, насколько это вообще возможно. Просто мне нужно подумать.

— А кто это еще там едет?

— Беженцы. — Би запрыгнула в кабину. — Их еще много будет. Следом за этими идут целые караваны. На всякий случай держи игольник под рукой, а я буду недалеко.

— Хорошо.

Кар Би сорвался с места, Рок, остановившийся возле грузовика, проводил его взглядом.

— Что смотришь? — спросила его Мириам. — Помогай!

— А что нужно делать?

— Для начала достань мне разводной ключ поменьше из той коробки.

Она устанавливала новое колесо, когда мимо проехали еще три грузовика, один сразу с двумя прицепами. Закрутить последнюю гайку девушка доверила Року — тот долго пыхтел,

но справился. Крюк тоже держался... По крайней мере, должен был дожить до Хокса. Солнце жгло вовсю, и среди скал время от времени вспыхивали яркие точки, похожие на осколки зеркал, разбросанных между камнями.

— Вот и все, — сказала Мириам. — Теперь ждем Би, она поможет нам подцепить трейлер. Хочешь пить?

— Да. — Рок провел ладонью по мокрому лбу, оставив на нем черный масляный след.

— Эй, тебе нужно вымыть руки... да и мне тоже. — Мириам осмотрела свои ладони. — Я же вся в грязи. Давай сначала отнесем инструменты.

По дороге приближались еще несколько грузовиков, она бегло глянула в их сторону, когда втаскивала инструменты в трейлер. Уже не боясь потревожить монаха, девушка задвинула коробку поглубже и взяла канистру с водой.

— Сейчас помоем руки.

Проезжающая мимо пара грузовиков притормозила, из кабины второго высунулась голова мужчины в мягкой светлой шляпе:

— Эй, девочка, батарея лишняя есть?

— На своих ездю, — резко ответила Мириам.

Грузовики остановились. Дверь хлопнула, и человек в шляпе спрыгнул на землю. В руках у него была старая двустволка.

— Тогда давай свои!

— Под трейлер! — шепнула Мириам Року, тот упал на колени и мгновенно ввинтился под днище.

— Куда?.. — заикнулся было мужик, потом поднял ружье, целясь Мириам в грудь. — Давай батареи, говорю, и пожрать, если есть!

— Ты разве не беженец? — спросила Мириам, отступая на шаг к трейлеру.

В грузовиках она видела лица. Несколько женщин смотрели оттуда, прильнув к окошкам.

— А тебе что? — огрызнулся человек, лицо которого, затененное полями шляпы, блестело от пота.

Хлопнула дверь второго грузовика, и на дорогу спрыгнул еще один мужчина с длинноствольным игольником. Мириам лихорадочно обдумывала ситуацию. Ее собственный пистолет, как и переговорник, остались в машине, Би была неизвестно где, а она сама понятия не имела, что делать в подобных ситуациях.

— Хорошо, — сказала девушка, поднимая руки и показывая ладони в черном масле. — Ты только ствол опусти, у меня же оружия нет.

— А ты мне не советуй! — сказал фермер, сделав к ней еще один шаг.

Снова отступив, Мириам уперлась спиной в теплую стенку трейлера.

— Эй, Эйм, а тут еще дети! — крикнул второй мужчина, видимо, заглянувший в кабину грузовика.

— Дети! — огрызнулся Эйм. — У меня тоже! И жрать хотят, между прочим.

В наступившей тишине только Мириам расслышала, как щелкнула задвижка на двери трейлера, очень тихо, словно кто-то придержал ее.

— Последний раз повторяю!..

— А не пугал бы ты ее, добрый человек.

Кейн говорил тихо и ласково, словно с ребенком. Чуть повернув голову, Мириам увидела, что он стоит на виду, рядом с трейлером, а его страшной винтовки нигде не видно.

— Я же вижу, тебе в людей раньше стрелять не приходилось. И жена твоя, и дети смотрят. Что они о тебе подумают?

— Ты кто вообще? — Теперь уже Эйм отступил, не зная, в кого целиться.

— Я? Монах. — Кейн сделал шаг вперед, потом еще один, показывая пустые руки. — А ты кто?

Он снова шагнул и на этот раз закрыл собой Мириам. Товарищ Эйма приблизился к нему, и теперь они оба целились в монаха.

— Ты нам зубы не заговаривай!

— Так я по-человечески с тобой говорю. Тебя же Эймос зовут, да? Сам посуди, Эймос: нужно оно тебе, тяжесть такую на душу брать? — Монах сделал еще один шаг, снова заставив Эйма отступить, но ружье практически уперлось ему в лоб. — Сам подумай, правильно это — у одних детей отбирать, чтобы другим отдать?

— Может, и неправильно. — Второй человек подошел ближе, держа Кейна на мушке. — Только вот так случилось. Ты бы не рассуждал, ружья-то у нас.

Монах шагнул в сторону, еще ближе, так, что стволы ружья и игольника почти пересеклись.

— Ружья? — переспросил он. — Так разве они за вас решают?

Он нырнул под стволы, схватился за цевье и коротко ударил Эйма в лицо прикладом его собственного оружия. Второй фермер попытался было отойти, но Кейн использовал захваченное ружье как длинную дубину. Он ударил по игольнику снизу вверх, а затем ткнул его хозяина прикладом в лоб. Игольник упал прямо перед Мириам, и она наступила на него ногой, как на ядовитую змею.

— А теперь что? — спросил монах, держа ружье за ствол перед собой. — Ножи достанете? Или ты, Эйм, за топором сходишь?

— Может, и схожу, — ответил Эйм, сглатывая кровь. — У меня восемь душ в машинах, что им, с голоду помереть? Движок к ночи сдохнет, и сидеть нам на хайвее, пока бандиты не подспеют.

— Да ну его, Эйм, — сказал второй фермер, потирая лоб с красной отметиной от приклада. — Поедем отсюда, перебьемся как-нибудь.

— Еще кого найдете, да? — Ружье в руках Кейна перевернулось как будто само собой, и теперь пальцы монаха лежали на курке. — Только подходить близко не будете, а сразу застрелите? Кого только, интересно мне? Тут пара семей недавно проезжала, может, их догоните, а?

Фермеры молча переглянулись, потом Эйм тихо спросил:

— Так а что делать-то, монах?

Мириам только сейчас заметила, что Рок наполовину высунулся из своего укрытия и с интересом наблюдал за происходящим.

Кейн хотел что-то сказать, но она его опередила:

— Что делать, что делать! — Девушка наклонилась и вытащила Рока за шкуру из-под машины. — Да просто взять и попросить батареею, кретины! А ну живо в кабину и не высовывайся!

Рок припустил к машине, а монах широко улыбнулся:

— Вы поняли?

Наступившая тишина была прервана нарастающим ревом. Из-за скал вылетел кар Би, завертелся, толкнул ближайший грузовик и остановился, накрыв всех присутствующих

облаком мелких камней. Кабина была уже открыта, Би приземлилась между машинами еще раньше, чем остановился кар, и ее наваха хищно щелкнула, раскрываясь.

— Что здесь происходит? — спросил механический голос.

— Да вот, — сказала Мириам, успевшая присесть и закрыть голову руками. — Покушать у нас попросили.

— Покушать?

— Ну да. Дадим им мешок гречки, у нас же еще есть.

— Тебе лучше знать.

— И еще...

— Что?

— У нас же есть запасные батареи?

Пустыня расплзлась, подобно лоскутному одеялу.

С высоты она напоминала серый плащ, долго послуживший и чиненный, покрытый заплатами и складками, с полосками шнуровок на рукавах и вкраплениями черной кожи. С очень большой высоты все детали уже сливались, внизу простиралось пятнистое и бугристое нечто, похожее на плохо выделанную бычью шкуру.

Корпус джета вздрогнул, когда скорость звука дважды осталась позади, и водородный двигатель сменил режим. Высокочастотная вибрация проникала в кабину, и это было единственным, что позволяло почувствовать движение на такой высоте.

Пустыня никогда не была пустой.

Вокруг пятнистого, сверкающего металлом Хокса, расположившегося на двух холмах, широким овалом лежала долина, склоны которой пестрели неаккуратными лоскутами: фермы, сады, загоны для скота, пастбища с желтой летней травой. Коробочки фермерских домиков и амбаров лепились друг к другу без видимого порядка, над ними поднимались тени ветряных насосов — тонкие, не толще швейной иглы.

Долина была только началом. Лоскуты полей расходились от нее во все стороны, подчеркивая иллюзию одеяла желтыми пятнами выгонов и серыми кусками вспаханной земли. Белые ленты дорог резали поля на части, широкие полосы трех основных хайвеев начинались чуть дальше, не задевали долину, убегали в стороны и упирались в горизонт.

Один указывал на Атланту — остров правильной геометрии, белые стены и тонкие стеклянные шпили, рвущиеся в небо. Другой, украшенный кружевом кудрявых пыльных завитков, — на скальные россыпи Эрга, глубокой пустыни.

Джет качнул крыльями, развернулся над ниточкой хайвея и взял курс на Эрг. Дорога, проплывающая под ним, наполнилась беженцами — маленькие и большие караваны, точки, ползущие по белой линии, способные увидеть только след джета, светлую полосу в безоблачном небе.

Дальше пустыня становилась каменистой, изменяла цвет на серо-черный. Хайвей терял пыльный блеск, постепенно растворялся среди серых скал, каменных насыпей и очертаний фундаментов старых городов. С высоты они были отлично видны. Эти геометрические рисунки в виде квадратов и прямоугольников понемногу утрачивали свою форму и смысл.

За неполных пятнадцать минут джет преодолел более семи сотен километров, ища внизу знакомые следы. Беженцы давно остались позади, но пустыня то и дело снова расцветала миниатюрными пыльными завитками, которых становилось все больше. Джет сбросил скорость и немного снизился, чтобы не упустить зрелище.

По пустыне двигалась Рука. Грандиозная волна машин шла клином по оси хайвея, захватывая местность вокруг него, подобно воде, обходя препятствия, растекаясь ручейками и реками по окружающей местности. Прикрытые боевыми карами, в тылу поднимали пыль грузовики: тяжелые тягачи и небольшие бронированные пехотные транспортники. Волна катилась по пустыне, накрывая огромную площадь, и за ней, у горизонта, поднимались жирные столбы дыма.

Джет сделал круг. Стрелять по нему не пытались — высота все еще оставалась слишком большой. Словно гигантское животное, не замечающее комариного писка, Рука

игнорировала джет, и машины катились дальше так же безостановочно, как лава, как блестящие насекомые, лихорадочно ищущие пищу.

До Хокса им оставалось идти не более шести дней.

Джет развернулся, снова описал круг и стал набирать высоту. Можно было возвращаться. Большого сверху все равно не рассмотреть.

Красный Ястреб заканчивал облет своих владений.

I

Дальше они ехали медленнее. Мириам опасалась за сцепку, к тому же теперь за ними словно хвост тянулись два грузовика — Эймоса и Бена, его друга. Машина Мириам при всем желании не смогла бы от них оторваться, а Би не обращала на фермеров никакого внимания, думая о чем-то своем. Рок пытался было рассказать Тане, что он видел, сидя под грузовиком, но Мириам его одернула, и теперь он молча дулся, по своему обыкновению высунувшись в окно.

Таня, как выяснилось, видела не меньше его. Когда Мириам наконец-то смыла с рук масло и вернулась в кабину, та со слезами бросилась ей на шею. В потоке слов, обрушившемся на нее, девушка разобрала только что-то об испуге и пистолете, спрятанном под сиденьем.

— Я очень испугалась, — выдавила из себя Таня, когда грузовик все-таки завелся. — А твой пистолет был тут, рядом. Я знаю, где он лежит. Они стояли ко мне спиной, и я могла...

— Не нужно было. — Мириам погладила ее по голове. — Все хорошо закончилось.

— Да, но могло ведь!.. У них же были ружья. Я так испугалась и не смогла...

— Все хорошо.

Переговорник щелкнул.

— Кто тебе угрожал? Тот, с разбитой мордой? — спросила Би.

— Да все нормально. Кейн с ними поговорил.

— Да, по их лицам заметно. В следующий раз я тоже с ними побеседую.

— Не нужно, честно. Они просто совсем отчаялись.

— Неужели? Что это за фермеры, у которых нечего есть?

— Самые обычные, — отозвался Кейн. — Тут, на дороге, полно таких. Неожиданно снялись с места, старый урожай убран и продан, все запасы не увезти, машин почти нет, батареи на нуле.

— А ты откуда знаешь?

— Да вот... Говорю с людьми иногда.

Кейн замолчал. Хайвей поворачивал между скал еще несколько раз, по сторонам мелькали путевые столбы с металлическими щитами, указывающими на Хокс. Потом вдоль дороги опять потянулись возделанные поля, кое-где над фермами даже подымался дымок. Их обитатели, видимо, решили не уходить до самого последнего момента.

— Долина Хокса совсем рядом, — заговорила наконец Би. — Я поймала их переговоры, дорожный пост всего в паре километров.

— И о чем они говорят?

— О погоде, женщинах...

— О каких женщинах?

— О доступных. — Би не стала продолжать, тем более что впереди, на холме,

действительно показалась вышка.

Орудий на ней видно не было — просто обычная металлическая коробка на трех столбах, в которой сидел часовой. Еще несколько человек с оружием стояли под ней, возле низкого металлического строения.

— Едем медленнее, они, скорее всего, попросят остановиться.

— Зачем?

— Они рейдеров ищут. Шпионов. Хотя толку от таких поисков...

Вблизи пост выглядел еще более неряшливым, чем издали. Металл вышки местами проржавел, сторожка перекосилась, а стилизованные изображения красной птицы, кое-где сделанные на металле, давно истерлись. Впрочем, оружие и снаряжение гвардейцев было новым. По крайней мере, так показалось Мириам. Кар Би остановился у поста первым, и к нему подошел необъятной ширины человек в черном бронежилете с красным наплечником.

— В город? — спросил он весело, его круглое лицо под черным шлемом лоснилось от пота.

— А куда же? — Би подняла колпак и смотрела на него снизу вверх.

— Наниматься?

— Если возьмут.

Мириам не поняла, о чем они говорят, голоса в переговорнике звучали слегка приглушенно, но спокойно. Она остановила свой грузовик сразу за каром Би.

— А эти?

— Со мной.

— Досмотреть придется.

— Смотри. — Би вылезла из кабины и махнула Мириам рукой. — Выходите, разомнитесь, пусть гвардия смотрит.

Кары Эймаса и Бена остановились поодаль, из них тоже высыпали люди. Мириам сняла Тони с подножки, и они все вместе пошли к Би, которая стояла, опираясь на крыло своей машины, и разговаривала с толстым гвардейцем.

— Он боевых каров никогда не видел? — Воительница кивнула в сторону какого-то гвардейца, мнущегося возле нее. — Этот парень движок мой досмотреть хочет?

— Он бы тебе всю ходовую досмотрел, — ответил толстяк, и гвардейцы зашлись в дружном хохоте.

— Смотрелка отвалится, — звонко сказала Мириам, и хохот стал еще громче, засмеялись даже дети.

— А сама не отвалится, так я помогу, — тихо, без тени улыбки заметила Би, и смех как-то сразу затих.

— Да ладно тебе, — все еще улыбаясь, проговорил толстяк. — Мы же с тобой ссориться не хотим, так, шутим просто.

— Вот и я шучу. Что слышно?

— В смысле? — Толстяк кивнул, и трое его помощников, пошли к грузовикам, то и дело оглядываясь, в основном на Мириам. — Ну вот... рейдеры, значит. Барон велел пускать всех беженцев, кого сможем. Сам-то он постоянно в разъездах, но, говорят, наемников по такому времени принимает. Они сюда целыми бандами приходят.

— А рейдеры что?

— А ничего. Мы пока ни одного не видели, но говорят, что в округе уже шалют вояки. Хотя честно тебе скажу, кто его разберет — рейдеры это, просто бандиты какие или те же

наемники. — Он почему-то подмигнул Би.

Та кивнула и согласилась:

— И правда, разницы почти нет.

— Вот-вот. Нет, ну по тебе-то сразу видно — при оружии, броне, машине. Рейдеры про такие и не слышали, иначе мы бы тут уже не сидели. А вот другие наемники, что приходят, так просто банды оборванцев какие-то. Будь моя воля, так я и не пускал бы их, а то, кто его знает, может, они нам самим после первого выстрела глотки резать начнут?

— Тоже верно. Только ведь барон приказал, да?

— Точно. Велел всех пускать, не считая разве что откровенных бандитов.

— Эй, а это что? — Крик гвардейца донесся от грузовика Мириам. — Кто это тут лежит?

— Это монах, — сказала девушка. — Спит он.

— Монах спит? — переспросил толстяк. — Занятно ты путешествуешь. С девчонкой, значит, с детишками, да еще и с монахом? А эти, что за вами, тоже с тобой?

— Пристали по дороге.

— Зарабатываешь помаленьку?

— Как могу.

— Оно и понятно.

Кейн вылез из грузовика и, по обыкновению широко улыбаясь, говорил что-то гвардейцу, обнаружившему его. Тот только успевал ошарашенно кивать головой. Мириам отпустила руку Тани и присела на теплую броню, поближе к Би.

— Да, и правда монах, морда разрисована. Видели мы уже таких. Прогонять не велели, так что пусть дальше спит. Тебя как звать?

— Би.

— Пчелка что ли? Не очень ты на нее похожа.

— Нет, не пчела. Просто Би.

— Что это за имя такое?

— Какое есть.

— Ладно, не хочешь говорить — и не надо. Мы тут одно время пытались всех приезжих записывать, но как счет на тысячи пошел!.. — Он махнул рукой. — Меня Клив зовут. Сержант Клив Торренс. — Он подмигнул Року, в упор рассматривающему игольник, лежащий на его необъятном животе.

— Очень приятно, — заявила Би.

— Правда что ли? Да ладно, шучу опять. Меня в городе и так хорошо знают, и не всем это приятно, уж извини. Я тебя по порядку предупредить должен, чтобы неприятностей в городе не учиняла. Только вот не уверен, что это к месту.

— Неприятностей?

— Драки не устраивала, таверны не громила и не бузила всячески. — Сержант опять рассмеялся. — Говорю же, не очень это к месту.

— Приезжие громят?

— Всякое бывает. Народу в городе раз в десять больше обычного, у шерифа не до всего руки доходят. Барону так вообще под горячую руку лучше не попадаться. Сами увидите, у ворот десятков виселиц стоит. Вздернули, значит.

— За что?

— Да в основном за грабеж и убийства. Сейчас с этим просто.

— Я учту.

— Вот-вот. А то народу разного понаехало, осторожнее надо быть, особенно если вещей много да детишки на горбу. Но у вас, как я гляжу, ничего с собой особо и нет. Ты, главное, как приедешь, сразу к барону явись. Повезет, он тебе с ходу наплечник выдаст, с ним ни одна тварь не тронет.

— Спасибо за совет. — Би кивнула на грузовики. — Мы можем ехать?

— Езжайте, да только ведь в город вам сейчас не попасть.

— Как это?

— После семи вход закрывают в связи с особым положением. Вы пока машины поставите да до ворот доберетесь — точно не пустят. А в темноте под стеной всякое может случиться, особенно если ночевать негде. Крысятник там страшный. Так что вам бы до утра переждать где-нибудь, а там уже и ехать.

— Переждать?

— Тут по долине и на холмах полно стоянок. Многие заняты, но и свободных мест хватает. Народ, конечно, там тоже всякий встречается, так что по сторонам смотрите.

— Так и сделаем. Мириам, поехали.

— Вы только парням моим не говорите, где остановитесь. А то пойдут ночью в гости проситься, да и пострадают.

— Сами виноваты будут!

— Оно ясно, но!.. Везет тебе, вот что я скажу. Такую девушку оторвать, это же любому мужику завидно.

Мириам прыснула, а Би молча покачала головой:

— Мириам, идите в машину.

Гвардейцы возвращались от грузовиков, переговариваясь между собой, и от их взглядов по телу Мириам бежали мурашки. Стараясь не встречаться с ними глазами, она подтолкнула Таню в спину и пошла к своей машине, окруженная детьми. Би смотрела ей вслед, держа руку на игольнике.

— Да что ты в самом деле? — спросил сержант. — Не съедят же они ее, честное слово. Шутят просто.

— Я шуток не понимаю.

— Эй, тунядцы, а ну по своим постам! Проверка закончена! — Сержант выпрямился, поправляя ремень игольника. — Слышали, что я сказал? Бегом!

Гвардейцы подчинились приказу мгновенно. Видимо, кое-какая выучка у них все же была. Сержант обернулся к Би:

— Ты это... не нужно так. У нас не пустыня тут и не все сплошь убийцы и насильники. Не стоит за глупости в людей стрелять.

— А разве я стреляю?

— Ты бы свои глаза видела бешеные. Ежели бы девку сейчас по заднице хлопнули, ты бы шмальнула, да? А потом что? Весь пост покрошила бы?

— За руками следить надо, — медленно сказала Би.

— Надо, кто же спорит? Только не так, мы же не дикие.

— Ты всем приезжим лекции читаешь, сержант?

— Нет, только девицам посимпатичнее. — Клив рассмеялся. — Ладно, езжай, а то и правда меня пристрелишь, а потом жалеть будешь.

— Не пристрелю. Спасибо за новости. — Би запрыгнула в кабину. — Берегите себя,

рейдеры рядом.

— Да уж, бережем так, что дальше некуда. Скоро совсем все за стены спрячемся и выглядывать не будем.

— А все поместятся?

— Так в том-то и вопрос.

Их прервал грохот. Над дорогой на небольшой высоте в сторону Хокса пронесся стреловидный силуэт. Звуковой удар был таким сильным, что железо сторожки еще некоторое время гудело ему в ответ.

— А вот и барон, — сказал сержант. — С облета вернулся. Сейчас опять кого-то повесят.

— У барона есть джет? — спросила Би.

— А ты не знала? Это же Красный Ястреб. Так прозвали барона нашего. Его стоит бояться, я тебе скажу.

— Верю, — проговорила Би. — Особенно теперь.

II

Хокс не изменился.

Мириам запомнила его почти таким же. Блеск металла, белые росчерки улиц, дома в два и даже три этажа, теснящиеся на вершущках двух холмов, тонкие шпили ветряных вышек, увенчанные яркими красными пропеллерами, нагромождение больших и маленьких коробок, которые даже невозможно сосчитать, разбегающееся вокруг светлых пятен площадей. Они смотрели на Хокс издалека, от самого въезда в долину, и видели только часть его, окруженную серыми бетонными стенами и аккуратными стоянками множества каров. Снаружи, за стенами города, дома стояли реже, а по долине расползались оросительные каналы и квадраты возделанных полей. Люди на улицах казались разноцветными точками, а на самом высоком шпиле, тонкой ажурной башне, возвышавшейся на правом холме, билось красное знамя Хокса.

— Ух ты! — выдохнул Рок.

— Какой маленький, — неожиданно сказала Би, удивив Мириам.

Хокс казался ей огромным, даже несмотря на воспоминания о покинутом древнем городе.

— Да, если только сравнивать с крепостями, — отозвался Кейн. — Но для самостоятельного города он довольно велик.

— Наверное. Тебе разве можно заходить в города, монах?

— Да, конечно. Кто мог мне запретить? Добрый стражник, которого ты так напугала, сказал об этом прямо.

— Я его не пугала.

— А по мне, он был напуган, хотя и неплохо скрыл это. Так струхнул, что даже забыл нас ограбить.

— Ограбить?

— Привилегией постов, окружающих горы, являются поборы, которыми они обкладывают приезжих. Ты не знала?

— Нет.

— И он ни словом не упомянул о въездной пошлине?

— Нет.

Кейн рассмеялся:

— Путешествие в тени прайма имеет свои преимущества. Но советовал бы тебе задуматься: почему он так тебя боится? Ведь в пустыне о сущности праймов знают немногие. Почти никто из тех, кто получает хоть какие-то сведения об этом, просто не успевает никому ничего сказать. А наш добрый стражник не сомневался в том, кто ты и что можешь. Он очень хорошо все знал.

— Ты тоже, и что из того?

— Я только скромный странствующий монах.

— Ага. Ты используешь стрим-ган третьего поколения с восемнадцатикратной электронной оптикой и голыми руками избиваешь двух мужчин с ружьями.

— Они всего лишь фермеры.

— Ты такой же обычный монах, как я — весенняя бабочка.

— Какая красивая аналогия. Но я монах, следовательно, ты — бабочка.

— С тобой невозможно разговаривать. Мириам!..

— Что?

— Ты нас слушаешь?

— Да, хотя и не очень понимаю.

— Где здесь можно остановиться на ночь?

Мириам взгляделась в стоянки, раскинувшиеся невдалеке от города.

— Обычно машины оставляют за стенами, но если внутрь нас все равно не пустят, то этого, наверное, не нужно делать.

— Да, нам посоветовали остановиться в долине.

— Вон там, справа на холмах, пустые выгоны. Мы можем остановиться там, если никто не будет против.

— А кто может быть против?

— Там рядом ферма.

— Тогда мы встанем подальше от нее, на песке.

— Да, наверное. Трава там все равно не растет.

Они свернули с основной дороги и двинулись вдоль ирригационного канала, одного из многих, разрезавших окрестные холмы тонкими блестящими полосами. В нем стояла мутная зеленоватая вода, и в окна проникал запах, незнакомый Мириам, сырой и не очень приятный.

Грузовики Эймаса и Бена увязались за ними. Их присутствие раздражало Мириам, но что с этим делать, она не знала.

— Может, избавиться от них? — Би словно подслушала ее мысли.

— Как это?

— Прогнать.

— Я не знаю. Они, по-моему, просто боятся. Если их прогнать...

— Не нужно, — сказал Кейн. — Они обычные люди, будут вести себя тихо и ничем нам не помешают.

— Думаешь?

— Я это гарантирую.

Вдоль канала тянулись яблоневые сады. Сухие ветви нависали над дорогой, задевая кабину. Ровные ряды деревьев уходили вверх и вниз по склонам холмов, оставляя узкие

дороги и тропинки. Мириам знала, что с приходом осени все изменится. Яблони снова зазеленеют, зацветут, и к зиме здесь опять будет пахнуть их плодами, а не стоялой водой. Рок высунулся в окно почти по пояс, и Таня ухватила его за куртку, чтобы не выпал.

Они миновали несколько ферм. На небольших выгонах, покрытых желтой травой, паслись коровы, собаки лаем провожали колонну грузовиков. Над трубами домиков из серого кирпича подымался дым, а их хозяева, работавшие в поле, рассматривали незваных гостей.

— Эти никуда не ушли, — сказала Би.

— И не уйдут, — ответила Мириам. — Это их дом. Посмотри, как тут хорошо.

— Им его не защитит.

— Они все равно останутся.

Би не ответила. Они миновали фермы и приблизились к песчаному участку, который заметили издалека. Он представлял собой длинный песочный язык, треугольник пустыни, вторгающийся на холм, аккуратно засаженный яблонями. На него вела узкая объездная дорога, проходящая через металлический мостик, переброшенный над каналом. Кар Би проехал по нему первым, настил закрипел, но выдержал. Мириам заехала на него осторожно, но ее грузовик, даже вместе с трейлером, был легче, и проблем не возникло.

Они выехали на песок и развернулись у трех невысоких черных скал, торчащих, как зубы великана, в сторону Хокса. Би, как обычно, вылезла первой и огляделась.

— Тут чисто. — Она проследила взглядом за грузовиками Эймаса и Бена, которые не решились подъехать к ним близко и остановились поодаль, за скалами. — Разве что вот они...

— Я не боюсь их, — сказала Мириам, закрепила переговорник на шлейке майки и выпрыгнула из кабины. — Кейн прав. Это просто бедные фермеры.

Би оглянулась:

— Как знаете, мне они не нравятся.

— Мне тоже. — Кейн выбрался из трейлера одновременно с Мириам и теперь потягивался, разминая затекшие плечи. — Как вообще могут кому-то нравиться эти несчастные глупые люди, не способные себя защитить?

Би выключила переговорник и отвернулась. Мириам помогла Тони спрыгнуть с подножки и захлопнула дверь машины. С другой стороны кабины наружу выбралась Таня.

— Красиво, правда? — спросил Кейн и уселся возле трейлера, прямо на песок.

Мириам молча кивнула.

Песчаный склон, на котором они остановились, растекался среди черных яблонь, убегающих вниз по холму ровными рядами. Здания из красного и желтого кирпича тут и там поднимались между деревьев, увенчанные вращающимися лопастями ветряных генераторов. Среди садов кое-где просвечивала зеленая вода, каналы разбегались по холмам во всех направлениях, деля долину на неровные прямоугольники. Хокс, над которым застыло послеполуденное солнце, лежал на холмах озером жидкого серебра, искрясь и сверкая металлом крыш и ветряков. Тонкие струйки дыма поднимались над ним, мгновенно таяли в волнах летнего жара и становились частью серебристой облачной шапки, висящей над центром долины.

Ближайшая ферма располагалась метрах в трехстах ниже по склону, и Мириам могла рассмотреть фигурки людей, стоящих на плоской крыше.

— Они на нас смотрят?

— Да, — подтвердила Би. — Может, там живут хозяева этого места?

— Нужно с ними поздороваться, — предложил Кейн.

— Если они не против.

— Я схожу. — Кейн поднялся, отряхивая песок. — У меня получается ладить с людьми.

— А мы пока разведем костер. — Мириам кивнула. — Сегодня очередь Тани готовить ужин.

— Правда?

— Ну да, в прошлый раз это делала я.

Огонь развели под самой большой из трех скал. Солнце медленно опускалось слева от Хокса, то и дело скрываясь за облаками. В качестве дров они использовали ветки старой сухой яблони, которую Би молча притащила откуда-то с самого края песчаного языка. Мириам оставалось только надеяться, что прайм не вырвала ее с корнем. Дерево было сухим и таким толстым, что его не смогли бы поднять, наверное, и четверо мужчин. Обрубив ветви, Би оставила ствол рядом с костром, чем тут же воспользовался Рок, принявшийся бегать по нему и прыгать в песок.

Тане, как выяснилось, почти не требовались инструкции Мириам. Варить кашу она умела. Они порезали сухое мясо на металлической пластине и стали ждать, когда костер немного прогорит и можно будет повесить над ним котелок. Би сидела неподалеку, на крыле своей машины, глядя в долину.

Кейн вернулся, когда каша уже вовсю бурлила, и поставил на древесный ствол маленькую плетенку с яблоками. Пахло от них так, что рот Мириам непроизвольно наполнился слюной. В последний раз она чувствовала этот запах больше года назад.

— Это подарок. — Кейн протянул яблоко Мириам, та сжала его в ладонях и передала Тане. — Хозяева не против того, что мы постоим на бесплодной земле.

Он бросил яблоко Року, тот поймал его и жадно впился зубами. Мириам взяла еще одно и тоже отдала Тане.

— Разрежь его, иначе Тони будет трудно разгрызть.

— А она ест яблоки? — Кейн кивнул в сторону Би, все так же сидящей на машине.

— Наверное, там же витамины. Давай я отнесу ей парочку.

Монах пошел за ней следом.

— Будешь яблоко? — спросила Мириам у Би, усаживаясь рядом с ней.

— Да. — Би обернулась к монаху. — Откуда это?

— Подарок.

— И чем мы его заслужили?

— Здешние фермеры — очень добрые люди. Я рассказал им историю о том, как две храбрые женщины спасли детей от бандитов, а потом спросил разрешения остаться тут на ночь.

— Ты красиво говоришь, да?

— Если это необходимо.

— Ты спасал их точно так же, как и мы, даже приехал раньше.

— Нет, я... — Монах шагнул вперед, глядя на Хокса, и оказался спиной к своим спутникам. — Я никого не спас. Я только убивал. Моя вина в том, что рейдеры расстреляли этих людей. Я начал первым, и они просто не поняли...

— Что?

— Они выстроили их у машин. Я начал стрелять первым, а они решили, что это кто-то

из них, из миссии.

— А у тебя был выбор?

— Нет. Угол, дистанция и ветер оказались оптимальными. Я мог бы дождаться тебя, но не знал точно, кто ты, что сможешь сделать и сколько у меня времени.

— Тогда ты не виноват. — Би склонила голову. — Ты сделал то, что мог.

— Я знаю, но все равно чувствую вину. Это как если бы я был путником, случайно стронувшим с места камень в горах, ставший причиной лавины. Виновен ли я в том, что она уничтожила город? Я знаю, что нет, но чувствую, что да.

— Впервые за все время я поняла тебя, монах, — сказала Би и откусила кусок яблока.

Только тогда Мириам осознала, что свое она до сих пор держит в руках.

— Это потому, что мы, видимо, наступаем на одни и те же камни, — ответил Кейн.

Этот вечер был странным, не похожим на другие, проведенные в пустыне. Ветер нес из долины запахи человеческого жилья, дыма, коровьего навоза и мяса, поджариваемого на углях. Солнце наполовину спряталось за облачную шапку над Хоксом, и длинная огненная полоса сияла, превращая стекла и гребни крыш под ней в кучу блессток.

Еще до того как сварилась каша, Кейн взял корзинку с остатками яблок и отнес фермерам, остановившимся за скалами. Вернувшись, он молча уселся, прислонился спиной к стволу, разложил на плаще перед собой свою винтовку и принялся ее разбирать. Тони неожиданно уселся с ним рядом и стал сосредоточенно наблюдать за его движениями.

— А тебе можно есть мясо? — спросила Таня у Кейна, помешивающая кашу длинной ложкой.

— Да, — ответил тот, не поднимая головы.

— А почему?

— Потому что никто не смог мне запретить.

— Но ты же монах!

— Я монах, который ест мясо.

— И ходит с ружьем?

— Да, с ружьем и в шляпе.

Таня засмеялась:

— Я думала, монахи серьезные.

— Грустно быть таким.

— А во что ты веришь?

Кейн с сухим щелчком отсоединил прицел от винтовки.

— Ни во что.

— Как это? — удивилась Таня. — Разве монах не должен быть верующим?

— Монах — это человек, который отказался от обычной людской жизни ради своей цели. Вера тут ни при чем.

— Так в Бога ты не веришь?

— Нет, не верю.

Таня замолчала, помешивая кашу. Кейн отсоединил ствольную коробку и протирал ее промасленной тряпкой.

— Мне всегда говорили, что вера необходима, — не выдержала наконец Таня. — Без нее людям трудно найти дорогу и понять, что правильно, а что нет.

— Костер может согреть тебя ночью, но что толку жечь его на жаре? — Кейн отодвинул ствол и изучающее посмотрел на него. — Я уже нашел свою дорогу, и мне не нужно снова ее

искать.

— И что это за дорога?

— Путь яблони, сгорающей на костре. — Кейн дотронулся пальцем до татуировки на щеке. — Ветвей, листьев и цветов...

— Дорога дерева? — резко спросила Би, подходя поближе. — Ты уверен, что это не слишком сложно для ребенка?

— Дерево — лишь символ, — мягко ответил Кейн. — Если она спрашивает, значит, ей это важно.

— Видимо, вы родственные души. Дай мне твой прицел.

— Зачем?

— Посмотреть на Хокс.

— Его нужно рекалибровать. Держи. — Кейн передал Би коробку прицела.

В ее руках тот тихо зажужжал и разложился, окуляры раздвинулись. Би присела на ствол яблони и направила его в долину.

Мириам пристроилась к ней поближе и спросила:

— Что там видно?

— Город, стену. — Би медленно двигала прицел. — Люди, очень много. Виселица.

— Я тоже хочу! — закричал Рок, подбежав к ним.

— Не нужно, — сказала Би, а прицел в ее руках шарил по долине. — Это любопытно!

— Что? — спросила Мириам, которой тоже отчаянно хотелось посмотреть.

— Укрепления. В долине не так много башен. После того как мы проехали этот смехотворный пост, мне сразу стало интересно, как они вообще собираются отражать набег?

— На долину редко нападают. — Кейн отложил ствол винтовки и занялся спусковым механизмом. — Это просто глупо. У барона джет, от него не убежать и не скрыться. А при большом набеге...

— Долину просто оставят, — закончила за него Би. — Я вижу всего четыре или пять укрепленных точек. Видимо, это базы патрулей, и больше ничего. Холмы толком не охраняются, сюда может заехать кто угодно.

— Может, но город им так просто не взять.

— Да. — Прицел снова зажужжал. — Бетонная стена высотой метров десять и башни, одна, две... шесть шгук.

— И огневые точки на них в пределах города, — сказал Кейн и осторожно отобрал у Тони винтовочный картридж, который тот пытался грызть. — Это достаточно серьезно, учитывая то, что нормальных подходов к городу нет, местность пересеченная и на каре, даже боевом, тут особо не разгонишься.

— Да, — сказала Би. — Я знала, что монахи разбираются в военном деле, но не думала, что так хорошо.

— Спасибо.

Би резко встала, протянула прицел Мириам и искоса взглянула на скалу, нависающую над их лагерем:

— Не за что. Интересно, где тебя этому учили?

— Далеко отсюда.

— Собери винтовку.

— Я еще не закончил.

— Просто собери.

Кейн пожал плечами и улыбнулся. Ствольная коробка в его руках повернулась будто сама собой. Мириам не успела проследить за его плавными уверенными движениями. Детали быстро ложились одна на другую, и Кейн положил винтовку перед собой.

— Прицел тоже?

— Нет. — Би подняла руки, потягиваясь. — Там, у вас, где бы это ни было, преподавали рукопашный бой?

— Да. — Кейн улыбнулся еще шире. — И владение холодным оружием.

— Покажи.

— Хочешь, чтобы я с тобой подрался?

— Да.

— Это глупо. Ты в экзоскелете — с тем же успехом можешь просто задавить меня каром.

— Я его отключу.

— Интересно. — Кейн встал, отряхнул песок, распустил завязки плаща и аккуратно положил его на ствол яблони, оставшись в серых брюках военного покроя и тонком черном бронежилете. — Я слышал, постоянные пользователи экзо теряют в скорости и выносливости, да?

— Правда, если этого не компенсировать специальными тренировками.

— К тому же он весит не меньше семи килограммов.

— Это усиленная модель, девять с половиной. — Би снова потянулась.

Кейн расстегнул пряжки на плечах и снял бронежилет, под которым обнаружилась черная безрукавка.

Вместе с защитным снаряжением на дерево лег толстый вороненый стержень около метра длиной, похожий на винтовочный ствол.

— Дубинка? — спросила Би.

— Нет, флейта.

— На магнитах?

— Да. — Кейн обошел дерево и встал перед Би.

Мириам смотрела на них, широко открыв глаза, не зная, что и думать.

— Вы что, собираетесь драться?

— Нет, просто размяться перед ужином, — ответила Би.

— Ух ты! — Рок вскочил на дерево рядом с Мириам.

— Правила? — спросил Кейн.

— Вполсилы. Скоро ужин, нужно до него дожить.

— Ограничения?

— Никаких. — Би слегка присела и пригнулась, Кейн отступил на шаг и поднял руки перед собой. — Начали!

Мгновение они стояли неподвижно. Би присела еще ниже, ее руки тоже поднялись, как если бы она держала перед собой что-то большое. Кейн отреагировал на ее движение, отставив правую ногу чуть дальше назад. Его ступня скользнула, углубляясь в песок, и Би прыгнула.

Кейн встретил ее ударом по рукам, мелькнувшим на уровне его глаз, извернулся, ушел в сторону и упал на колени. Би скользнула по песку, пригнулась и опять замерла. Кейн следил за ней, все так же стоя на колени.

Би медленно пошла вокруг него. Он повернулся, встал, и она снова прыгнула, как только

его колено оторвалось от земли. Песок взлетел фонтаном, когда она в падении ударила монаха по ногам, но Кейн отскочил и пнул ее по бедру сверху вниз. Би сделала кувырок назад, откатилась, и ее догнал второй удар ногой, пришедшийся в плечо. Движения Кейна были быстрыми и четкими. Воительница отскочила назад, и третий удар, прямой, попал ей в живот.

Мириам произвольно вскрикнула.

Би захватила ногу, ударившую ее, согнулась, кувыркнулась в сторону и упала в песок вместе с Кейном. Они сцепились, монах подтянул ноги к себе, группируясь, Би развернулась, попыталась подмять его под себя, но он оттолкнул ее, ударив в бедро.

На несколько мгновений они замерли, присев друг напротив друга. Би выбросила руку в голову монаху, но тот качнулся в сторону, ударил ее ногой под колено, заставив сесть еще ниже, и нырнул под следующий выпад. Его плечо врезалось Би в живот, она упала назад и обхватила его голову и левую руку, не давая подняться.

Мириам показалось, что женщина что-то очень быстро прошептала монаху.

Они покатались, разбрасывая песок, волной упали черные волосы. Би вывернулась из-под Кейна и хлестнула ему по лицу. Он прикрыл голову плечом, оттолкнулся от земли руками, встретил локтем удар ее ноги и вскочил.

Они закружились по неглубокой яме, в которую уже превратилось место их поединка. Растрепавшиеся волосы наполовину закрыли лицо Би.

Она снова кинулась на монаха, на этот раз ударила по верху, но Кейн пригнулся, захватил ворот ее костюма и упал назад, бросая ее через себя.

Би пролетела несколько метров к краю скалы и ушла в кувырок, а монах вскочил и кинулся обратно к дереву.

Дальнейшее заняло не более двух секунд. Би развернулась на месте, словно обхватывая нечто невидимое и тяжело швыряя его в сторону костра, а монах схватил винтовку и одним прыжком перемахнул обратно через древесный ствол.

Мириам уронила прицел.

Невидимое нечто, брошенное Би, вспахало песок и остановилось неподалеку, мерцая, почти как горизонт пустыни в полдень. Кейн встал рядом, целясь в него. Нечто шевельнулось, по нему словно прокатилась волна, делая его непроницаемо-черным.

Из мерцания проступила фигура человека, сидящего на корточках, в доспехах, похожих на те, которые носила Би, но покрытых множеством маленьких чешуек. Несимметричные линзы на маске налились темнотой, в них отразился огонь заката.

— А вы забавные, — сказал незнакомец низким механическим голосом. — Разыграли целый спектакль.

— Кто ты такой? — спросила Би.

— Я никто, — ответил неизвестный. — Меня нет здесь.

— Это тоже звучит забавно.

— Согласен. — Он повернулся, глядя на Би. — Но у вас и без меня достаточно врагов, даже тех, о которых вы еще не знаете.

— Ты говоришь загадками.

— Не я здесь самая большая загадка. — Незнакомец наклонил голову. — Меня же просто нет. Прощайте.

Би прыгнула к нему с расстояния не менее пяти метров и исчезла в белом пламени. Вспышка была невыносимо яркой. Мириам никогда в жизни не приходилось испытывать

ничего подобного. Будто маленькое бесшумное солнце мгновенно взошло там, где стоял неизвестный.

Сразу стало темно.

— Дьявол! — выкрикнула Би. — Кейн, стреляй!

— Зачем? — спокойно спросил тот, и где-то в темноте заплакал Тони.

— Мириам!.. — голос Тани сорвался.

— Всем стоять на месте. Это сейчас пройдет, — сказала Би. — Слепота лишь временная.

Мириам присела на дерево, лежащее за ней, и протянула руку назад, к Тане.

— Я здесь, иди сюда, только осторожно.

— Световая граната? — спокойный голос Кейна раздался совсем рядом.

— Нет, флеш-модуль. Чертов инфильтратор!

Мириам поймала запястье Тани и потянула ее к себе.

— Садись... ой, что это?

— Котелок. Я боялась, что каша сгорит.

— Поставь его на песок, ничего с ним не случится. Тони, не плачь, иди к нам!

— Я нашел его, — сказал Рок откуда-то слева.

— Хорошо. — В темноте перед глазами Мириам плыли цветные пятна, в которых уже можно было различить окружающий мир.

Слепота постепенно проходила.

— Инфиль? Знакомый тип? — спросил Кейн.

— Нет, — помедлив, ответила Би. — Я такого еще не видела. А ты? В Детройте такие нет?

Кейн рассмеялся:

— Ты догадалась. Рукопашный бой?

— Да. Китайское уни-кэмпо преподают только в спецкорпусах Детройта и Чикаго. В Атланте и Далласе дают АРБ, он другой.

— Но ты не из Детройта, и твое уни отличается от моего. Корпус-прайм в Чикаго использует усиленные экзо.

— Да. Почему ты не выстрелил?

— Потому что его уже не было рядом. Он очень быстрый, этот тип. Как ты вообще его заметила?

— Случайно. Увидела игру света над песком.

— Твое уни оставляет желать лучшего.

— Я прайм, а не пехотинец. — Темнота почти совсем разошлась, и стало видно, что Би сидит на песке напротив Кейна. — Ты был прав, мне проще переехать тебя каром.

Кейн улыбнулся, поднял прицел своей винтовки, оброненный Мириам, и стряхнул с него песок.

— Он совсем убежал? — спросила девушка. — Может, мы поужинаем?

III

— А кто был этот человек в черном? — поинтересовалась Таня, съев несколько ложек.

Все остальные ели не отрываясь, особенно Мириам, у которой ни крошки во рту не было с самого утра. Кейн некоторое время смотрел, как она дует на кашу и выскребает

миску, а потом отдал ей свою порцию мяса. Би, присевшая на ствол яблони, ела медленно и аккуратно.

Она и ответила на вопрос Тани:

— Это был шпион.

— Он похож на тебя. Это шпион короля?

— Возможно, он из крепости.

— Из какой?

— Я не знаю, раньше таких типов не встречала.

— А он шпионил за нами?

— Нет, не думаю, что мы ему интересны.

— Но он сам сказал.

— Не стоит ему верить. — Би отбросила волосы с лица и снова принялась за еду.

— Твоя заколка, — сказала Мириам.

— Что?

— Она выпала, когда вы дрались?

Би поставила миску с кашей рядом с собой, провела рукой по волосам, потом оглянулась.

— Видимо, да. — Она перепрыгнула древесный ствол и пошла к тому месту, где боролась с Кейном.

Песок там был перепахан, образуя неглубокую яму. Мириам поставила пустую миску на землю:

— Я тебе помогу.

Би присела, растерянно глядя на песок, и Мириам показалось, что она сейчас расплачется.

— Главное, не затоптать ее еще глубже. — Девушка пристроилась рядом с Би. — Нужно перебирать песок, начиная с этого места и по кругу. Я тоже часто теряла мелкие вещи. Она же очень дорога для тебя, да?

Би кивнула.

— Я тоже вам помогу! — крикнула Таня.

— И я! — заявил Рок вслед за ней.

Они копались в песке минут десять, Рок пыхтел от усердия, а Таня пересыпала песок молча. Мириам краем глаза следила за Би. Та медленно водила руками по песку, видимо не надеясь ничего найти, потом и вовсе замерла, обхватив руками колени, и сидела так, пока Таня не вскрикнула.

— Какая красивая! — сказала девочка, стряхивая с заколки песчинки. — Тебе ее подарили?

— Да, — ответила Би, и ее голос дрогнул.

— Я бы тоже хотела, чтобы мне подарили такую.

— Когда-нибудь такое случится.

— Нет. — Таня вздохнула и встала. — Я не Меч короля, и мне такую не подарят. Никогда.

Она протянула заколку Би, которая все еще сидела на песке. Та взяла ее как-то растерянно, словно не зная, что ответить.

— Это неправда, — сказала воительница тихо, уже в спину Тане, и та обернулась. — Для этого не нужно быть Мечом.

— Теперь умыться и спать, — скомандовала Мириам. — Пovyтряхивайте песок из одежды, а то заснуть не сможете. — Она подошла к Би и предложила: — Давай я помогу тебе с волосами.

— Не нужно, я могу поспать и так. — Би поднялась и отбросила волосы за спину. — Нужно отдыхать, день был тяжелым. Спасибо за заколку.

— Ты опять хочешь спать в машине?

— Да.

— В городе, наверное, найдется где остановиться. Там будут кровати.

— Завтра и увидим.

— Ты никогда не была в Хоксе?

— Нет. Как и вообще в таких маленьких городах.

— Разве он маленький?

— Неважно. — Би пошла к машине, потом обернулась. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

IV

Мириам наклонила канистру, и тонкая струйка теплой воды упала в песок.

— Поторопитесь, — сказала она. — Воды много, но не нужно ее терять.

Дети умывались быстро, видимо привыкнув экономить воду. Таня оттерла физиономию Тони, который снес эту процедуру со стоическим спокойствием, а Рок подставил под канистру голову, намочил волосы и обрызгал всех окружающих.

Спать они легли как обычно, у костра, только Таня сразу перебралась на одеяло Мириам. Было еще светло, невидимое солнце, садящееся за холмами слева, окрашивало алым облака над долиной. Кейн расстелил одеяло отдельно от всех, под скалой, и теперь сидел там, скрестив ноги и положив винтовку на колени.

Убедившись, что дети легли, Мириам подошла к нему и спросила:

— Ты снова спишь сидя?

— Нет, — ответил монах, повернув голову. — Это называется созерцанием.

— Созерцанием?

— Ну да. Я смотрю на облака.

— Зачем?

— Чтобы смотреть на них. Зачем же еще?

Мириам пожала плечами:

— Ты нарочно отвечаешь так, что больше ни о чем спрашивать не хочется?

— Нет. Ответ зависит от вопроса.

— Я неправильно спрашиваю?

— Да.

Мириам присела с ним рядом:

— Тогда что такое созерцание?

Кейн улыбнулся:

— Очень просто. Я — дезертир и убийца, но когда смотрю на эти облака и город — есть только они. Нет преступника Кейна. А они такие красивые!..

Некоторое время Мириам тоже смотрела на облака.

— Кажется, я поняла. Сегодня столько всего случилось! Даже не верится, что прошел

лишь один день. Если я представлю себе все, что произошло, моя голова сразу взорвется. Наверное, хорошо уметь просто смотреть на облака, как ты.

— Ты поняла.

— Можно твой прицел?

— Опять?

— Я тогда не успела посмотреть. Пожалуйста.

— Возьми. — Кейн отсоединил прицел и протянул ей. — Он включается здесь, а вот этот шарик увеличивает.

— Спасибо. — Мириам подняла прицел к глазам, и тот зажужжал, раздвигаясь по ширине ее глаз.

Сначала она не поняла, что видит. В зеленоватой прицельной сетке двигалось нечто серое, большое. Потом проступили детали, шершавая поверхность бетона и металлические перекрытия башен. Она смотрела на стену Хокса так, будто до той было не более двадцати шагов. На башне стоял стражник с черно-алым наплечником, а рядом с ним, на треноге, возвышалось многоствольное оружие, направленное вниз, на дорогу, ведущую к воротам.

Там толпились люди. Казалось, до них можно дотронуться рукой. В прицельной сетке мелькали цифры, которых Мириам не понимала. Зеленые рамки выделяли некоторые силуэты. Ворота закрылись только наполовину, и на проходе стояли гвардейцы. Их черные бронежилеты ярко выделялись на фоне серой, желтоватой и коричневой одежды всех остальных. Мириам дотронулась пальцем до шарика на правой грани прицела, и сцена внезапно прыгнула вперед так, что стали видны даже капельки пота на лицах стражников. Люди, стоящие перед ними, что-то им говорили, но, видимо, безрезультатно.

Мириам повела прицелом вдоль стены. Там что-то раскачивалось, закрывало обзор, и она снова навела фокус, на этот раз отдаляясь. Мертвый человек в обрывках лохмотьев болтался на металлической виселице, по его синему перекрученному затылку ползали огромные мухи. Рядом стояли еще виселицы, одна за другой, вдоль стены. Мириам не стала их считать, а просто зажмурилась и наугад перевела прицел дальше.

Теперь она смотрела прямо в центр Хокса, на вершину правого холма. Площадь заливал яркий свет, льющийся из окон и дверей зданий в два и три этажа, выходящих на нее. Светились даже вывески, под которыми, на выступающих каменных верандах, за столиками сидели люди. Посреди площади возвышалась металлическая сцена, круглая и пустая. Мириам даже прочитала одну вывеску, смешную и бессмысленную: «Сладкая белка». Люди ходили по площади, останавливались, на верандах танцевали ярко одетые женщины. Видимо, там играла музыка.

Мириам опустила прицел, потом протянула его Кейну и сказала:

— Не похоже, что они боятся.

— Да, — ответил монах. — Но еще испугаются.

— Ты не слишком сильно ударил Би?

— Когда? Я думаю, нет.

— Ты будешь спать прямо здесь?

— Да.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Би сидела в машине неподвижно, с закрытыми глазами, и Мириам не стала ее беспокоить. Мальчишки, уставшие за день, тоже никак не отреагировали на ее возвращение.

Только Таня молча подвинулась к краю одеяла, освобождая ей место. Было тепло, укрываться не хотелось, поэтому Мириам свернула одеяло валиком в ногах, легла рядом с Таней и смотрела в небо. Сон не шел, перед глазами мелькали картины Хокса, того, каким он был сейчас, и прежнего, запомнившегося ей в прошлом, веселого, яркого, полного жизни и красок. Тогда виселиц у ворот не было, люди могли входить и выходить из города когда угодно.

Мириам вздохнула. Все происходило так быстро. Сегодня она опять стреляла в человека, ее чуть не убили саму, а потом едва не ограбили. То, что случилось вечером, вообще, похоже, ей почудилось. Этот полупрозрачный воин ослепил всех и сбежал, но перед этим очень вежливо попрощался.

За мыслью о войне последовала другая, об Атланте. Она стала представлять себе ее улицы, но почему-то вместо них всплывали совсем другие картины, воспоминания о приснившемся ей древнем городе, огромном и совершенно пустом. По нему ходили люди в яркой одежде, играла музыка. Там была и Би, но не в черном экзоскелете, а в ярком платье и с высокой прической. Мириам подошла к ней, но та смотрела сквозь нее и не узнавала. В отличие от всех мужчин и женщин, окружающих ее, она не смеялась, даже не улыбалась, а просто смотрела. Лицо ее, чистое, без ссадин от воздушных трубок, было молодым и очень печальным.

Сон упал на Мириам, смешивая людей и краски. Потом пришла темнота.

Ей снилось, что она летит над долиной. Нет, не как птица, а гораздо быстрее, так, что ветер свистит в ушах, маленькие домики на холмах мгновенно оказываются близко, а потом снова отдаляются. Под ней пронеслись яблони и каналы. Девушка сделала несколько кругов над Хоксом, а потом взмыла вверх, к солнцу, чтобы увидеть, как из пустыни, издалека, идет к долине нечто огромное, черное — живая башня, сотканная из дымных столбов.

V

Мириам закашлялась и проснулась. Светало, холодный ветерок забирался под одеяло и покусывал пальцы ног, а спина Тани, лежащей рядом, наоборот, казалась горячей. Кто-то укрыл их обеих, пока они спали.

Долина перед ними медленно выступала из темноты. Солнце, встающее справа, из-за скал, окрашивало верхушки серых облаков в розовый цвет. На дальней стороне долины, на полях и в садах блестела роса. Миллионы розовых огоньков загорались на склонах узкой полосой, которая медленно, почти незаметно глазу расширялась и ползла вниз, в то время как вершины холмов уже перестали сверкать.

Мириам приподнялась, укрыла Таню получше и встала.

Ниже по склону, у камней, освещенных розовым утренним светом, размахивал дубинкой монах. Возможно, Кейн танцевал — прыгал, приседал, поворачивался, а металлическая дубинка, которую он назвал флейтой, иногда свистела. Мириам подошла ближе и некоторое время просто смотрела на него и на просыпающуюся долину.

— Третий комплекс, уни-кэмп, — хрипло сказала незаметно подошедшая Би и закашлялась.

Монах остановился.

— Да, — сказал он, и девушка заметила, что дыхание Кейна даже не сбилось. — Интересно, что ты его узнала.

— Хотя ты выполняешь движения задом наперед, — закончила за него Би.

— Это помогает лучше их усвоить.

— Я знаю. Давай еще раз, только с начала. — Она выбросила в сторону руку с навахой, та щелкнула и раскрылась.

— Согласен.

Би подошла к монаху и замерла в десяти шагах от него. Несколько секунд они стояли опустив оружие и глядя на долину.

— Начали, — сказала Би.

Дубинка и наваха взлетели одновременно, и Мириам улыбнулась. Би и монах танцевали, будто два зеркала, повторяя движения друг друга, их ноги ступали в такт, оружие двигалось в одном ритме. Маневры Би были немного неуверенными, словно она еще не до конца проснулась, а монах перемещался небрежно, как человек, идущий по привычной дороге.

Холмы в дальней части долины горели красным. Вместе с ними зажегся светом алый флаг на самой высокой башне Хокса. Внимание Мириам привлек случайный проблеск в стороне, на въезде в долину, у которого стояла застава, пропустившая их. Она прищурилась, пытаясь разглядеть источник света, но расстояние было слишком большим. Девушка видела только дорогу, выворачивающую из-за холмов, и маленькую точку. Так выглядел человек, идущий по ней.

Мириам несколько раз моргнула и вдруг увидела его лицо, как если бы он стоял в двадцати шагах, странное, частично скрытое металлическими пластинками, похожими на чешую. Он тоже смотрел на нее, его длинные белые волосы слегка шевелились на ветру.

Видение пропало мгновенно, и Мириам встряхнула головой. Дальняя дорога оставалась пустой, монах и Би все еще танцевали.

«Я еще сплю, — сказала себе Мириам. — Нужно умыться, а то и не такое покажется».

Она повернулась и пошла будить детей. Начиналось их первое утро в Хоксе.

Земля висела перед ним словно чаша, наполненная облаками, края которой уходили далеко в стороны, за границы экранов. Осколки ее многократно повторялись в других мониторах, разбросанных по сфере, окружающей его. Увеличенные и уменьшенные, все они показывали одно и то же — лицо планеты, видимое с геостационарной орбиты. Ночь, день, снова ночь. Огни,двигающиеся по пустыне, и яркие пятна немногочисленных крепостей. Источники теплового излучения и радиостанции, сверкающие на фоне молчания, окутавшего планету. Термоядерные реакторы, горящие алыми огнями на фоне красных радиоактивных штормов. Белые полосы джетов, серые линии каров. Пастельные точки людей. Бесконечные колонки и ряды цифр, возникающие и исчезающие, вездесущие. Пиктограммы вычислителя и ряды функций, стройные, прозрачные.

Безошибочные.

Десятки тонких металлических щупалец, исходящих из спины, пришли в движение, перемещая его в невесомости. Сфера обернулась вокруг него, и в поле зрения всплыл экран, в котором уже третью минуту мелькал алый сигнал вызова с высшим приоритетом.

Подобное средство связи было анахронизмом для человека, ежесекундно пропускающего терабайты самых разных данных через свою нервную систему, но тот, чье лицо вот-вот должно было появиться на экране, такими способностями никогда не обладал. Прежде чем информационный щуп активировал экран, в бездонной электронной памяти всплыл айсберг из цифр и фактов, выброшенный случайной мыслью. Безупречный послужной список, военные операции на орбите, десанты, фотографии в тяжелой керамической броне, назначения, звания, награды...

Глава ВКС Атланты А, генерал Паоло Чикони, смотрел с экрана, и глаза его слезились.

— Что ты себе позволяешь?! — Голос генерала оставался громким, несмотря на недавнюю восстановительную операцию после перенесенного рака горла. — Третий красный маркер за неделю! И куча мусора вместо оснований! Зачем мы взяли тебя заниматься этой работой?! Чтобы ты зря тратил мое время, выискивая несуществующие угрозы, анализировал побасенки и сказки? Нет, мы привлекли тебя в качестве стратегического аналитика, а не, мать твою, гребаного предсказателя всяческой хрени!

— Пабло, — тихо сказал человек, висящий в центре сферы, и генерал, ненавидящий это обращение, поперхнулся. — Спасибо, что напомнили мне, кто я.

— Ты завтра же отправишься обратно! — выдохнул генерал.

— Поверьте, я буду просто счастлив, вернувшись к звездам. Не представляете, как сложно мне было перейти от астрофизики к социологии. Но вы сказали, что это важно, и я поверил.

— Ты!..

— Вы сказали, что именно здесь проходит передний край обороны. Красная черта, за которой может закончиться человечество. И я поверил. Знаете что?.. Вы были правы.

Щупальца оттолкнулись от стен, и предсказатель переместился ближе к экрану. Генерал молчал, свирепо глядя на него.

— Моя работа включает в себя две основные методики. Первая — это сбор и анализ фактов. Вторая — предсказание возможного будущего с использованием тех же самых сведений. Они дополняют друг друга.

— Не трать мое время, я отлично знаю, кто ты!

— Хорошо, генерал. Напомню, что вы еще ни разу не привлекали предсказателей для анализа ситуации, сложившейся внизу. Вы работали с обитателями пустынь, кормили их конфетами и грозили оружием, но ни разу не пытались понять, что же там происходит. Я попробовал и пришел к определенным выводам.

— Быстрее.

— Вы привлекли меня для осуществления тактической поддержки еврической программы, дали мне доступ ко всем базам данных, в том числе и генного банка «Эвридики». Я получил возможность смотреть вниз, чего до этого не делал ни один предсказатель. Вы верите в чудеса, генерал?

— Нет.

— И я нет. Но я верю в факты, а они не сходятся.

— Я уже читал эту заумную чушь в твоих отчетах.

— Повторю еще раз: они не сходятся. То, что мы видим на поверхности, не может происходить там. Эволюционные мутации не вызываются радиацией, генерал. Люди не выживут при таком радиационном фоне, даже деградировав до уровня животных. А как вам радиационный загар, изменение пигментации кожи под воздействием излучения? Это же чушь, такого не может быть, но они живут и здравствуют. Не только люди — домашние животные, собаки, кошки, крысы, наконец!.. Все они не имеют права на жизнь, если вы не верите в чудеса.

— Мне нет дела до крыс, предсказатель.

— Но таковы факты. Мои выводы логичны. Если это не может произойти само, то является результатом чьей-то деятельности. Мы имеем дело с эволюционными мутациями на поверхности планеты, генерал, но не знаем, кто или что их направляет. А хуже всего то, что у нас даже нет никакого желания это выяснить.

— Я уже говорил, что твои домыслы меня не интересуют! Ты присылаешь красные маркеры по каждому поводу, и эти соображения не имеют никакого отношения к реальности. Люди мутировали от радиации, крысы тоже. Все, что волнует меня, — это наполнение генных банков, а не твой бред!

— Я вижу, что моя аргументация не имеет успеха. Хорошо. Мой последний маркер напрямую связан с работой комплекса «Эвридика».

— Он красный, черт тебя подери!

— Да, это прямая угроза программе. Я напомню вам, почему меня называют предсказателем. В случае, если фактов для анализа недостаточно, мы используем другие методы. Интуиция. Общее видение картины может и не складываться, но детали видны достаточно четко.

— Не испытывай мое терпение!

— Я наблюдал за падением «Эвридики», генерал. Я вижу факторы, маркеры, перемещающиеся по поверхности планеты, которые к этому приведут. Я не знаю, почему так, но вижу это в будущем снова и снова. Это красный маркер, и я рекомендую...

— Что за чушь?!

— Я рекомендую провести коагуляцию объектов два и семьдесят один в ареале Атланта.

— Термоядерный удар по Хоксу?! — Генерал захлебнулся яростью. — Из-за твоих галлюцинаций?

— Это предсказание, генерал. В ближайшее время в этом регионе произойдет еще несколько событий, характера которых я пока понять не могу. Если они действительно случатся, угроза программе возрастет неизмеримо...

— Хватит, я слышал достаточно. Ты предлагаешь сжечь сорок тысяч человек и один мертвый город, чтобы оградить «Эвридику» от твоего бреда!

— От вероятного будущего, генерал.

— В вероятном будущем отстранение тебя от работы над этим проектом и сужение твоих полномочий. Я больше не желаю получать от тебя ничего, кроме аналитики и разверток наших разведданных. Это понятно?

— Да, генерал.

— Вопрос закрыт. — Экран погас неожиданно, став серым пятном посреди мозаики, слепленной из фрагментов земной поверхности.

Предсказатель отвернулся. Он знал, к чему приведет этот разговор, не сомневался в том, что его не услышат, по крайней мере — в этот раз. Внизу, под ногами предсказателя, в тысячах километров плыла «Эвридика» — сказочно красивый комплекс, напоминающий снежинку из тонкого керамического кружева.

Он действительно видел, как она падает. Во сне. Много раз. В этих видениях, повторяющихся в последнее время с завидным постоянством, было нечто пугающее. Слишком четкие для обычных снов, наполненные каким-то личным, персональным, совершенно немотивированным чувством страха, они выматывали его, заставляли сомневаться в собственных расчетах. В них было что-то чужое, неправильное, как и в рисунках маркеров на поверхности планеты: синие смерти рейдерских разъездов, зеленые точки беженцев, красные отметки гвардии. Невозможная картинка, в которой случайности вели себя так, будто подчинялись какому-то плану.

— Кто ты? — спросил предсказатель у диска планеты, висящей у него над головой. — Чего ты от нас хочешь?

Часть вторая
Лица

Глава I

Интермедия I

Вероника проснулась.

Вокруг двигалось множество людей, вызывая в памяти картины, виденные давным-давно, но тогда, в прошлом, они кричали и бежали куда-то среди пламени и падающего камня, а сейчас просто суетились без видимой и понятной цели. Впереди, в толпе, между палатками торговцев и машинами, шла загорелая девушка, смутно знакомая по предыдущим пробуждениям, ведущая за руки двоих детей, мальчика и девочку. Мелькали черные волосы, завязанные в высокий хвостик, и еще один ребенок, совсем маленький, цеплялся за пояс ее джинсов, смешно семеня следом.

Это выглядело очень трогательно. Наблюдая за тем, как девушка пробивала себе путь через толпу, Вероника чувствовала все усиливающееся желание защитить ее и этих детей.

Взять их за руки и повести вперед.

Она знала, что через несколько минут на нее нахлынут воспоминания — чужие, приносящие только боль, но пока в ней царила кристальная ясность, а чувства оставались необычайно яркими, захватывающими до глубины души. Вероника шла вслед за девушкой, наслаждаясь каждым ощущением: теплом солнечного света, прикосновениями чужой одежды, десятками запахов, висящих в воздухе над толпой.

Жизнь кипела вокруг. Поток людей стремился к высокой бетонной стене и расплескивался перед ней, растекаясь между торговыми трейлерами, сборными прилавками из тонкого металла, тентами и палатками, разбросанными вокруг, насколько хватало глаз. Смуглая девушка обернулась, но Вероника этого не увидела. Она разглядывала лотки, вдоль которых они шли. Старые вещи, несущие на себе следы прошлой жизни, зачаровывали ее.

Вероника смотрела на исцарапанные лопаты и сбитые кирки с грубо вырезанными древками, ножи, сточенные в полоску и отполированные частыми прикосновениями, старое оружие, стреляющее пороховыми патронами, блестящее вороненой сталью стволов и лаком, кое-где сохранившимся на прикладах. Здесь же была и одежда, как бесформенные пыльные вещи, так и новые, видимо приберегавшиеся для праздников и выставленные теперь на продажу. Платья белые, синие, зеленые, словно яблоня весной. Туфли, которые невозможно носить в пустыне, с металлическими пряжками и пластиковыми каблуками, блестящие кожей. Брюки и пиджаки, пахнувшие столетней пылью и не нужные теперь никому.

Дальше шли лотки с украшениями, пластиковыми и деревянными бусами, россыпями яркого стекла, изящными поделками, сплетенными из медной и стальной проволоки, гребнями, кольцами и браслетами, украшенными цветными камешками, серьгами, серебристыми и матовыми, тяжелыми подвесками, сверкающими на солнце.

У следующего лотка она остановилась, будто наткнувшись на стену, и ее горло свел спазм, причины которого она пока не знала. Здесь продавались игрушки: самодельные кары, матерчатые и деревянные куклы, пластиковые кубики с нанесенными на них буквами, человечки из проволоки и погремушки из пластиковых бутылок. Несущие на себе следы пальцев и зубов, потертые, разорванные, сломанные и аккуратно исправленные. Вероника смотрела на воспоминания, которых у нее не было, воплощенные в вещах, и собственная память холодной волной поднималась внутри, разворачивалась где-то внизу живота, напоминая приступ тошноты, и проталкиваясь дальше, морозными кольцами вдоль

позвоночника, к сердцу, к горлу, словно пыталась выдавить крик, застрявший в нем.

Вероника сжала зубы и неожиданно почувствовала прикосновение. Один из детей, шедших впереди со смуглой девушкой, самый маленький мальчик, стоял перед ней, глядя на нее снизу вверх.

Их глаза встретились, и память накрыла ее с головой, как тяжелая волна.

И Вероники не стало.

I

— Би? — Мириам оглянулась во второй раз, и ее опять толкнули.

Она отпихнула человека плечом, выслушала сдавленное ругательство в ответ и потянула Таню к себе, подальше от грубияна.

— Би! — восклицание утонуло в гомоне базара.

Кто-то кричал впереди, расхваливая горячие корндоги, люди торговались, ругались и откровенно скандалили у прилавков. Мириам развернулась, прижимая к себе Рока, и начала проталкиваться обратно. Би стояла у прилавка со старым барахлом, держа за руку Тони. Возле них было посвободнее, появилась возможность отпустить Танину ладошку и сделать глубокий вдох.

— Я думала, ты потерялась.

— Нет, у меня просто немного закружилась голова. — Би опустила глаза и указала на прилавок. — Похоже, ему что-то нравится. Можно будет сюда вернуться.

— Да, только потом, — выдохнула Мириам. — А то мы будем тут до бесконечности бродить. Я никогда не думала, что базар такой огромный, куда больше, чем ежегодная ярмарка. Только он какой-то...

— Да, грустный. — Би дотронулась до тряпичной куклы, лежащей на лотке.

Стоящая за ним торговка, худощавая женщина со спутанными светлыми волосам, потянулась было, чтобы отбросить ее руку, и замерла, разглядывая перчатку, армированную металлом. Би не обратила на ее движение ни малейшего внимания.

— Мы еще вернемся, — сказала она женщине. — Ты же никуда не уйдешь?

— Да куда мне идти? — спросила та и часто заморгала голубыми, словно выгоревшими на солнце глазами.

Мириам был знаком этот взгляд беженца, оставшегося с кучей ненужных вещей посреди пустыни и не знающего, хватит ли ему воды на следующий день.

Би запахнула серый плащ, выданный ей Мириам, чтобы не привлекать лишнего внимания в толпе.

— Давай теперь я пойду вперед. — Она слегка подтолкнула Тони к Року. — А вы держитесь прямо за мной. Покажи еще раз, куда нам нужно.

— Вон там. — Мириам указала на верхушку металлического столба с красным флажком, слабо шевелящимся на ветру у самой стены. — Скупщик где-то под ним.

— Будьте рядом. — И Би двинулась через толпу.

— Держитесь, — сказала Мириам.

Больше ее не толкали. Би уверенно шла вперед, положив руку на рукоять игольника, висящего на бедре, и буквально раздвигала людей в стороны. В мешанине голосов стало еще больше ругани, на Би оглядывались, кричали что-то ей вслед. Несколько раз она отталкивала кого-то в сторону, но едва ли не все встречные фермеры и беженцы просто расступались,

давая ей дорогу.

Они прошли еще два ряда со старыми вещами, пересекли мясной, идущий прямо от стены до кольцевого канала, окружающего Хокс, и места вокруг стало ощутимо больше. Столб с флажком возвышался посреди маленькой площади, окруженной кольцом зевак, но давки, как на базаре, тут не было.

Возле столба дрались в пыли двое мужчин, босых и окровавленных, одетых в изорванные джинсы. К правой руке каждого крепился тонкий металлический трос, прицепленный к столбу. Зазывала на другой стороне площади призывал делать ставки на бойцов и самим принять участие в состязании.

— Идиоты! — сказала Би так громко и отчетливо, что ближайšie зевачи обернулись, и двинулась в обход площади.

Тенты, окружавшие ее, сильно отличались от тех, которые стояли на базаре. Большинство из них было полностью закрыто или же имело только по одному узкому входу. Маленькие деревянные таблички, укрепленные над ними, сообщали, что именно находится внутри. Би не задерживалась возле них, а Мириам приходилось слегка замедлять шаг, чтобы успеть прочитать.

Они прошли мимо «Скота Бьюелла», «Каров Эмси и Смита», «Деталей Харви» и еще пяти или шести надписей, которые девушка просто не разглядела, а потом Би наконец-то остановилась перед нужным входом.

«Кредиты» — табличка была короткой и лаконичной, но почти ничего не сообщала Мириам. Би, похоже, тоже оказалась в легком затруднении.

— Скорее всего, это здесь, — сказала она через пару секунд.

— Нам подождать? — спросила Мириам.

— Нет, зайдем вместе, мне будет спокойнее.

В длинный брезентовый коридор через отверстия в потолке пробивались узкие лучи солнца. Он заканчивался в широком и высоком шатре, где в полумраке было расставлено множество разных шкафов и сундуков, занимающих все пространство. В самом его центре через дыру в куполе опускался металлический опорный столб, возле которого находились стол и несколько стульев.

Люди, вставшие со своих мест при приближении Би, показались Мириам самыми обычными бандитами. Небритые, в тяжелых кожаных безрукавках, они были вооружены — один копьем, а другой старым игольником со следами починки. Несколько секунд мужчины молча рассматривали вошедших, потом в глубине шатра что-то звякнуло, и еще один человек вышел из-за шкафов.

— Добрый день, — сказал он.

У него был хриплый, но приятный голос, а на узком, чисто выбритом лице поблескивали очки.

— Я могу вам помочь?

— Видимо, да, — сказала Би.

— Хорошо, подходите сюда. — Человек жестом приказал охранникам разойтись по сторонам, что те и сделали, продолжая следить за Би. — Я Джеффри Квин, можно просто Джефф.

Би кивнула и села за стол. Джеффри отбросил со лба светлые волосы, подождал несколько секунд, но Би, похоже, не собиралась представляться. Мириам молча подошла и встала за ее спиной, Таня хотела было, по своему обыкновению, что-то спросить, и девушке

пришлось на нее шикнуть.

— Мы обмениваем кредиты, а также предоставляем под залог... — начал Джеффри, но

Би тут же его прервала:

— Какие кредиты?

— Э-э-э...

— Где произведены?

— В Атланте, разумеется.

— Можно взглянуть?

— На что?

— На кредит.

Джеффри часто заморгал, потом полез в карман своей тонкой полотняной куртки и извлек маленькую металлическую пластинку. Она была хорошо знакома Мириам, но Би взяла ее в руки и с интересом рассматривала.

— Их выпускают в Атланте?

— Да, это нержавеющей сталь, и печать на ней практически невозможно подделать.

— Интересно. И что можно за такую купить?

Один охранник рассмеялся, а Джеффри проговорил:

— Это монета в один кредит, есть еще в половину, в четверть и в одну десятую.

— Так что?

— За полкредита можно неплохо пообедать, если вам интересно, или купить десять литров воды. За кредит — приобрести одежду этим детям и даже вам.

— Понятно.

— Сейчас многие предпочитают покупать кредиты, и они понемногу дешевеют, но...

— Я понимаю. Их курс будет падать и дальше, но цена на самые дорогие и нужные для жизни вещи станет расти и расти, компенсируя это.

— В общем да. — Джеффри отодвинул стул и сел за стол напротив нее. — Вы что-то продаете?

— Да.

— Что?

— Топливные элементы. — Би положила на стол батарею. — Именно на них цена будет расти и дальше, не так ли?

Купец осмотрел индикаторы батареи, потом достал из ящика стола небольшое устройство и провел им по ее поверхности.

— Настоящая, — сказал он. — Половинный заряд.

— Сколько?

— Пятьдесят кредитов.

— На ней можно проехать две тысячи километров, — сказала Би. — Или приготовить триста обедов. Это не пятьдесят кредитов.

— Семьдесят.

— У вас в городе полтора десятка ветряных генераторов. Чтобы зарядить такую батарею, одному из них нужно работать сколько? Пять дней? Десять?

— Девяносто.

— Мне пришлось убить четверых, чтобы ее получить.

— Э-э-э?..

— Четырех рейдеров. Она из кара. Это наверняка должно влиять на цену.

— Я так не могу. — Джефффри снова отбросил волосы со лба. — Я не определяю цены, всего лишь представляю...

— Кого?

— Иосифа Картеля, главу купеческого совета.

— Интересно. И все места обмена кредитов принадлежат ему?

— Да, и я...

— Но ведь вам выгодно купить сразу много батарей? — неожиданно спросила Мириам. — Если мы согласимся продать их только вам и никому больше, вы же что-то с этого получите?

— Я... — Джефффри поднял на нее глаза. — Возможно. Но цена не должна быть слишком большой.

— Сто кредитов, — сказала Би. — И десять батарей.

— Десять?

— Да, заряженные наполовину и больше. Еще оружие и патроны к нему, много.

— Патроны? У вас это все с собой?

— Четыре батареи я могу отдать сейчас, а остальные — завтра.

— Четыреста кредитов — это очень большая сумма. — Джефффри снял очки и принялся их протирать. — Обычно мы не выдаем столько наличными.

Рок, внимательно слушавший все это, вздохнул и сел прямо на пол, у ног Тани.

— А как выдаете? — поинтересовалась Би.

— Я могу выписать кредитный лист, его примет любой купец здесь и даже в Атланте.

— Выдайте сто кредитов сразу, а остальное запишите на лист, — сказала Мириам. — И разбейте двадцать кредитов мелкими. Нам же нужно будет что-нибудь покупать!

Би кивнула и встала:

— Да, так и сделайте.

Джефффри тоже вскочил было, но сразу сел и достал из верхнего ящика стола тонкий металлический лист размером с ладонь.

— Я выпишу три сотни кредитов. — Следом за листом из ящика появились тонкое стальное стило и стеклянная баночка с прозрачной жидкостью. — Я... мы давно не выдавали такие большие суммы.

— Никто ничего не продает?

— Нет, скорее... Мы же не занимаемся мелкими сделками. Земля, иногда кары, оружие, дорогие предметы. Вы разве не знали?

— Я уже поняла.

Мириам шагнула в сторону и поймала Тони, который целеустремленно пошел куда-то в глубину шатра. Один из охранников снова хихикнул. Джефффри водил стилем по стальной пластине, и от нее поднимался дым — жидкость в склянке оказалась кислотой.

— Этот лист вообще самый большой за последнее время. Сделки заморожены, дела идут плохо. — Джефффри подул на получившуюся надпись и принялся за следующую строку. — Вы уверены в том, что вам безопасно носить ее с собой?

— Я разберусь, — сказала Би.

— Разберетесь?

Вместо ответа Би положила руку на металлический столб, опору шатра, возвышавшуюся прямо за спиной Джефффри. Раздался металлический скрип, а затем тихая ругань охранника — на столбе остались глубокие вмятины от ее пальцев.

Джеффри задумчиво посмотрел на эту отметину, потом на Би:

— Простите, я не сразу понял. Мы ожидали вас несколько раньше, и я никак не мог подумать, что вы придете сюда. Простите.

— Ожидали меня?

— Ну, кого-нибудь из вас.

Би присела рядом с ним, быстро и хищно, заставив дернуться обоих охранников.

— Думаешь, вас спасут? — спросила она тихо.

— Нет, не думаю, — так же тихо ответил Джеффри.

— Но ты ждал?

— Давайте я закончу ваш лист.

— Все настолько плохо?

Джеффри мотнул головой в сторону, и Би встала. Кислота едва слышно шипела, растекаясь по металлу, в солнечных лучах, падающих через отверстия в шатре, играли пылинки.

— Вы ждете помощи, — сказала Би. — Но ведь никто не придет, так? Атланта вас бросила, просто не все еще об этом знают?

— Я не могу говорить на такую тему.

— Да, не можешь. Твои хозяева держат это в секрете и ни на что уже не надеются. Но ты ждал. — Би обернулась и посмотрела на вход в шатер. — Да и те люди под стенами, они тоже все еще ждут, правда?

II

После полумрака купеческого шатра утреннее солнце, висящее над тентами, казалось невыносимо ярким. На площади, под столбом, дралась уже другая пара — тучный мужчина против высокого и худого. Они вяло обменивались ударами и пинками, толпа разочарованно свистела.

Мириам крепче сжала ладонь Тани и в который уже раз проверила, на месте ли тяжелый кожаный кошелек, один из двух, выданных им Джеффри. Второй висел на поясе у Би, рядом с игольником, и за него она не очень опасалась.

— Нужно будет купить поесть, — сказала Мириам, когда они протолкались через толпу на краю площади и вышли в относительно пустой ряд, заполненный лотками с инструментами и мелкими запчастями для каров. — А то с утра одни яблоки...

— Да, — задумчиво ответила Би. — Слушай, а это действительно так много денег?

— Да, очень. Я никогда столько не видела. Тысяча кредитов — это почти небольшая ферма, мой двор стоил меньше. А мы договорились продать батареи за...

— Я ни черта не понимаю в фермах.

— Как? Ты же так хорошо с ним говорила!

— Мне раньше приходилось много общаться с купцами. Я знаю, что такое кредит и сколько он может стоить, но никогда ничего за них не покупала.

— Я тоже, — не выдержала Таня. — Я их только иногда видела. А за них можно купить все, что тебе угодно, да? А почему ты сказала, что Атланта их бросила?

Би только вздохнула.

— Купить можно не все, — сказала Мириам. — А про Атланту не нужно спрашивать, ты же сама видела, этот человек не хотел о ней говорить.

— Но Би все равно спросила.

— Ей можно. — Мириам снова взяла ее за руку. — Рок, пошли, нам еще нужно вернуться и заплатить за стоянку.

— Еще немножко! — отозвался тот от прилавка с ножами.

— Пошли немедленно. Таня, бери Тони.

— Конечно. А что мы купим?

К стоянке они возвращались другим путем — не через центральные ряды базара, а в обход. За разрозненными прилавками, разбросанными все реже и реже и торгующими старыми, совершенно ненужными на вид вещами, начинались палатки беженцев, расставленные очень плотно и без малейшего порядка. Узкие проходы между ними путались и прерывались, из-под брезентовых и полотняных тентов поднимался дым, кое-где горели костры, у которых собирались обитатели палаток, чтобы приготовить свой нехитрый завтрак. Пахло человеческим потом и выгребной ямой. Би аккуратно обходила беженцев, сидящих прямо перед своими палатками, несколько раз отстраняла людей, идущих навстречу, и пропускала вперед Мириам с детьми, чтобы снова обогнать их через несколько шагов. Беженцы оглядывались ей вслед, некоторые вставали, провожая ее взглядами, но большинство предпочитало заниматься своими делами — есть, спать, разговаривать у костров или просто сидеть у своих палаток, глядя в пустоту.

Этот путь оказался длиннее, но легче. Никто не мешал идти, и когда впереди за палатками мелькнули знакомые очертания каров, Мириам вздохнула свободнее.

Они прошли мимо ряда бетонных блоков, огораживающих большую стоянку, миновали тяжелые грузовики, видимо принадлежащие городским купцам, и вышли к ряду трейлеров, в конце которого, на каре Би, сидел Кейн, по своему обыкновению положив винтовку на колени.

— Извини, что так долго, — сказала Мириам. — Но мы еще искали...

— Не страшно, — мягко сказал Кейн и спрыгнул с кара. — Я столько всего отсюда увидел.

— Что увидел? — спросила Мириам. — Опять облака?

— Нет. На этот раз людей.

— Людей?

— Ну да. Палаточный городок. Там все кипит, каждую секунду что-то происходит, меняется чья-то жизнь, что-то теряется или становится иным. Это красивее облаков.

— Красивее?

— Познавательно, — сказала Би и кивнула в сторону содержателя стоянки, спешащего к ним в сопровождении охранника. — Он не создавал проблем?

Содержатель подбежал к ним и замер, стараясь отдышаться. На его обширной лысине блестел пот, и Мириам отчаянно пыталась вспомнить, как его зовут. Он представился Смитом, но имени своего, кажется, так и не назвал.

— Вы принесли? — наконец выдохнул мужчина.

— Да, — сказала Би. — За пять дней вперед, две машины, двадцать кредитов.

— Двадцать? Да, но у нас есть еще наценка для тяжелых машин.

— А вы сделайте скидку за пять дней, — сказала Мириам. — Все равно дела идут плохо, ни у кого здесь нет таких денег. Все, кто мог, уже уехали.

Би открыла кошель и принялась отсчитывать кредиты. Смит сглотнул, глядя на ее руки.

— Хорошо, я сделаю скидку.

— И не трогайте кары. Не подходите к ним ближе чем на два метра. — Би подняла стопку монет, сжав их двумя пальцами. — Тот, кто это сделает, поджарится, а потом приду я и спрошу с вас. Это понятно?

— Понятно. — Смит принял из рук охранника широкий планшет в кожаной обложке и чернильную ручку с тонким блестящим пером. — Как вас записать?

— Кар Би, грузовик Мириам.

— Би? — Перо заметно дрожало. — А как это пишется?

— Уважаемый, давайте я, — сказал Кейн, мягко оттеснил охранника и взялся за планшет.

Смит помедлил, кивнул, монах забрал у него ручку и принялся выводить что-то на планшете.

— А где нам лучше остановиться в городе? — спросила Мириам. — Я помню, там раньше были хорошие гостиницы.

— В верхней части, — ответил Смит и вздохнул. — Может быть, там не все еще занято. Вас же не очень волнует цена, верно?

— Верно, — сказала Би. — Ну что, записал?

— Да. — Кейн передал Смиту перо. — А теперь выдайте нам бирки на кары, и мы вас покинем.

— Ты идешь с нами?

— Нет. — Кейн затянул пластиковый ремень на ложе винтовки и забросил ее за спину. — Мне еще нужно увидеть кое-кого. Но я найду вас позже.

— Как знаешь. — Би приняла из рук Смита металлические пластинки с номерами. — Возможно, мы задержимся на день или два.

— Кто знает? — Кейн снова повернулся к Смиту. — Уважаемый, вы не подскажете, где в этом городе самый большой бордель?

Мириам прыснула, Таня посмотрела на нее с недоумением и полюбопытствовала:

— А что такое бордель?

— Это такое место... — замялась Мириам.

— Куда нельзя монахам, — закончила за нее Би.

— Но...

— Но нашему Кейну, видимо, можно.

— Видимость, — тот улыбнулся в ответ, — это только маленькая частичка истины.

III

Они вышли к воротам, когда солнце уже почти добралось до зенита. На этот раз их маленькая процессия двигалась медленнее, но гораздо увереннее, обходя большие скопления людей и забытые рыночные ряды. Мириам несла на плече большую сумку, в которую упаковала все самое ценное и необходимое, что нашла в трейлере. Еще одна, поменьше, досталась Тане. Року поручили следить за Тони и не отпускать его ни на секунду. Мириам то и дело оглядывалась, чтобы проверить, не отстали ли они, не затерялись ли в толпе их маленькие фигурки в одинаковых полотняных куртках.

Би шла впереди, и на ее плече тоже висела сумка, вернее сказать, пластиковый рюкзак, черный, со множеством ремней и карманов. Би несла его так, будто он вообще ничего не весил, свернутый валиком плащ был прикручен к рюкзаку, и прохожие оглядывались на нее

теперь гораздо чаще. Мириам не знала, хорошо это или плохо. Практически все встречные смотрели на Би. Ей уступали дорогу, расходились, шептались за спиной. О чем, слышно не было, но Мириам с детьми больше хотя бы никто не толкал.

Перед тем как пойти к воротам, они сделали только один небольшой крюк. Би, видимо запомнившая дорогу с первого раза, свернула с полупустого ряда, по которому они двигались. Пройдя между карами, поставленными впритык, она еще раз изменила направление и обогнула ряд тентов. Их встретили знакомый шум и давка. Это был ряд ненужных вещей, по которому они уже проходили утром, Би шла по нему целеустремленно, разыскивая единственный нужный ей лоток среди множества других, заваленных хламом.

Светловолосая торговка подняла на нее измученные глаза.

— Хотела спросить. — Би протянула руку и снова дотронулась до одной из тряпичных кукол. — Откуда все эти вещи?

— Детские, ясное дело.

— Откуда?

— Коммуна у нас была, это к востоку от Далласа. Двадцать семей, детишек много. — Женщина бесцельно передвинула маленький деревянный кар на лотке.

— Была?..

— Да. Два кара осталось, столько же семей. До последнего ждали, думали, может, заступится кто, крепость вроде как рядом. Дождались... — последнее слово она произнесла совсем тихо. — Мы уехать решили, но, как дым увидели, вернулись. Вещи вот собрали, что не сгорело... а больше и спасать некого было.

— Некого?

— Да. Взрослых они сразу... а детишек и не осталось ни одного. Забрали их.

Мириам, стоящая за спиной у Би, сглотнула:

— Как забрали?

— А мне откуда знать? Не было их там. — Торговка вытерла слезы тыльной стороной ладони. — Ты купишь что или дальше пытаться меня будешь?

— Прости. — Би провела рукой по поясному карману и протянула женщине маленький столбик кредитов. — Бери так, нам тут ничего не нужно.

— Просто так?

— Бери. — Би вложила кредиты в узкую мокрую ладонь.

Протиснувшийся к лотку Рок дотронулся до стоящей там пирамиды из цветных кубиков и отдернул руку.

— Ну вы хоть что-то возьмите. — Торговка рассматривала монеты так, как будто никогда их раньше не видела. — Вот это.

— Не нужно.

— Подожди, — сказала Мириам, взяв Рока за плечо. — А это у вас краски?

Торговка взглянула и пояснила:

— Планшетка и мелки цветные.

— Цветные?

— Они, может, не все здесь. — Женщина протянула Мириам пластиковый планшет с торчащими из него листами бумаги и полупустым отделением для мелков. — Берите.

— Би?

— Бери. — Та поправила рюкзак на плече. — Думаешь, дети будут рисовать?

— Я... это не... — Мириам прижала планшет к груди. — Спасибо!

— За что? Пойдем, а то тут народу многовато. — Би кивнула торговке, двинулась через толпу, и Мириам ничего не оставалось, как поспешить следом.

Она догнала ее через несколько шагов и пошла рядом, все еще прижимая к себе планшет.

— Слушай, а зачем ты ее расспрашивала про игрушки?

— Не знаю, — ответила Би. — Что-то нашло.

— Нашло?

— Да. Это как... когда ты делаешь что-то еще до того, как успеваешь подумать. Не знаю почему, но это важно для меня. Эти игрушки...

— Игрушки?

— Нет, видимо, не сами игрушки. — Би посмотрела перед собой с таким выражением, что несколько мужчин, идущих навстречу, поспешно остановились и уступили ей дорогу. — То, что она сказала.

— Про коммуны?

— Я не знаю. Мне нужно подумать. — Би пошла еще быстрее.

Таня догнала ее с другой стороны. Мириам привычно оглянулась на Рока, ведущего за руку Тони и смеющегося чему-то во все горло.

Городские ворота они миновали без проблем. Как оказалось, вход в город был платным — по полкредита за человека. Гвардейцы у ворот оглядывали входящих, некоторых обыскивали, но к Би даже не подошли, только рассматривали ее во все глаза, пока Мириам выбирала полкредитки из своего кошелька с мелочью. На девушку они обратили куда меньше внимания, чем на въезде в долину. Наверное, потому, рассудила она, что теперь на ней были не шорты и коротенькая маечка, а рабочие джинсы и полотняная фермерская куртка.

Из сторожки, лепившейся к городской стене сразу за воротами, тоже вышли пятеро гвардейцев. Они ничего не делали, не говорили между собой, просто молча смотрели. Би прошла мимо, даже не повернув голову в их сторону.

Нижний город, знакомый Мириам, начинался прямо от стен. Металлические фермы, поддерживающие ближайšie дома, выступали прямо из них, уходя вверх и упираясь в землю между бетонными и кирпичными основаниями домов. От ферм отходили металлические каркасы и подвесные мостики, соединявшие верхние этажи и плоские крыши. На мостиках, как и на улицах, было полно людей. Мириам знала, что на плоских крышах многих домов располагаются магазины или харчевни.

Еще выше, над крышами, поднимались решетчатые башни с пушками и яркими красными вентиляторами ветряных генераторов. Вращались они лениво. С утра ветра почти не было, город пах раскаленной пылью и потом множества людей.

Би шла прямо по центру улицы, уверенно ступая по земляной мостовой, утрамбованной до плотности бетона. В этом районе нижнего города располагались недорогие магазины — по крайней мере, так помнила Мириам. Здесь жили не слишком состоятельные люди, в основном купцы и ремесленники, у которых недоставало средств на покупку дома ближе к макушкам холмов, в верхней части Хокса. Туда вели еще одни ворота, и проход через них сейчас наверняка стоил еще дороже.

Таня, идущая рядом с Би, без усталости вертела головой по сторонам. Ее интересовало все: разноцветные вывески над входами в лавки, люди, обедающие под навесами в узких как колодцы переулках, женщины в коротких ярких платьях и прозрачных шалях, стоящие на

металлических балконах высоко над мостовой, цветные плакаты в окнах, призывающие покупать фрукты, хлеб и мясо. В какой-то момент Би просто взяла ее за руку и дернула к себе, чтобы она не столкнулась с девушкой, идущей навстречу.

Та рассмеялась высоким визгливым смехом и поинтересовалась:

— Что, девчонки, в первый раз в городе? — Загорелое лицо украшали многочисленные кольца, вдетые в крылья носа, губы и уши, а красное платье горело на солнце. — Смотрите не потеряйтесь, а то съедят прямо с косточками.

— Подскажешь, где гостиница? — спросила Би, рассматривая ее с брезгливым любопытством.

Девушка окинула Би столь же откровенным изучающим взглядом:

— Тебе почище или повеселее?

— Почище.

— Да, сразу видно, веселиться ты не любишь. Выше по улице их аж две, но там все занято. Поближе к верхнему городу есть «Котелок», но в нем наемники поселились, девочкам там оставаться не стоит. В «Индюке» драки второй день, туда и вояки не суются. На том холме опять же парочка. Как там — не скажу, не знаю, но вы загляните или сразу идите в верхний, если сможете, конечно. — Она снова рассмеялась. — Сестрички при стволах, так, может, и при деньгах?

— А где лучше пообедать? — встряла Мириам.

Девушка подмигнула ей:

— Только с фермы, сестричка? Проводить вас, а то и правда потеряетесь?

— Просто покажи, куда идти. — Би протянула ей два пальца с зажатой между ними монетой, и девушка ухватила ее за руку быстрым вкрадчивым жестом.

— Ого. Кредитка. За столько я обычно другое показываю. — Кредит мгновенно исчез за широким цветным поясом. — Значит, если просто покушать хотите, то тут в двух кварталах есть «У Дика». Там вкусно и недорого, девчонки часто бывают. Только по переулкам выше не ходите — нехорошо там. И в «Змейку», что рядом, не суйтесь. Туда что-то тоже нехорошие ребята повадились.

— Спасибо. Пошли.

— Вы, если что, приходите, меня обычно в «Ястребе» найти можно. Захотите что-то узнать, время провести, или кредиты лишние есть. Меня Пионой зовут. Пионку спросите, ладно, сестрички?

— Спросим. Мириам?

— Да, пошли. — Мириам кивнула девушке, и та снова ей подмигнула.

Они шли дальше по улице. Пиона долго смотрела им вслед, а когда Мириам обернулась, еще и помахала рукой.

— Красивое у нее платье, правда? — сказала Таня.

— Нет, совсем глупое, — не согласилась Мириам.

Они легко нашли харчевню, о которой говорила Пиона. Яркая вывеска «У Дика» занимала изрядный кусок стены, выходящей на улицу, под ней исходил прохладой темный вход в подвал. Людей там действительно оказалось немного: серьезные мужчины, казавшиеся купцами, занятые своими разговорами, и несколько девиц в яркой одежде, похожих на Пиону. Прислуживал в харчевне сам хозяин. Этот крупный неразговорчивый мужчина быстро выяснил у Мириам, что они хотят съесть, и исчез на кухню.

Обед ей понравился. Куриный бульон был горячим и наваристым, жареная картошка с

омлетом приготовлены как дома, даже заправлены салом. Еду они запивали слабым пивом, слишком горьким для Мириам, не привыкшей к деликатесам подобного рода. Детям пить его она запретила, но они и без этого были увлечены обедом, как заявила Таня, самым вкусным в их жизни.

Би съела только бульон, почти сразу встала и вытащила монеты из кошелька — пора было идти. Мириам, чувствуя странную легкость в голове и тяжесть в животе, двинулась за ней с некоторым трудом.

Они вышли на жару, снова вдохнули запах пыли и раскаленной жести. Улицы Хокса, расходящиеся в стороны, внезапно показались Мириам очередным сном. Она двигалась как в тумане, ступая за Би, и думала, что вот-вот проснется — голая, в своей кровати с шершавой, мокрой от пота простыней и твердой пружинной сеткой. Встанет и пойдет к колодцу, чтобы облиться холодной водой.

Мириам представляла, как она подходит к трубе колодца и тянет за рукоять колонки. Звенит колокольчик, и вода скользит по ее лицу и телу... холодная-холодная.

Они ходили по городу долго. Солнце неторопливо двигалось в небе, по улицам медленно ползли прохожие. Би шла от гостиницы к гостинице, говорила с хозяевами и двигалась дальше.

Они прошли через весь нижний город, с одного холма на другой, по извилистым улочкам и мостикам, переброшенным с крыши на крышу, цепляющимся за стены. Дети с трудом плелись следом. Жара, тяжелая в машине, была просто невыносима в городе, между кирпичных стен и металлических столбов. Би, двигающаяся впереди, словно робот, лишенный слабостей, то и дело оглядывалась на Мириам и на детей. Те все чаще останавливались, чтобы передохнуть или сделать глоток теплой воды из фляги. Несколько раз улицы выводили их к воротам верхнего города, охраняемым изнывающими от жары стражниками, но Би избегала их и снова шла вниз, в глубину переулков.

Большинство постоянных дворов было занято, в некоторых оставались одно или два места, но этот вариант совсем не нравился Би. В основном постояльцами оказывались не беженцы, а мрачные неразговорчивые мужчины, наемники, как поняла Мириам, снимающие целые этажи. О том, чтобы оставаться с ними под одной крышей, не могло быть и речи.

Наконец Би остановилась для отдыха на маленькой площади, под навесом, скрывающим вход в магазин или мастерскую. На площадь выходили еще два переулка, на узких фасадах домов, окружающих ее, висели вывески: «Индюк» и «Жареный кабанчик».

Едва зайдя в тень, Рок уселся прямо на землю, и Таня, недолго думая, последовала его примеру. Мириам прижалась лбом к металлическому столбу в основании навеса, но тот оказался теплым, и облегчения это не принесло.

— «Индюк», — сказала Би. — Это ведь тоже гостиница? Что там эта девчонка про него говорила?

— Ничего не помню, — с трудом выговорила Мириам.

— Нужно попытаться. Иначе еще полдня придется блуждать по верхнему городу. — Би решительно направилась через площадь.

Мириам хотелось еще постоять, обнимая столб, но перспектива блуждания была страшной. Она заставила себя выпрямиться и сказала почти нормальным голосом:

— Пошли. Нас ждет холодная вода и душ!

В «Индюке» царил полумрак.

Мириам вслепую сделала несколько шагов и ухватилась за плечо Би, которая тоже

остановилась у входа. Гостиница встретила их прохладой, запахами мокрого дерева, яблочного сока и спирта. Первый этаж заведения представлял собой большой обеденный зал, практически неосвещенный, если не считать узких мигающих лучей солнца, пробивающихся через большой вентилятор в дальней стене.

Поначалу зал показался Мириам совершенно пустым, она сощурилась, пытаясь понять, где же могут быть хозяева. Слева от входа начиналась длинная стойка бара, за которой громоздились шкафы с бутылками и посудой. Справа, в зале, в видимом беспорядке стояли с десяток грубых деревянных столов и скамей. Часть из них выглядела как рухлядь, два стола с обломанными ножками были прислонены к стене. Рядом лежали стулья, вернее, то, что от них осталось, — набор деревяшек, годных теперь разве что на дрова.

— А где?.. — Вопрос застрял в горле Мириам.

В конце зала, в тени, лицом к входу сидел человек. В нем было нечто странное. Мириам не сразу поняла, что именно, поэтому сделала еще один шаг вперед, стараясь его рассмотреть.

Человек был очень большим. Казалось, стол, за которым он сидит, слишком мал ему. Его предплечья, покрытые шрамами, едва помещались на столешнице. Огромные кисти рук с поблескивающими металлом костяшками пальцев, обхватывали бутылку из белого стекла, выглядящую миниатюрной в этих клешнях.

Человек смотрел на них без всякого выражения, в тени вообще трудно было разглядеть его лицо. Мириам видела только бритую, покрытую шрамами макушку, находящуюся на уровне ее лица.

— Что вам? — спросил тихий голос от стойки, и девушка обернулась.

Там стояла немолодая тучная женщина с мягким лицом, полным усталости.

— У вас есть свободные места? — спросила Би.

— Есть, — так же устало сказала женщина. — Только на них всех тут один постоялец.

— То есть?

— Вам лучше другую гостиницу поискать. Тут что ни день, то драка.

— У вас проблемы?

— Да вы не подумайте, он за все платит. Но только вот вчера наемники хотели заселиться, двенадцать человек, так постоялец мой сказал, что они ему мешают. Всю мебель переломали.

— Двенадцать человек? — Би оглянулась в зал. — Но у вас же есть места?

— Да вы еще и с детишками. — Женщина ласково улыбнулась Року, который забрался на высокий стул рядом со стойкой и теперь раскачивался на нем. — Есть места, но с такими соседями!.. Мало ли...

— Мы с ним поговорим.

— Давай я, — сказала Мириам, бросившая украдкой взгляды на большого человека.

— Ты?

— Да. — Мириам забросила рюкзак на стойку и решительно пошла в глубину зала.

Вблизи гигант выглядел еще страшнее, чем издалека. Его лицо бугрилось шрамами, как и руки, на лбу выступала стальная заплата, металл поблескивал на шее и на ребрах, просвечивая через распахнутую безрукавку. Нос был сломан, тяжелая челюсть выдавалась вперед, а глаза утопали в глубоких впадинах.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В них было то, что Мириам заметила еще у стойки, в свете, упавшем на секунду из-под

лопасти вентилятора.

Да, грусть. А еще, судя по запаху яблочного спирта, гигант был пьян.

— Привет, — сказала она. — Меня зовут Мириам.

Огромный человек смотрел на нее все с тем же выражением и, похоже, не собирался отвечать.

— Это Би, с нами еще трое детей. Ты не против, если мы тут поживем?

Последовала долгая пауза, гигант опустил глаза, рассматривая свои руки.

— Живите. — У него оказался низкий, глубокий голос. — Только не шумите, хорошо?

— Конечно. Разве что дети, совсем немного.

— Дети ладно, это ничего. Я просто хочу тут отдохнуть.

Мириам кивнула, но гигант больше ничего не сказал, просто сидел, все так же глядя на свои руки. Подождав несколько секунд и поняв, что больше ничего от него не услышит, девушка пошла обратно к стойке.

— И что он? — спросила Би.

— Просто попросил нас не шуметь. Я думаю, мы можем тут остановиться.

— Попросил не шуметь?

— Сказал, что хочет отдохнуть.

— Мне он тоже это сказал в самом начале. — Хозяйка «Индюка» вздохнула. — Он целыми днями пьет, иногда приглашает непотребных девиц. Денег у него много, за все платит. Говорит, что ему нравится, как я готовлю.

— Интересно, — сказала Би.

— Что ж тут интересного? Сходите к «Барону», может, там еще места остались.

— Незачем. Мы останемся здесь.

— Вы... но...

— Все нормально, мы разберемся. Лучше такой сосед, чем банда наемников.

— Оно, конечно, так, но...

— Какие комнаты у вас свободны?

— Да все, можно сказать. Я вам могу на втором этаже дать, он на первом живет, тут, за залом сразу.

— А ванны у вас есть? — спросила Мириам.

— Да, есть, на втором этаже две, внизу одна. Если хотите, можете и воды нагреть, только дорого это.

— Неважно, — сказала Би. — Мы поселяемся все, на пару дней, сейчас нам нужна ванна, а немного позже — ужин.

— Вот и он так, — несколько озадаченно сказала хозяйка. — Как только поселился, сразу про ванну спросил.

Глава II

Интермедия II

Есть было больно. Сухой хлеб царапал горло, его твердые куски словно камни проваливались по пищеводу, оставляя хорошо ощутимый привкус крови во рту. Эта боль была знакома, обыкновенна так же, как восход солнца, к ней можно было привыкнуть и не обращать на нее внимания.

Хуже была боль, приходившая иногда ночью, перед сном. Тогда вместе с ней накатывала и тошнота с неправдоподобно алой рвотой. Она оставляла после себя слабость и нежелание жить.

Впрочем, терпеть придется недолго.

Он не тешил себя надеждами, не питал никаких иллюзий. Теперь ему оставалась только боль. Она руководила его днями и ночами, была генералом, путеводной звездой, показывала, сколько еще предстоит сделать и что можно успеть за это время.

По всему выходило, что совсем немного.

Электронный планшет, замотанный в тряпки и спрятанный на животе, слабо пискнул, напоминая о необходимости сделать очередную запись. Этот сигнал повторялся уже в третий раз. Полдень давно остался позади, нужно было раздобыть немного хлеба и поесть хотя бы один раз, иначе сил совсем не останется.

Он глубже забился в щель под стеной, в тень, стараясь вжаться в землю. Здесь было прохладно, и гвардейцы, без жалости выбрасывающие бездомных и оборванцев из верхнего города, уже который раз проходили мимо его убежища, ничего не замечая.

Он достал планшет, осторожно положил грязные пальцы на блестящий выступ сенсорного входа, и на маленьком экране засветилась последняя глава записей.

«По всей видимости, это уже третий вид рака. — Буквы падали одна за другой, соединялись в страшные слова, но это почему-то успокаивало, приносило определенность, пусть даже означавшую только агонию и смерть. — Цирроз печени, рак горла и кожи. Как жаль, что я не врач. Понимаю, что я — классический пример тяжелого радиоактивного поражения. Все симптомы и формы налицо. Я буду записывать до последнего момента, но даже не знаю точно, сколько времени у меня осталось. Внутреннее кровотечение — это наверняка очень плохо».

Он прервался, чтобы откусить от ломтя хлеба, плоского и серого, похожего на кусок шерстяного одеяла. Из-за еды ему пришлось подраться с двумя другими бездомными. Все это приключилось прямо за палатками хлебопеков, и к его синякам прибавилось еще несколько.

«Но вернемся к моим наблюдениям обычаев Хокса. Как я уже отмечал, ношение украшений является неотъемлемой частью культуры местных жителей. Каждое украшение обладает определенным символизмом и призвано демонстрировать статус своего владельца. Так, незамужние девушки обычно носят всего одну серьгу или кольцо в левом крыле носа. Выходя замуж, они получают право вставлять серьги в уши и, как правило, ограничиваются этим. Разведенные женщины и вдовы не носят подобных украшений вообще, это считается зазорным. Наконец, продажные женщины всех мастей, которых в Хоксе просто необычайное количество, носят по три или четыре украшения подобного типа, как бы показывая, что не принадлежат ни к каким приличным сословиям. У некоторых особей этой профессии количество различных колец и серег граничит с абсурдом. Они продевают их не только в нос

и уши, но и в губы, брови, соски и другие места, говорить о которых в приличном обществе не принято. При этом мужские украшения подобного типа крайне скупы. Они ограничиваются в основном кольцами, носимыми на пальцах, которые, как правило, обозначают очень богатых людей, не работающих руками».

Он закашлялся и сплюнул кровь. Небольшой отряд гвардейцев снова прошел мимо его убежища, но никто из них даже не посмотрел в сторону укрытия. До заката оставалось больше шести часов, и это оставляло надежду. Можно задержаться в стенах города на ночь, забраться в какой-нибудь теплый подвал или тайком пройти в зал одной из таверн.

Он проследил взглядом за гвардейцами и снова дотронулся до планшета. Нужно было записать еще очень много.

«Что же касается брачных обычаев местного населения, то они, несмотря на кажущуюся беспорядочность, подчинены относительно жестким правилам...»

I

Би пошла в ванну первой.

На этом настояла Мириам, обнаружившая, что ванн на самом деле две — по одной в каждом конце коридора. В общей сложности туда выходило с десяток дверей, крашенных в теплый зеленый цвет, и Би с Мириам досталась комната за одной из них, под номером пять. Детей решили поселить напротив, в номере шесть, подальше от лестницы и большого человека, снимающего жилье внизу.

Обе ванны, снабженные электрическими нагревателями, оказались металлическими, именно такими, как запомнила Мириам. Би отнеслась к этому факту очень спокойно и ушла мыться, захватив с собой твердое мыло, полотенце и игольник. Мириам оставалось только надеяться, что ванну она примет без своего костюма.

Девушка же решила сначала помыть детей. Двоих, поскольку, по ее мнению, Таня вполне могла справиться с этим сама.

Рок попытался было протестовать, но Мириам быстро объяснила ему, что те, кто не вымоется, останутся без ужина, быстро раздела его и Тони и загнала их в ванну. Нагреватель включился не сразу, и вода, полившаяся из шланга, была лишь слегка теплой. Велев Року не визжать, как девчонка, Мириам вывернула регулятор температуры на середину и выдала детям кусок мыла. Дальнейшее напомнило ей сцену купания лошадей на водной вышке, виденную как-то давным-давно в Олайхеме, — брызги, крики и очень много веселья.

Выключив наконец воду и приказав Року растереться полотняным полотенцем и сделать то же самое с Тони, Мириам обнаружила, что сама промокла до нитки. Сухой осталась лишь куртка, которую она предусмотрительно сняла. Шлепая мокрыми ногами по полу, все трое вернулись в комнату, где ждала Таня с полотенцем и сменной одеждой. Мириам отдала ей гребешок, остаток мыла, проводила в ванну и показала, как включить обогреватель. Она не помнила точно, сколько должна стоять горячая вода, но предположила, что Би это не очень взволнует.

Снова оказавшись в коридоре в мокрых джинсах и майке, девушка некоторое время прислушивалась к тому, что происходило в гостинице. Было совсем тихо, только где-то далеко на улице раздавались голоса и играла музыка. Переодеваться, чтобы потом сразу же пойти купаться, показалось ей лишним всякого смысла, поэтому, сходя в свою комнату за полотенцем и гребешком, она направилась ко второй ванной, которую заняла Би.

Уже приблизившись к двери и положив руку на ручку, девушка вспомнила про игольник, постучала и сказала:

— Это я, Мириам.

— Входи, — послышалось после долгой паузы.

Би лежала в блестящей стальной ванной, от которой поднимался пар, ее рука, очень белая на фоне металла, касалась досок пола и игольника, лежащего там. Костюм, раскрытый и вывернутый, как раковина, каким-то совершенно непонятным образом сам сидел на скамье у входа, изображая пародию на человека.

— Что-то случилось? — спросила Би.

— Нет, просто я промокла, а ванны заняты. Можно я сразу за тобой помоюсь?

— Да, конечно, — с некоторым удивлением ответила Би.

Мириам повесила полотенце на крючок, с удовольствием стянула мокрую майку и принялась расстегивать джинсы.

— Что ты делаешь? — с еще большим удивлением спросила Би.

— У меня все мокрое, а тут тепло. — Мириам выжала джинсы прямо на пол и повесила их рядом с полотенцем.

Воздух был полон пара, свет, пробивающийся сквозь маленькое мутное окошко у самого потолка, резал его клубы на части.

Мириам подняла гребешок с пола и подошла к ванной. Би лежала в воде, погрузившись по самый подбородок, ее белая кожа просвечивала сквозь зеленоватую воду.

Мириам присела рядом с ванной и принялась расчесывать волосы. Пар оседал на кожу мелкими каплями, Би лежала неподвижно, закрыв глаза и не двигаясь.

— Хорошо, правда? — не выдержала наконец Мириам.

— Да, — ответила Би, не открывая глаз. — Даже не верится.

— Я очень люблю горячую воду. Ты же раньше часто принимала такие ванны?

— Да.

— Родители тоже их любили, но на нагрев воды уходило столько!.. Обычно ее просто наливали в бак, установленный на крыше, и она становилась теплой от солнца. Это тоже очень приятно, когда ты ночью возвращаешься домой, а вода еще теплая.

— Да.

— У тебя такая светлая кожа. Смотри, — Мириам подвинулась ближе и протянула руку рядом с плечом Би, — насколько у меня темнее.

— Я мало бывала на солнце. Светлая кожа... когда-то считалось, что это красиво.

— Это действительно красиво, только тебе нужно загорать осторожнее, у тебя совсем покраснела шея.

— Дело не просто в красоте. В крепостях это считается признаком высокого положения. — Би подняла руку, долго рассматривала ее в луче света, потом положила подбородок на локоть и повернулась к Мириам. — Только какое это теперь имеет значение? Сейчас я хотела бы быть такой же загорелой, как ты.

— Зачем?

— Это не похоже на меня.

— Не похоже?

— Неважно. — Би повернулась и села в ванной так резко, что вода плеснула через край. — Приму душ и хватит, я достаточно расслабилась.

— Не нужно, я совсем не хотела тебе мешать.

— Ты не помешала, я же не могу лежать тут вечно. Включи обогреватель, пожалуйста.

Мириам положила гребешок рядом с игольником и поднялась. Шланг, отходящий от обогревателя в этой ванной, был снабжен разбрызгивателем на конце, прямо как самый настоящий душ, о котором Мириам как-то читала в книжке. Она щелкнула переключателем, поставила его на середину мощности, сняла петлю шланга с разбрызгивателя и вернулась к ванной.

Би как-то неловко отвернулась к стене и встала. Без комбинезона она казалась еще более стройной, но совсем не такой худой, как Мириам. Под блестящей белой кожей резко выделялись мышцы. Мириам протянула ей душ, и Би взяла его, прикрыв второй рукой маленькую грудь.

— Ты меня стесняешься? — спросила Мириам, отойдя к обогревателю и включая воду. — Если бы сказала сразу... Давай я выйду.

— Не нужно, — сказала Би и подняла душ над головой. — Я просто отвыкла.

Она повернулась. Только сейчас Мириам заметила следы костюма. Узкие красные полоски вроде тех, оставленных трубками, ярко выделялись на белой коже. Они пересекали мускулистые бедра, скользили по плечам, выступали на рельефных мышцах живота как рисунок, что-то вроде боевой раскраски, отличающей воина. Вода, струившаяся по телу женщины, делала их еще более заметными.

— Что-то не так? — спросила Би, заметив ее взгляд.

— Ты вся полосатая.

Би посмотрела вниз:

— А, это нормально. Они пройдут через пару часов, если не надевать костюм.

— А ты не будешь этого делать?

— Надену, но немного позже. Не стоит выходить без него на улицу — тут опасно.

— Наверное. Извини, я просто тоже не привыкла, что меня стесняются. Обычно так бывает при мужчинах.

— Это не то.

— Нет, я поняла. Помнишь, как гвардеец на том посту пошутил насчет тебя и меня? Чтс ты и я...

— Помню.

— Так ведь это же неправда. Нам же обоим нравятся мужчины, да? — Мириам присела возле ванной.

Би, моющая голову, фыркнула что-то неразборчивое, и девушка сочла это за утвердительный ответ.

— Значит, и стесняться не нужно... наверное. Я при тебе, например, совсем не смущаюсь. Ой, твоя татуировка!.. Бабочка, только ты не говорила, что она цветная. Я таких вообще не видела, крылья синие, а усики красные. Еще ты сказала, что картинка на бедре, а она у тебя на...

Би обернулась и взглянула вниз, на Мириам:

— А что я, по-твоему, должна была тебе сказать?

II

Они спускались в зал по лестнице с деревянными перилами, и Мириам чувствовала себя совершенно другим человеком. После горячей ванны кожа казалась тонкой, непривычно

гладкой, будто отполированной, и чувствительной настолько, что прикосновение одежды царапало ее, как терка. Она выжала волосы, но скручивать их в хвост не стала. Они, все еще влажные, скользили по ее плечам и норовили упасть на лоб.

До этого девушка никогда не видела Би в обычной одежде. Джинсы Мириам оказались для нее слишком коротки. Поэтому она надела полотняные штаны, оказавшиеся среди вещей ее младшей подруги, и майку, короткую, с узкими шлейками, открывающую плечи, на которых розовели следы от костюма. Картину дополняли черные волосы, достающие до лопаток. Очень густые, влажные, они колыхались в такт шагам и блестели под солнечными лучами, падающими сквозь отверстие с вентилятором, сделанное в дальней стене.

К их приходу в зале включился свет, и девушка, видимо из числа прислуги, накрывала на столы. Большой человек уже ел. Перед ним стояло несколько тарелок, и ложка в его огромной руке казалась не крупнее зубочистки.

Дети, спустившиеся под предводительством Тани чуть раньше, сидели за столом, расположенным неподалеку от входа, и, видимо, молились. Их руки были одинаково соединены перед грудью, а губы шевелились.

Би прошла вперед, к стойке. Мириам глядела на ее блестящие волосы, уверенные движения и думала: а на кого, собственно, похожа эта женщина в такой одежде? Кроме куртки и брюк, все в ней было странным. Слишком светлая кожа, глаза необычной формы, чересчур уж прямая спина, а руки маленькие и изнеженные, несмотря на твердые мышцы, играющие под кожей. Она никогда не сошла бы за фермершу, жену купца или за любую другую женщину, которую можно было встретить в пустыне. Би слишком сильно выделялась внешне, и Мириам до сих пор было страшно себе представить, насколько же она может отличаться внутренне от нее, Тани и прочих людей, которых знала девушка. Какого рода мысли могли ее мучить? Отчего она страдала и чем можно было ей помочь, если бы она согласилась принять эту поддержку?

— За три дня, — сказала Би, отсчитывая кредиты. — Потом скажете, сколько за ванну и еду.

— Заплатите так, как удобнее будет, — сказала хозяйка, которую, как уже знала Мириам, звали Мартой. — Главное, чтобы вам у меня понравилось, а по деньгам сойдемся.

— Наверняка. В последнее время у вас мало посетителей?

— Мало — не то слово. Один.

— А работники?

— Двое у меня, еще охранник был, но ушел недавно.

— Почему?

— Да не понравился чем-то постояльцу, тот его и напугал.

— Хороший охранник.

— Да я не сильно переживаю, тут место хорошее, застава гвардии рядом, патрули ходят. Не страшно. Да и про посетителя моего все слышали, никто уже и не суется.

Мириам обернулась на гиганта, который наверняка слышал их разговор, но и ухом не вел, продолжал есть размеренно и совершенно невозмутимо.

— Мы выйдем в город чуть позже, а детей оставим тут. Присмотрите?

— Конечно, отчего нет? Девочка, как я погляжу, умненькая, набожная такая.

— Это да.

— А что на ужин? — спросила Мириам.

— Каша гречневая, бобы, котлеты, могу яичницу зажарить и стейк, если хотите.

— Хочу. Это же все очень вкусно, правда?

— Правда, недовольных не видела.

— Тогда мы будем стейк и яичницу. Би, ты тоже?

— Да. Нам лучше есть, пока можно. Кто знает, что будет завтра!

— Это вы правильно говорите, — сказала Марта. — Да и стряпня у меня такая, что пожалеете, если не попробуете.

III

В этот раз Би снова надела плащ поверх костюма. Мириам было страшно даже представить себе, каково ходить во всем этом в такую жару, но, видимо, костюм действительно позволял не обращать на нее внимания.

Таню оставили за старшую, велел при малейших признаках опасности подниматься на второй этаж и закрываться в комнате. Впрочем, Марта уверила, что в этом необходимости не будет.

Когда они уходили, большой человек уже закончил ужин, и перед ним опять стояла бутылка с яблочным виски. По словам Марты, иногда он выпивал до двух таких за день, а потом еще и уходил куда-то ночью. Би, услышав об этом, только покачала головой. К их новому соседу она относилась на удивление спокойно, видимо, не считала его опасным, и Мириам склонялась к тому, чтобы доверять ей в этом.

Она все чаще ловила себя на том, что прислушивалась к любым звукам так, словно все еще была в пустыне. Город звучал совершенно иначе, даже за стенами гостиницы чувствовалось постоянное движение. Далекие крики, разговоры, звучащие между металлическими листами, стук капель в стоках, музыка, играющая вообще неизвестно где, высоко, над самой крышей, — каждый незнакомый звук заставлял ее вздрагивать и часто оглядываться. Так песчаная мышь высовывается из своей норки у дороги.

Они вышли из приветливой тени «Индюка», и Мириам поняла, что за время их отдыха город изменился. На смену недавней тишине пришло движение. Жара спала, и на улицах снова появились жители, беженцы, торговцы — все те, кого дневной зной загнал было в свои убежища. Даже на маленькой площади перед «Индюком» развернулась пара лотков, владельцы которых предлагали прохожим сладости и острые наперченные колбаски. Соседние кварталы из пустынных стали неожиданно оживленными.

Большинство прохожих были беженцами. Так, во всяком случае, казалось Мириам, успевшей перевидать их во множестве. Их отличали загорелые лица, грубые руки и одежда, а также нечто общее во взгляде — неуверенность, каким-то образом уживающаяся с агрессивностью и готовностью бороться дальше, до конца. Встречаясь с ними глазами, Мириам не знала, что делать — улыбаться или держаться за кошелек, чтобы его не сорвали с пояса. В нем лежало совсем немного денег, большую их часть Мириам оставила в отеле, в узле под кроватью, но и то, что там имелось, было бы крайне неприятно потерять. Кредитный лист Би взяла с собой, и Мириам соглашалась с ней в том, что карман на поясе экзоскелета — это, вероятнее всего, самое надежное место в городе.

Солнце зашло за крыши, и теперь площадь пересекали глубокие тени от мостиков между домами и вышек. Одна из узеньких улочек, поднимающихся к вершине холма, вывела их к площади побольше, в центре которой на круглом кирпичном возвышении стоял и что-то говорил священник, худой, совсем молодой, в пыльной черной одежде и с большим

металлическим крестом, свисающим с шеи. Вокруг него собралось десятка два горожан. Мириам тоже прислушалась, но речь проповедника показалась ей несвязной. Он кричал о каком-то суде, о мерзости, бродящей между людьми, о том, что нужно очиститься. Би, остановившаяся было, огляделась по сторонам и начала проталкиваться через толпу. Вблизи голос проповедника звучал еще громче, как-то визгливо. Почти против воли Мириам вспомнила спокойную улыбку Кейна и его тихий голос. Эти два человека явно были совершенно разными, хотя, по идее, преследовали одинаковые цели. Из задумчивости ее вывело прикосновение Би. Воительница кивнула в сторону улочки, уводящей с площади, и Мириам пошла следом за ней.

Они протолкались через толпу вокруг лотков, разбросанных по краю площади и торгующих в основном сладостями и украшениями, миновали пеструю стайку девиц в ярких платьях, окружающих угловой вход в заведение с игривой цветной вывеской «Горькая ягодка», и пошли по переулку. Он начинался под решетчатой башней, поднимавшейся на такую высоту, что Мириам пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть красную черточку флага на ее вершине.

Верхний город, куда они собирались пойти, оставался чуть в стороне. Мириам хотела было спросить, куда они направляются, но Би неожиданно ускорила шаг. Улица в этом месте сужалась так, что и кар не прошел бы, по сторонам, в стенах из красного кирпича, поднимались узкие окна. Мириам перешла было на бег, чтобы все-таки догнать Би, и только тогда заметила впереди, в просвете, людей, медленно идущих навстречу им.

Би остановилась и наклонила голову к Мириам:

— Когда я скажу — падай.

Мириам кивнула, все еще не совсем понимая ситуацию, затем оглянулась и убедилась в том, что и сзади, со стороны площади, к ним не спеша приближаются трое мужчин. Слегка похожие друг на друга, в одинаковых кожаных безрукавках, они были вооружены. Как минимум у двоих, подходящих спереди, девушка заметила игольники.

Би положила руку на кобуру, и высокий мужчина, остановившийся перед ней, ухмыльнулся:

— Не торопись. У нас три ствола, у тебя один, подумай.

— О чем?

— Ты денег себе заработала, а не поделилась. Нехорошо это.

Би мягко шагнула ему навстречу:

— Я вас не знаю, зачем мне делиться?

— Ты лист отдай по-доброму, тогда и познакомимся. — Второй мужчина поднял небольшой блестящий игольник и прицелился ей в живот.

— А своих в этой кишке не подстрелишь? — спросила Би, и мужчины переглянулись.

Би отбросила полу плаща и пнула в пах того, кто заговорил первым, с такой силой, что его ноги оторвались от земли. Не дожидаясь команды, Мириам кинулась в сторону и вниз, на землю. От противоположной стены донесся глухой удар, когда Би швырнула на нее второго наемника. Хлопнул чужой игольник, но Би уже прыгнула в сторону и вверх, сначала на кирпичную кладку, брызнувшую осколками. Потом она оттолкнулась от нее, налетела на оставшихся наемников и сбила с ног сразу двоих. Третий повел игольником следом за ней, но Би снова подпрыгнула, развернулась в воздухе, как волчок, и ударила его коленом в голову.

Наемник завалился вперед, словно ему подрубили ноги, а Би приземлилась на

ближайшего его товарища, пытающегося подняться, и вбила мужчину в землю. Последний наемник, быстро вскочивший после падения и все еще опирающийся на руку, замер напротив нее, не решаясь двинуться, и Би тут же хлестнула его по лицу коротким, малозаметным движением, которое Мириам уже видела во время драки с Кейном. Несмотря на кажущуюся легкость, удар швырнул его на мостовую. Би оглянулась, оценивая ситуацию, и присела с ним рядом.

Поняв, что основная опасность миновала, Мириам встала, отряхнула джинсы и подошла к ним. В наступившей тишине были слышны только всхлипывания первого наемника, которого ударила Би, и далекие крики священника на площади.

— Кто рассказал про лист? — спросила Би у наемника, снова пытающегося подняться.

Вопрос почему-то вызвал у него улыбку, обнажившую редкие зубы.

— Так весь город знает. — Он попытался отодвинуться, но Би наступила ему на руку.

— От кого знает?

— Известно от кого. Люди везде стоят, на все смотрят.

— От охраны? — Би качнулась вперед, вдавливая его руку в сухую пыль.

— Да, от охраны!

— Так передай, что в следующий раз жалеть никого не стану. Перестреляю и все. Ясно?

Наемник тупо уставился на нее, видимо лихорадочно пытаясь придумать хоть какой-нибудь ответ, так что Мириам даже стало его жалко. Би качнула головой, выпрямилась и так ударила его ногой в живот, что тот согнулся пополам.

— Вы главного своего в больницу доставьте побыстрее, — сказала она. — А то ведь и умереть может.

Наемник пробулькал в ответ нечто нечленораздельное, Би пожала плечами и отвернулась.

— Пошли.

Они двинулись по улице обратно к площади, и Мириам несколько удивило то обстоятельство, что Би не стала собирать игольники. На площадь они не выходили, у вышки свернули в еще один узкий переулок, ведущий к вершине холма, и там Би замедлила шаг.

— Что с тобой? — спросила Мириам, заметив, что та прижимает руку к животу.

— Стейк, — ответила Би. — Он явно был лишним.

— Тебе все еще нельзя есть?

— Можно, но мне не стоило так прыгать после ужина. — Би прислонилась к стене и несколько раз глубоко вздохнула — Ничего, это сейчас пройдет.

— А эти наемники, они следили за нами?

— Да, от самой гостиницы. Я заметила одного, который шел за нами, у площади он встретил остальных.

— Но мы пошли в переулок.

— Я боялась, что они попытаются напасть прямо на площади и мне придется стрелять в толпе.

— Но ты не стреляла.

— Нет. Эти наемники — те же фермеры, только с оружием. Рейдеры и то дерутся лучше.

— Но их много в городе.

— Я знаю. Где твой игольник?

— Оставила под кроватью.

— Больше так не делай. Всегда бери его с собой.

— Я думала, здесь не так, как в пустыне.

— Нет. Тут гораздо опаснее. — Би оттолкнулась от стены и выпрямилась. — Пойдем посмотрим на верхний город, а то уже скоро начнет темнеть.

В эти ворота их тоже пропустили без проблем. Вход стоил целых два кредита, и, судя по отсутствию толпы в воротах, не многие желали платить столько за привилегию прогуляться по улицам верхнего Хокса. Они, кстати, на первый взгляд не слишком отличались от улиц нижнего города. Разве что камней под ногами попадалось поменьше и кирпич, из которого были сложены дома, казался светлее.

Однако чем выше они поднимались, тем четче становились различия. Черты верхнего города проступали неторопливо, словно плиты хайвея, появляющиеся из-под песка под осенним ветром. Дома становились выше, все чаще в их окнах блестели самые настоящие стекла. Двери были уже не деревянными, а обшитыми металлом. Над улицами больше не нависали мостики и галереи, плоские крыши сменились покатыми, покрытыми стальными пластинами или красной глиняной черепицей. Вывески на стенах сплошь и рядом светились даже днем, приглашая в чистые заведения, прячущиеся под легкими навесами, увитыми виноградными лозами.

Да и люди здесь навстречу попадались совсем другие, в основном горожане, которых Мириам безошибочно отличала по какой-то особой мягкости во взгляде, жителям пустыни совсем не свойственной, и еще по десяткам мелких деталей: сережкам в ушах женщин, чистым волосам и аккуратным прическам, кольцам на руках мужчин, отсутствию оружия, выставяемого напоказ.

Смотрели они все как-то иначе — без страха, скорее с любопытством, даже на Би. Мириам заметила, что им вслед оглядываются и мужчины и женщины.

Недолго пропетляв по улицам и металлическим мостикам, они поднялись на одну из башен верхнего города, возвышавшуюся над треугольной площадью, посередине которой стоял красно-белый шатер, похожий на гигантский зонтик, раскинувший по сторонам десяток тонких металлических опор. С площадки открывался великолепный вид на другой холм Хокса, еще один город, ползущий вверх по склонам, оцетинившийся башенками и острыми углами металлических крыш.

— Смотри, церковь, — сказала Би, и Мириам подумала было, что она говорит про шатер, но там не было ничего похожего на храм, только столики, стулья и круглая стойка бара в центре, окруженная людьми.

Потом девушка проследила за взглядом Би.

Церковь возвышалась на холме напротив. Острый металлический конус с кирпичным основанием, увенчанный крестом, походил скорее на механизм, чем на здание. Мириам никогда раньше не видела подобных церквей и не помнила ее по своему прошлому посещению Хокса.

— Нужно будет зайти туда, — сказала Би. — Спросить про миссию.

— Какую?

— Таня сказала, что их миссия ехала сюда.

— Разве? А ты хочешь оставить их там?

Би оглянулась на Мириам:

— Это их дом, разве нет?

— Наверное.

— Думаешь, нам стоит и дальше таскать их с собой?

— Мне кажется, что рядом с тобой им безопаснее.

— Спокойнее, чем в миссии?

— Да, ты же сама видела, что с ней стало.

— Ладно. Мы спросим и тогда посмотрим, что делать дальше. Хорошо?

— Ладно, а что дальше?

Би все так же смотрела на церковь, но Мириам показалось, что она озадачена.

— Я не знаю, стоит ли мне уезжать отсюда.

— На юг?

— Нам... мне нужно подумать и поговорить с бароном.

— С Ястребом?

— Да. Хочу задать ему пару вопросов, которые не дают мне покоя.

— Каких?

— Например, о том, как он рассчитывает защитить всех этих людей.

Би кивнула на шатер, люди под которым явно не думали об опасности, приближающейся к городу. Несколько мужчин, видимо уже слегка навеселе, пели какую-то песню под музыку, раздающуюся где-то за стойкой бара, остальные просто сидели у столиков. Четверо или пятеро молодых людей в дальнем конце шатра даже танцевали какой-то несложный танец, встав в круг.

— Горожане не боятся, — сказала Би, словно прочитав мысли Мириам. — Я видела, как сюда бегут тысячи людей, смотрела в лицо врага. Атланта закрыла свои ворота, но эти обыватели ни о чем не подозревают. Они верят в своего барона, и мне интересно, действительно ли он этого достоин.

— А если он и в самом деле такой?

— Тогда я помогу ему.

IV

Сумерки спустились на город незаметно. Жаркое солнце только что просвечивало между домами, отражалось в окнах, вдруг его сменили фонари, светящиеся желтым и белым, и вывески на стенах заиграли всеми цветами радуги.

Возможно, Мириам просто не заметила, как быстро летит время. С утра произошло столько всего, что наступление вечера стало для нее очередной неожиданностью, превращением города в нечто новое и незнакомое.

Навстречу сумеркам открывались окна, роняя на улицу полосы электрического света, зажигались таблички у входов в магазины, цепочки огней отмечали арки над улицами и башни, поднимающиеся над городом. Даже ветряные генераторы мерцали редкими огоньками, сливающимися от движения в тонкие разноцветные полосы, танцующие по кругу высоко в воздухе.

Чем ближе к вершине вели их улицы Хокса, тем знакомее казались они Мириам. Прошлогодня ярмарка несколько раз занесла ее сюда, но так и не позволила взглянуть на город как следует. В памяти девушки осталась только танцующая и веселящаяся толпа, но не дома, окружающие ее. Когда самая широкая улица наконец-то вывела их на площадь с круглой сценой посередине, Мириам не смогла удержаться от радостного возгласа. Это место трудно было не узнать. Совсем недавно Мириам смотрела сюда через прицел

винтовки Кейна, недоумеая, чем же занимаются все эти люди. Теперь они с Би шли по этой самой белой мостовой, утрамбованной до каменной твердости, среди других горожан.

Мириам обернулась, читая вывески на зданиях, выходящих на площадь. В городе это уже входило у нее в привычку. Большинство названий, как обычно, показались ей глупыми и бессмысленными. Кроме уже виденной раньше «Сладкой белки» на площади располагались «Белая кошка», «Кудесница», «Танцующая ящерица» и «Гелиотроп». Это непонятное название девушка прочитала два раза подряд и едва удержалась от того, чтобы не спросить Би о его значении.

Би тоже осматривалась вокруг с явным любопытством, совсем не смущаясь ответных взглядов прохожих. Только сейчас Мириам заметила, что большинство людей на площади одето очень чисто и аккуратно, словно на праздник. Белые платья девушек, казалось, светились сами по себе, как и их многочисленные сережки, ожерелья и браслеты. Мужчины в основном носили черные брюки, светлые рубашки с блестящими пуговицами и пояса для оружия с металлическими пряжками. На верандах перед несколькими заведениями она заметила яркие пятна. Это были девицы в разноцветных платьях, напоминавшие ту особу, что утром показала им дорогу. Почти против воли Мириам опустила взгляд на свои пыльные джинсы и короткую белую майку под распахнутой серой курткой.

— Хочешь мороженого? — неожиданно спросила Би.

Мириам удивленно на нее посмотрела. Прайм не улыбалась, но казалось, что все окружающее ее забавляет.

— Мороженого? — переспросила Мириам. — Это такое сладкое, да?

— Ты никогда его не пробовала?

— Нет, я только слышала. Оно, наверное, очень дорогое?

— Давай узнаем. — Би двинулась по площади уверенной походкой, хорошо знакомой Мириам по их утренним блужданиям и очень странно выглядящей на площади, среди мирно гуляющих пар.

Девушка заметила нескольких гвардейцев, наблюдающих за ними издалека. Возможно, их было больше, но ей пришлось ускорить шаг, догоняя Би, и она потеряла служителей закона из виду.

— А куда мы идем?

— В «Гелиотроп». Это должен быть именно ресторан.

— А почему именно туда?

— Потому что все остальное — бордели.

Би почти взбежала по невысокой лесенке, ведущей на веранду перед «Гелиотропом». Мириам, идущей за ней, показалось, что та нарочно остановилась там, у входа, на несколько секунд, давая всем посетителям ресторана себя рассмотреть. Ее пыльный плащ и черная броня выглядели в этом месте еще более чужеродно, чем одежда Мириам, но это, похоже, забавляло воительницу. Оглядев веранду, она без тени сомнения направилась к столику, пустующему в дальнем углу и освещенному лишь небольшой желтой лампой, свисающей со стены. Несколько пар, танцующих под тихую музыку в самом центре веранды, поспешно расступились. Мириам, идущая следом за Би, почувствовала укол зависти, рассматривая золотые браслеты, тонкие серьги и красиво уложенные волосы женщин. В ответных взглядах она прочла только недоумение, смешанное с плохо скрываемым презрением, и это заставило ее еще больше ускорить шаг.

Би выдвинула стул, стоящий у стены, и сбросила плащ. Мириам последовала ее примеру, стянув куртку и положив ее на свободный стул.

— Мне пойти что-нибудь заказать?

— Нет. — Би немного отодвинула стол в сторону и уселась так, чтобы видеть весь зал. — К нам подойдут.

— Правда? — Мириам села, чувствуя косые взгляды посетителей на своих обнаженных плечах и шее.

— Правда. Подождем.

Ждать пришлось недолго. Мириам, рассматривающая заведение, едва успела пересчитать цветные фонарики, висящие на обшитых деревом стенах веранды, — их оказалось двенадцать, и раскраска ни разу не повторялась, — как к их столику почти подбежал немолодой уже мужчина с серебристой сединой на висках, одетый, как и большинство присутствующих, в черное и белое. В руках у него была тоненькая черная дощечка со следами записей.

— Простите, — сказал он быстро, глядя куда-то в стену между Би и Мириам. — Но этот столик...

— Вы не официант, — прервала его Би.

— Собственно, я не...

— Мы хотели мороженое и кофе.

— Но я... этот столик...

— Мы его займем. А какое мороженое у вас есть?

— Но вы...

— Мы сами решим вопрос насчет столика. Мириам, ты будешь кофе?

— Я не знаю.

— Тогда два кофе, двойной и с молоком. Так что насчет мороженого?

— Есть ванильное, виноградное, клубничное и с яблоком. — Человек с дощечкой, видимо, смирился с упрямством Би. — К нему хороши джемы...

— Не нужно. Для начала клубничное и ванильное.

Человек черкнул несколько строчек на своей дощечке и отошел.

— А что такое «клубничное»? — спросила Мириам.

— Ты попробуешь. Это такая ягода, она, кажется, не растет нигде, кроме как в крепостях.

— Правда? Но оно, наверное, ужасно дорогое. И кофе... Я только слышала об этом. Мы иногда пили чай, по праздникам, а кофе... про него мне рассказывала мама, и все. Я даже не знаю, что с ним делать.

— Пить. — Би осматривала зал, ее пальцы рассеянно поглаживали рукоять игольника на бедре. — Интересно, чей столик мы заняли?

— Мы... сели за чужой столик?

— Да, иначе к нам не подбежал бы хозяин заведения.

— Хозяин? — Мириам задумалась. — Но это нормально, что он выходит к гостям.

— Не везде. — Би кивнула на девушку с маленьким металлическим подносом, приближающуюся к их столику.

На подносе дымились две небольшие керамические чашечки и блестела пара стеклянных вазочек покрупнее, с чем-то цветным. На веранде играла негромкая музыка, и Мириам показалось, что девушка двигается в ее ритме, словно танцуя между столиками.

— Это мороженое? — спросила Мириам, когда девушка, сновисто расставив перед ними чашки и вазочки, удалилась такой же танцующей походкой.

— Да. — Би взяла чашку с кофе и вдохнула запах. — Надо же, пахнет почти как настоящий.

— Оно холодное? — Мириам осторожно потрогала мороженое ложечкой.

— Наверняка.

Мороженое оказалось кисло-сладким, с незнакомым привкусом, заставившим Мириам одну за другой проглотить несколько ложек и обнаружить, что ее язык больше ничего не чувствует.

Она бросила быстрый взгляд на Би, пьющую кофе маленькими глоточками, и потянулась к своей чашке. Незнакомый напиток оказался сладким и очень горячим. Мириам так и не поняла, есть ли там молоко, но вкус был довольно приятным, и она принялась пить, заедая кофе мороженым и стараясь подражать аккуратным движениям Би.

Она не заметила момента, когда в зале вдруг установилась тишина, оборвались разговоры за соседними столиками, притих шум в зале, и даже шаги танцующих как-то заглохли. Девушка подняла голову от вазочки с мороженым и увидела, как Би все так же аккуратно положила ложечку в чашку и опустила руку на пояс.

У входа на веранду стояли четверо мужчин. Самый старший из них — высокий, седой, с узким ястребиным лицом, — смотрел, казалось, прямо на Мириам. От этого взгляда, тяжелого, оценивающего, по ее коже мгновенно побежали мурашки. Мужчина медленно кивнул кому-то в глубине заведения и не спеша пошел к их столику. Остальные трое следовали за ним в некотором отдалении. У самого молодого, одетого в длинный пиджак, расшитый серебром, Мириам заметила кобуру с большим пистолетом, двое других были вооружены игольниками.

Мужчина остановился рядом с их столиком. Теперь он смотрел на Би, которая пила кофе, все так же не снимая руку с кобуры.

— Разрешите? — спросил он тоном, в котором Мириам слышала скорее приказ, чем вопрос.

— Сочту за честь, — ответила Би так же резко и поставила чашку.

Мужчина уселся на свободный стул, трое других расположились за соседним столиком, у стены, и оглядели весь зал. Музыка, стихшая было при их появлении, зазвучала громче. Мириам смотрела в лицо седого мужчины и видела, как двигались уголки его губ под серебристыми усами. Он словно сдерживал слова, готовые сорваться с языка.

— Хорошее у вас мороженое, — сказала Би, положив ложку рядом с опустевшей вазочкой. — Свежее молоко! Наверное, дело в нем. Откуда вы завозите ваниль?

— Из Атланты, — ответил седой мужчина.

— И клубнику?

— Да. Кофе тоже.

— Он, кстати, весьма неплох.

— Я Иосиф Картель, глава купеческого совета.

— Да? Я польщена. И как ваши торговые дела?

— Вы не представитесь? — Картель наклонился вперед.

— Нет. — Би смотрела на него в упор. — Вы и так знаете, кто я.

Молодой человек за соседним столиком привстал было, но Картель остановил его коротким небрежным жестом.

— Неразумно мне грубить.

— Вы деловой человек, Иосиф. Вам принадлежит половина этого города — торговые точки, рестораны, мастерские, наверное, даже бордели. Правильно?

— В общем верно.

— О том, кто я, вам уже донесли. Самое позднее — сегодня утром. Стоит ли нам терять время на формальности?

— Ты похожа на него. — Картель откинулся назад на стуле, еще одним небрежным жестом подозвал телохранителя и распорядился: — Закажи ужин.

Би отпустила кобуру. Теперь ее руки в перчатках лежали на столе, среди вазочек и чашек.

— Кого я вам напоминаю?

— Да нашего блистательного барона. Вы очень любите упрощать ситуацию. Праймы все такие?

— Возможно. Нас создают для того, чтобы решать проблемы самым простым образом.

— Иногда даже слишком уж элементарным... Би. Выпьешь с нами?

— Я не пью.

— А твоя подруга?

— Она тоже.

— Тогда, возможно, девушка танцует? — Он слегка наклонил голову. — Мой сын Дэвид хотел бы пригласить ее на танец. Правда, Дэвид?

— Да, отец. — Молодой человек с револьвером на поясе встал, обошел столик и поклонился Мириам.

— Отказываться невежливо, — тихо сказал Картель.

Мириам бросила взгляд на Би, и та едва заметно пожала плечами. Тогда она поднялась и протянула руку Дэвиду.

Пока они шли к центру веранды, Мириам лихорадочно пыталась припомнить хоть что-нибудь о танцах. Все ее познания в этой области ограничивались посещением ярмарки годичной давности, но танцевать с мужчиной, кружиться так, как это делали все эти пары, ей не приходилось никогда.

Выйдя на середину, в пятно яркого света, Дэвид обернулся, улыбнулся и снова поклонился. Улыбка совсем не понравилась девушке. Она была саркастической и фальшивой. Не найдя ничего лучше, Мириам поклонилась в ответ и замерла, не зная, что делать дальше. Дэвид шагнул к ней и обнял за талию. Взглянув на пару, танцующую рядом, Мириам подняла руки и положила их ему на плечи. Они двинулись вслед за музыкой, девушка засеменила, пытаясь угнаться за его шагами, и тут же наступила ему на ногу. Дэвид тихонько выругался себе под нос и крепче сжал ее талию. Тут она снова наступила на ногу парня и еще больше растерялась. Вокруг двигались другие пары, столики, фонари. Картель что-то говорил Би, она слушала, и в ее глазах мерцали уже знакомые Мириам недобрые огоньки.

— Куда ты смотришь? — спросил Дэвид.

— Никуда, — ответила Мириам.

— А на меня поглядеть не интересно?

Они повернулись в танце еще несколько раз, Мириам уже попадала в ритм его шагов, но возникла другая проблема. Комната кружилась вокруг нее слишком быстро, огни расплывались. Она немного замедлила шаг, пытаясь притормозить, но Дэвид неверно

истолковал ее движение.

— Тебе совсем не нравится танцевать со мной? — В его голосе прозвучала насмешка.

— Я не умею танцевать. Разве не видно?

— Заметно за милю.

Мириам остановилась, но он продолжал обнимать ее.

— Пусти, — сказала она.

— Да ладно тебе, — сказал парень, все так же саркастически улыбаясь. — Ну кто тебя еще танцевать научит? Твоя подруга что ли? Она и вправду наполовину машина? Или настолько же мужик?

— Пусти, — сказала Мириам уже громче, и некоторые танцоры оглянулись.

— Да не трепыхайся ты, хорек. Часто тебя обнимают что ли?

Договорить он не успел. Мириам глубоко вдохнула, чуть качнулась назад и что было силы врезала ему головой в лицо. Удар пришелся на середину лба, из глаз мгновенно брызнули слезы. Дэвид, явно не ожидавший ничего подобного, покачнулся и чуть не упал. Рука Мириам сорвалась с его плеча, скользнула вниз и неожиданно наткнулась на большую рукоять, инкрустированную деревом.

— Ты!.. — Дэвид ухватил ее за плечи, собираясь то ли оттолкнуть, то ли встряхнуть, и замер, глядя вниз.

— Прострелить тебе ногу? — спросила Мириам каким-то совершенно чужим голосом. — Или, может, еще что-нибудь?

— Это...

— Дэвид! — голос Картеля громом прозвучал в тишине, охватившей зал. — Немедленно иди сюда.

Парень, отпустив плечи Мириам, замер, и она воспользовалась этим, чтобы отойти. Револьвер оттягивал руку знакомой тяжестью. Кое-как разглядев сквозь слезы очертания своего столика, Мириам направилась к нему.

— Я думаю, это недоразумение, — сказал Картель, когда девушка тяжело уронила пистолет на стол и уселась на свое место, вытирая слезы.

Дэвид подошел следом за ней и встал за спиной у отца. Разбитая нижняя губа придавала ему обиженный вид.

— Оно не повлияет на мое решение, будьте уверены, — холодно сказала Би и посмотрела на Мириам.

— Я все равно полагаю, что мой сын должен принести извинения.

— Не нужно, — сказала Мириам.

— Но...

— Пусть забирает свой пистолет и в следующий раз держится за него, когда танцует, — заявила Би.

Охранник, стоявший у стены, хмыкнул. Картель тоже улыбнулся одними губами и залпом опрокинул рюмку.

— Ему еще предстоит научиться обращаться с женщинами, — сказал он. — Удивительно, что маленькая леди вообще подняла эдакую пушку.

— У меня был такой, — сказала Мириам.

Слезы уже высохли, и в ней медленно закипала злоба на этих людей, разряженных, богатых и считающих себя гораздо выше всех остальных.

— Действительно? Это старинная модель, переделанная под...

— Я застрелила из него человека. — Мириам без спросу взяла вторую рюмку, стоящую на столе, и выпила тоже залпом.

Там оказался виски. Жар ударил ее в нёбо и растекся по пищеводу. В животе сразу потеплело, огни вокруг стали ярче, и пелена слез окончательно растворилась.

Картель удивленно поднял брови.

— Пусть приложит ложку к губе, — сказала ему Мириам. — Или мороженого съест. А то ее сейчас раздует раза в два, хоть он и ваш сын.

— Дэвид это переживет, он мужчина. Я говорил ему, что глупо носить эту игрушку на поясе и недооценивать людей. — Картель поднял револьвер со стола. — Это прекрасное старое оружие, хороший инструмент, но не серьга и не кольцо на пальце. У каждого инструмента свое предназначение, и эта маленькая леди знает его лучше, чем ты, слышишь, Дэвид?

— Инструменты бывают разными, — сказала Би. — Мы говорили о группе наемников, работающей на вас, не так ли?

— Я заключил договоры с двумя группами, охраняющими бизнес по городу. — Картель положил револьвер обратно на стол.

— Черные безрукавки, такие же нашивки с желтой буквой...

— Это не буква, а символ группировки. Молот на нашивке. Как мальчишки, но с ними стоит считаться.

— Они охраняют ваш бизнес?

— Да, и хорошо это делают.

— Сегодня днем шестеро из них попытались нас ограбить.

— Они вас?.. Вы обратились к шерифу?

— Нет, зачем? Если у вас в городе есть больница, то он сможет найти их там.

— Это неприемлемо. Я разберусь и накажу виновных.

— С этим вы опоздали. Как я понимаю, барон в подобных случаях тоже не отличается мягкостью?

— Он иногда поступает слишком жестко, не принимая во внимание ситуацию. Барон — воин, а не деловой человек.

— Как и я, Иосиф.

— Оставайтесь ужинать. Нам найдется что обсудить, мы не очень хорошо начали, но это поправимо.

Би встала из-за стола.

— Мы поужинаем в отеле, у нас был очень сложный день. Спасибо, что составили компанию.

— Не забудь о моем предложении, Би.

— Не забуду. — Прайм развязала кошелек и высыпала на стол горстку кредитов. — Это за мороженое и за кофе.

— Все за счет заведения.

— Я не люблю быть в долгу. — Би подала Мириам ее куртку, которую она оставила лежать на стуле. — Вы тоже, верно?

— Верно. У нас все же есть нечто общее, не так ли?

Би запахнула плащ, и Мириам, уже привыкшая читать ее движения, не увидела в них ни малейшей расслабленности. Воительница была собрана и напряжена, словно перед боем.

— Да, есть. Отношение к орудиям, — сказала Би. — Прежде чем использовать

инструмент, стоит убедиться, что он не поранит владельца.

— Я знаю, что делаю, прайм. — Картель тоже встал. — Я давным-давно уже не мальчишка, который берет в руки пушку, чтобы похвалиться ее размером.

— Размер не важен. Нельзя сражаться тем, что не можешь удержать в руках.

V

За то время, которое они провели на веранде «Гелиотропа», сумерки успели плавно перетечь в ночь, но на площади темнота так и не наступила. Похолодало, Мириам запахнула куртку и по привычке посмотрела вверх, на звезды, но их не было. Небо словно светилось само, в низких облаках отражались желтые огни города, и даже за ними, в разрывах, темнота была какой-то ненастоящей, насыщенной электрическим светом. Ночь в Хоксе совсем не была похожа на себя, по площади все еще ходили люди, играла музыка, в заведениях кто-то пел, танцевали девушки, город не собирался засыпать. Мириам пошла следом за Би, для которой, похоже, все это было привычно. Они обогнули группу гвардейцев, окруживших пару богато одетых молодых людей с такими же тяжелыми револьверами, как у Дэвида. Один солдат, видимо старший, небольшого роста, с жестким грубым лицом, обернулся и кивнул Би так, словно они были старыми знакомыми. Прайм ответила ему тем же, и тот вернулся к своим делам, втолковывая что-то юношам с оружием.

В несколько шагов Мириам догнала Би:

— А кто это был?

— Видимо, шериф. У него звезда на наплечнике.

— Шериф Хокса? А ты его знаешь?

— Нет. Но он про нас уже знает. Похоже, про нас тут всем известно.

— Это про тебя?

Би промолчала. Они шли по улице, и Мириам готова была поклясться, что с наступлением ночи прохожих здесь стало еще больше.

— А что тебе предложил этот Картель?

Би посмотрела на Мириам, почти бегущую рядом с ней, чтобы не отстать.

— У тебя шишка и будет синяк. Если бьешь головой, то нужно наносить удар вот этой частью лба, чуть выше. Там кость толще, ее не повредишь.

— Я знаю, меня этому учил отец... приемный. Он показывал, как нужно делать, если тебя хватают вот так, но у меня не совсем получилось.

— Что тебе сделал этот мальчик?

— Он вертел меня, как куклу. Назвал хорьком. — Мириам почувствовала, как на глаза снова наворачиваются слезы. — А потом, когда меня схватил...

— Дурак, — сказала Би. — Богатый мальчишка. Ты серьезно собиралась его подстрелить?

— Это случайно вышло. Я не знаю.

— Стоило бы, но тогда у нас были бы серьезные проблемы в этом городе.

— Да, извини.

— Нет, ты все сделала правильно, просто в следующий раз, если возьмешься за пистолет, будь готова стрелять.

— Я поняла.

— И не забывай больше дома игольник, от него будет больше толку, чем от револьвера.

— Я не забуду, но совсем не умею из него стрелять.

— Это поправимо, я тебя научу. Я видела гвардейское стрельбище недалеко отсюда, за деньги нас туда пустят.

— Правда научишь?

— Да.

— А что он все-таки тебе предложил?

— Работу на него. — Би плотнее запахнула плащ.

— Кем?

— Его мечом, револьвером, страшным пугалом.

— И ты согласишься?

— Нет.

— Нет?

— Конечно. У него трения с бароном, это видно, он собирает собственную гвардию из наемников, к тому же ты разбила морду его сыну. Нет.

— А сколько он тебе предложил?

— Какая разница, если я все равно не собираюсь согласиться?

— Ну, интересно!

— Две тысячи кредитов сначала, еще больше потом.

— Две тысячи?..

— Это много? Я все еще не очень разобралась с их ценностью.

— Да, это много. Как... огромная ферма с кучей работников, стадом коров и целыми акрами яблонь.

— Ты бы хотела такую?

— Что?

— Ты бы хотела такую ферму, со всеми этими коровами и яблонями?

— Я... я... — Мириам пыталась заглянуть в лицо Би, идущей рядом, но та шла слишком быстро, поэтому девушке приходилось то и дело переходить на бег. — Если бы ты спросила год назад, то я бы точно ответила, что хочу, а сейчас...

— Что?

— Теперь я — как ты.

— То есть? — Би замедлила шаг, внимательно глядя на нее.

— У меня нет никого, кроме тебя и детей. Это все. Я знаю, что дальше может быть очень-очень плохо, и просто ума не приложу, чего мне теперь хотеть.

Они вышли к маленькой площади, на которой находился «Индюк», когда темнота сгустилась еще больше. Нижний город не был так хорошо освещен, как верхний. Без Би Мириам уже давно заблудилась бы в хитросплетениях его темных улиц, но та, похоже, запоминала дорогу с первого раза и безошибочно выбирала направление среди совершенно одинаковых, по мнению Мириам, переулков. Здесь на улицах попадалось существенно меньше народу, только иногда быстрым шагом походили небольшие группы горожан и неторопливо шествовали гвардейские патрули. Би то и дело оглядывалась, но, похоже, опасности не было, по крайней мере такой, о которой она сказала бы Мириам.

Вход в гостиницу «Индюк» оказался совершенно неузнаваем в темноте, как и площадь. Мириам даже растерялась было, когда увидела, что Би идет по каким-то ступенькам в подвал, и только потом рассмотрела знакомые очертания вывески над головой. Ни одно окно в «Индюке» не горело, что не было странно, учитывая отсутствие посетителей, но все

же Мириам стало немного не по себе, когда они спустились вниз и Би толкнула такую знакомую дверь.

В зале горел свет, и Мириам не разу поняла, почему Би остановилась и оглядела зал. Большой человек сидел на своем месте, на его столе стояла бутылка виски, наверняка уже не первая. Несколько желтых лампочек над баром едва разгоняли темноту.

— Пахнет кровью, — сказала Би. — Что здесь случилось?

— Марта! — позвала Мириам, и тут до нее с некоторым опозданием дошли слова Би.

Она оглянулась, но все вокруг было так же, как и до их ухода. Нет, почти так же. Мебель стояла немного иначе, и сломанных стульев в углу прибавилось. Би обернулась, провела рукой по дверному косяку, и Мириам с ужасом увидела на нем пятно, словно на дерево плеснули чем-то алым и вязким.

— Кровь?

— Да. — Би отбросила в сторону плащ и выхватила из кобуры игольник. — Что тут случилось?!

— Не кричи, — сказал большой человек.

Би отшвырнула в сторону стол, оказавшийся на пути, и пересекла зал несколькими быстрыми шагами. Гигант спокойно проследил за его полетом, а затем так же спокойно посмотрел в ствол игольника, направленного на него. Мириам снова показалось, что в его глазах нет ничего, кроме грусти. Они напоминали прозрачные зеленые озера посреди страшных, изъеденных огнем скал.

— Разбудишь Марту, — сказал он.

— Где дети? — спросила Би.

— Спят, наверное. Они наверху. Как тут началось, девчонка их сразу отсюда уволокла. Молодец, смышленная.

— Что началось?

— А то ты не знаешь! — Гигант улыбнулся, блеснув металлическими зубами. — К вам гости приходили.

— Неужели?

— Ага. Искали двух девиц, одну черненькую, вторую посветлее.

— Кто?..

— Наемники, эмблема — молот, человек десять. — Гигант потряс бутылку, стоящую на столе, но она была пуста. — Чем ты им так насолила, прайм? Яйца прищемила?

— Скорее отбила. — Би убрала игольник в кобуру. — Что было потом?

— Ничего интересного. Уходить они очень не хотели, вот что. Хозяйке грубили, про детей расспрашивали. Я им один раз спокойно сказал, чтобы шли, так они стволы достали.

— А кровь откуда?

Би пододвинула стул и уселась напротив гиганта, Мириам встала рядом.

— Да они собирались слишком быстро, не все в двери попали. А стволы я за стойку покидал, может, Марте пригодятся. А на тебя они в городе вышли?

— Да.

— И сколько их было?

— Шестеро.

— Точно идиоты. Попали под прайма, как дерьмо под колесо. — Металлические зубы снова блеснули, но глаза остались грустными. — Теперь не любят тебя ребята с молотами, правильно, прайм?

— Да, Арго. Как и тебя.

— Узнала, значит. Я сразу это понял, как только вы в двери зашли. Но ведь не сказала ничего...

— А что тут говорить?

— Вы знакомы? — спросила Мириам, тоже присаживаясь к столу.

— Нет, — сказала Би. — Но я не раз видела Арго. Его вообще многие знают.

Гигант только покачал головой, снова встряхнул бутылку, встал и пошел за стойку, видимо за следующей.

— Он гладиатор, — пояснила Би. — Титан Арго, непобедимый. Один из самых известных.

— А кто такой гладиатор?

— Боец за деньги. В крепостях проводят такие схватки, а его знают везде. Правда?

— Ага. — Арго вернулся к столу, взвесил в руке бутылку с виски, казавшуюся совсем миниатюрной по сравнению с его габаритами, осмотрел пробку, потом ухватил горлышко зубами и откусил.

Мириам ахнула, а Арго, довольный произведенным эффектом, выплюнул стекло куда-то в сторону и наполнил свой стакан.

— Будете?

— Нет, — сказала Би.

— И зря. У Марты отличный перегонный аппарат. — Арго залпом, как рюмку, опустошил стакан и со стуком поставил его на стол. — Хочешь что-то спросить, прайм?

— Что ты делаешь здесь, Арго?

— Сама не видишь? Пью.

— Ты — один из самых известных бойцов. У тебя есть все — деньги, женщины, слава. Что ты делаешь здесь, в этом маленьком городе посреди пустыни? — Би подалась вперед. — Такие, как ты, не могут просто уйти, не так ли?

— А что скажешь о себе? — Арго снова наполнил стакан. — У тебя в голове железная стоимость в половину этого города. Ты могла уйти?

Би промолчала. Арго обхватил стакан огромными руками, но пить не стал.

— Ты права в одном — у меня много денег, в этом городе полно шлюх, которых можно менять хоть по три раза в день, и Марта отлично готовит. Я пью, пытаюсь забыть!.. А это место ничем не хуже любого другого.

— Забыть?

— Нет, прайм, не нужно меня расспрашивать, иначе я захочу услышать твою историю, а она может быть куда похуже моей, так ведь?

— Да, — сказала Би и встала. — Мы пойдем навверх.

— Ладно. А я еще посижу. — Арго наклонил голову.

— Ты дрался за деньги? — неожиданно для себя самой спросила Мириам.

— Да, — помедлив, ответил Арго.

— Разве это правильно? Я всегда думала, что мужчина должен драться, защищая свой дом, жену и детей.

— Мириам, пойдем, — сказала Би.

— Я не знаю. — Арго наклонил голову еще ниже. — Я больше ничего не умею, девочка, даже напиток нормально не могу — адреналиновые усилители сжигают весь алкоголь. Я умею только драться, и все.

— Меня зовут Мириам. Я хотела сказать тебе спасибо за то, что ты защитил детей. — Мириам встала. — Спокойной ночи. Я попрошу Марту завтра утром сварить суп, тогда голова с перепоя так болеть не будет.

Арго ничего не ответил. Би подобрала плащ, брошенный у входа, и они пошли наверх.

— А с кем он дрался? — тихо спросила Мириам, когда они поднимались по лестнице.

— С другими гладиаторами, — ответила Би. — Как правило, они сражаются не насмерть, древним оружием вроде мечей и топоров. Арго — один из самых лучших, и я просто не понимаю, что он здесь делает.

— Ему очень плохо. Мне так кажется.

— Я не знаю. С ним лучше быть осторожнее. Давай посмотрим, как там дети.

Они поднялись наверх, в коридор, и Би оглянулась:

— Шестой номер, правильно?

Коридор освещался только одной лампочкой, висевшей в самой середине, но Мириам и так помнила, где находится их дверь. Разглядев цифру «6», она нажала на ручку, но дверь не поддалась.

— Они наверняка закрылись, — сказала Би. — Постучи.

Девушке пришлось стучать минуты три, с перерывами, пока она не услышала легкий шорох с той стороны.

— Это я, Мириам, — сказала она в дверную щель. — Все нормально.

Дверь распахнулась. В проеме стояла заспанная Таня с игольником в опущенной руке.

— Извини, — сказала она и зевнула. — Мы заснули, пока вас ждали. Там такое случилось...

— Я знаю, — прервала ее Мириам. — Ты все сделала правильно.

— Я взяла твой пистолет. Это на тот случай, если бы они решили подняться наверх.

— Я так и поняла. Рок и Тони спят?

— Да, давно, они же еще маленькие. А что вы видели в городе?

— Я завтра расскажу. Ложитесь спать и не забудьте закрыть дверь.

— А можно я лягу с вами?

Мириам оглянулась на Би, но та только пожала плечами.

— Ты уже взрослая, — сказала девушка. — Закройте дверь, а мы будем прямо напротив вас.

— Хорошо, — сказала Таня, зевнула и протянула ей пистолет.

— Закрывайтесь, и спокойной ночи. Чуть что — мы вас сразу услышим.

Мириам пропустила момент, когда Би сняла костюм. Она расчесывала волосы, стоя у окна, обернулась на странный шипящий звук и увидела, как экзоскелет оседает на кровать, словно усталый человек, а Би заворачивается в покрывало.

— Я иду в душ, — сказала воительница.

— Хорошо, — ответила Мириам. — А я буду спать.

Би вышла, и девушка еще некоторое время расчесывала волосы, думая о том, что, наверное, было бы здорово принять душ перед сном. Зря она этого не сделала. Но прожитый день наваливался на нее неподъемным грузом. Она уже не очень хорошо по мнила, как расстегивала джинсы и стягивала майку.

Кровать была на пружинах, одеяло — шершавым и теплым, а подушка — в меру мягкой. Мириам почти сразу провалилась в дрему... и тут же вскочила. Кто-то мягко прикоснулся к ее плечу.

— Извини, — сказала Таня. — Совсем не могу заснуть. Я закрыла дверь. Можно мне лечь тут?

Мириам молча подвинулась, освобождая место. Таня забралась к ней под одеяло и завертелась, устраиваясь поудобнее.

— Ты спишь голой? А тебе не будет холодно?

— Нет, — ответила Мириам и обняла ее.

Таня была теплой, ее волосы пахли цветочным мылом. Мириам провалилась в этот запах, как в яму.

Она так и не поняла, что ей снилось. Сон прервался неожиданно, осталось только ощущение легкости и нереальности происходящего. Девушка оглядела комнату, освещенную узким лучом фонаря, стоявшего перед окном. Би спала, лежа на спине и положив игольник на живот, рядом тихонько дышала Таня, и Мириам не сразу поняла, что ее разбудило.

Звук на улице повторился. Точнее сказать, даже не звук, а намек на него. Какие-то тени двигались в свете фонаря. Осторожно сдвинув Таню в сторону, Мириам выскользнула из-под одеяла и подошла к окну.

Оно выходило на площадь перед «Индюком», и ей потребовалось несколько секунд, чтобы протереть глаза и понять, что она видит.

В тусклом электрическом свете в центре площади двигался Арго — огромный, обнаженный до пояса. Металл блестел на его черепе, руках и ребрах. Он нырял, вертелся, перекатывался, прыгал, словно сражался с невидимым противником. Гигант двигался гораздо быстрее, чем можно было бы ожидать от человека его размеров. Мириам как замороженная наблюдала за тем, как он швырял своего невидимого противника, уворачивался от призрачных ударов, подсекал, бил ногами и головой. Тут Арго внезапно остановился и поглядел точно в ее окно.

Мириам поспешно отступила в тень, не зная, что можно увидеть снаружи. Гигант смотрел в ее сторону еще некоторое время. По огромным мышцам стекал пот, блестящий в свете фонаря. Девушка почти стряхнула сон и отчетливо видела его лицо.

Глаза Арго, стоящего ночью посреди маленькой площади в Хоксе, были полны тоски.

Глава III

Интермедия III

Веронике снился сон.

Она знала, что это так, потому что была здесь не собой, а кем-то другим. Чужие чувства и голос! Вероника уже не раз видела этот сон и не сомневалась в том, что вернется к нему через несколько ночей.

Пустыня неслась ей навстречу, видимая не человеческими глазами — слишком широкий обзор, очень уж приглушенный солнечный свет, чересчур много деталей, неразличимых простым глазом. За нее смотрел кар. Мощный мотор равномерно гудел где-то позади. Ощущения машины сливались с ее собственными, дополняя друг друга.

Ее губы шевелились, произнося что-то, но она не слышала слов. Веронику наполняла странная, лихорадочная радость, причины которой тоже оставались непонятными. Древний хайвей, по которому она ехала, был едва заметен под песком, но ощущения машины позволяли ей видеть все трещины в бетоне и каждый песчаный холм. Она чувствовала самонаводящиеся ракеты в недрах кара, готовность крупнокалиберных пулеметов и жаркую тяжесть заряженных конденсаторов боевого лазера. Еще Вероника ощущала близость цели, видела ее в не осевшей еще пыли над хайвеем, в отпечатках на песке, в остаточном радиоизлучении впереди. Чужая радость наполняла Веронику, вместе с ней пришло чувство обреченности, необратимости происходящего.

Ее губы шевелились, но не раздавалось ни единого звука.

Она почувствовала первую машину за секунду до того, как та открыла огонь из тяжелой минометной установки. Далеко впереди, среди дюн, несколько раз вспыхнуло белое пламя, но Вероника уже маневрировала, или же это делала машина. Они слились настолько, что различий больше не было.

Рассчитанные траектории мин легли слева и чуть впереди, и Вероника вывернула в непосредственной близости к ним. Черные деревья взрывов, поднявшиеся через секунду, скрыли ее кар от стрелков, не давая им прицелиться снова.

Она вылетела на холм и увидела всех троих. Хорошо знакомый спазм стиснул ее горло и сразу освободил, оставив ощущение пронзительной ясности происходящего. Вероника вглядывалась в свой собственный сон, словно сквозь прозрачное стекло, и понимание происходящего росло в ней с каждым ударом сердца.

Это был не сон. Она в точности знала, что произойдет сейчас здесь, на краю Эрга, потому что это было ее собственное воспоминание, память, которая прокручивалась сейчас, как запись древнего фильма.

Маленькая крупинка настоящей Вероники.

Ее кар не успел коснуться земли, когда она открыла оружейные порты. Враги были еще далеко, но она видела всех троих в десятикратном увеличении, различала каждую царапину на броне их тяжелых боевых машин. Двое начали разъезжаться, обходя ее, а третий на тяжеловооруженном вездеходе с ярко-красными разводами на броне остался на месте. Стволы минометов на крыше чужого кара снова вспыхнули, но это было уже скорее жестом отчаяния. Упреждение оказалось слишком большим, мины легли далеко впереди и оставили в полотне хайвея еще несколько воронок.

Игнорируя минометчика, Вероника направила машину к противнику, заходящему слева.

Оплавленная и иссеченная осколками лобовая броня его кара напомнила ей человеческое лицо, искаженное в уродливой гримасе. Он не выдержал и открыл огонь из пулеметов, когда между ними было не менее трехсот метров. Песчаные фонтанчики взлетели далеко в стороне, Вероника закрыла левый порт, выжала газ и вывернула на небольшое песчаное возвышение. Случайная пуля ударила о броню, рейдер снизил скорость, пытаясь поймать ее в прицел, но единые чувства прайма и машины уже работали, оперируя образами поверхности, углами и скоростями. Ее кар подпрыгнул на возвышении, и очередь из правого пулемета ударила сверху вниз, через кабину рейдера и его оружейный порт. Борт разворотило, не менее трех снарядов попало в кабину, но тяжелый кар еще несколько секунд летел вперед по инерции. Вероника вильнула, уходя от столкновения, оставляя дымящийся кар между собой и вторым противником. Она наблюдала, как вдалеке приходит в движение третья вражеская машина с красными разводами на броне. Что-то в ней беспокоило ее, какое-то движение начиналось в самой Веронике, когда она думала о квадратных очертаниях этого кара с ломаными линиями раскраски.

Она сбросила скорость, разворачиваясь так, чтобы противники были на одной линии. Камни полетели из под колес, Вероника описала круг и выжала газ. Позади и чуть в стороне взорвался тяжелый снаряд. В десятикратном увеличении она наблюдала, как медленно поворачивается турель тяжелой пушки на крыше второго противника, затем увидела его еще с двух сторон сразу, когда из слотов, скрытых за кабиной ее кара, стартовали ракеты.

Она чувствовала их, как машину, словно свои собственные руки, неподвижно лежащие сейчас на подлокотниках узкого пилотского кресла. Одна ракета ушла вверх, по дуге, к красному термическому пятну солнца, другая понеслась вперед, следуя неровностям рельефа. Рейдер успел выстрелить из пушки еще раз, но его машина подпрыгнула на очередном камне, и снаряд взорвался далеко в стороне. Ракета ударила в момент прыжка, угодила прямо под броневой лист, прикрывающий переднее колесо, напроць оторвала его и бросила кар набок, прямо под пулеметы Вероники. Тяжелые керамические снаряды вспороли днище, лишенное брони. Вероника обошла вспыхнувшую машину по узкой дуге, сближаясь с третьим противником. Ракета, вышедшая в зенит, падала теперь на него, квадратные очертания броневика заполнили чувства Вероники, заставив вспыхнуть ограничители экзоскелета, предупреждающие об опасном ускорении сердечного ритма, но она и без них чувствовала, что что-то не так. Спазмы в ее теле не имели отношения к этому бою.

Он даже не успел выстрелить. Ракета, упавшая сверху, застала его врасплох, ударила в выемку на броневом листе, прикрывавшем крыло, словно молотом вбила переднюю часть броневика в землю. Машина перевернулась мгновенно, ускорение швырнуло ее в воздух. Траектория полета была абсолютно предсказуемой, и Вероника немедленно открыла огонь.

Время замедлилось. Вероника видела, как керамические снаряды впивались в тяжелую броню, проходили сквозь уязвимый металл днища и стекло кабины. Осколки керамики и пластика летели во все стороны. Машина с красным рисунком вспыхнула прямо в воздухе. С каждым попаданием в ней что-то менялось, словно открывались какие-то невидимые дверцы, выпуская на волю обрывки воспоминаний. Десятки оттенков боли пронизывали Веронику с каждым выстрелом, отдавая кусочки памяти, ничего для нее не значащие, но впивающиеся в сердце, словно иглы. Только когда счетчик зарядов мигнул красным, она поняла, что все уже кончено, и услышала собственный крик. Рейдер горел, превратившись в груду металла. Еще не успев понять, что делает, она распахнула кабину и выпрыгнула на

горячий песок. Крик жег ей горло, она сбросила игольник с плеча и кинулась к нему.

Первая очередь ударила в огонь, и она вспомнила имя — Роберт. Вероника знала, что он умер в тот момент, когда снаряды взорвались в кабине красного рейдера. Она не сомневалась в этом, но не могла принять. Иглы били в костер. Вероника выкрикивала какие-то имена или проклятия, а потом, когда игольник опустел, швырнула его в огонь. Она словно со стороны смотрела на то, как сама же падала на колени у горящих обломков, говорила им что-то, но сон уже заканчивался. Он всегда уходил именно так, и Вероника не могла понять ни слова.

Она — или уже кто-то другой — еще долго сидела на песке, на краю Эрга, у своего кара, глядя на пылающую могилу врага.

I

Мириам разбудило солнце.

Солнечный луч коснулся ее плеча, заставил сначала перевернуться на другой бок, а потом натянуть одеяло на голову. Мысли текли лениво и вяло. Никто не пришел ее будить, колокольчик во дворе не звенел, значит, жильцы не торопились набирать воду с утра, не нуждались в услугах Мириам. Можно было еще понежиться в кровати. Она перевернулась на другой бок и почувствовала, что там не хватает чего-то... или кого-то. Это поставило ее в тупик. За все время, пока Мириам содержала постоянный двор, постель с ней не делил ни один мужчина.

Потом она вспомнила, где находится, отбросила одеяло в сторону и вскочила. Кроме нее, в комнате никого не было, с улицы доносились человеческие голоса, гомон и выкрики торговцев. На кровати Би, аккуратно застеленной, блестел в луче света игольник, теперь принадлежащий ей, Мириам.

Свои вещи она обнаружила в полном беспорядке на тумбочке. Видимо, так они были оставлены вчера. Вытащив из-под кровати один из узлов с вещами, она достала свежее полотенце, мыло и джинсы. Костюма Би нигде в комнате видно не было, и это успокоило Мириам. Где бы она ни находилась, дети наверняка оставались рядом с ней, под защитой ее брони.

С этой мыслью она завернулась в полотенце и направилась в ванну.

В гостинице стояла тишина. Прислушавшись, Мириам различила детский смех, доносящийся откуда-то снизу, и окончательно успокоилась.

Ванная тоже была пуста и наполнена паром после кого-то, кто принимал горячий душ. Мириам хотела обойтись холодным, но потом, плеснув воды в лицо, передумала. Кто знает, когда еще мог представиться шанс помыться в горячей воде?

Держа над собой разбрызгиватель, она думала о том, что, возможно, когда-нибудь и у нее будет настоящий дом и достаточно денег, чтобы позволить себе горячую воду каждый день. Раньше ей нравилось мечтать об этом, но сейчас фантазия не складывалась. Мириам никак не могла представить себе мужчину, который будет хозяином ее дома. Перед ней мелькало слишком много других лиц — детей, горожан и даже мертвых рейдеров, которых она меньше всего хотела видеть.

Поняв, что снова засыпает, девушка выключила душ и выбралась из ванной. Воздух казался прохладным. Расчесывая волосы перед маленьким зеркалом на стене, Мириам искала в себе сходство с хорьком. Слова Дэвида обидели ее гораздо больше, чем можно было

подумать. Би, мама и многие мужчины говорили ей, что она красивая, но Мириам сомневалась в этом. Она считала себя чересчур худой, а свою грудь — слишком маленькой.

Прополоскав рот зубным эликсиром, она натянула джинсы и майку. Волосы собирать в хвост не стала, вернулась в комнату, оставила там мокрое полотенце и подобрала игольник. Носить его за поясом джинсов оказалось не очень удобно, он был великоват, и ей снова пришлось лезть под кровать. Там, в одном из узлов, лежала целая груда разнообразных ремней, собранных Би. Мириам, никогда не имевшая дела с ношением оружия, с трудом распутала этот клубок и выбрала две не слишком больших связки, похожих на конскую сбрую, с подходящими по размеру кобурами. Около десяти минут ушло у нее на то, чтобы выяснить, какая из них как надевается. С одной кобура висела на поясе как-то боком, неудобно, и Мириам остановилась на второй — коричневой, из тонких кожаных полосок, лежащих на плечи, спину и застегивающихся на поясе небольшой пряжкой. Открытая кобура располагалась под левой рукой, над бедром, довольно низко. Игольник из нее достать можно было легко. Под правой рукой оказались ремешки для второй кобуры, но Мириам ее не нашла. Да и еще один игольник был ей пока ни к чему. Перед тем как спуститься вниз, она еще раз посмотрелась в небольшое зеркало, висевшее у входа в комнату. Для того чтобы рассмотреть себя, ей пришлось наклонить его и несколько раз повернуться, разглядывая обнову.

Зрелище ей понравилось. Теперь она меньше походила на деревенскую девчонку, кожаные ремешки просто отлично смотрелись с ее синими джинсами. Повертевшись немного перед зеркалом, Мириам вдруг поняла, чего ей не хватает — украшений. Все горожанки, которых она видела до сих пор, носили сережки или браслеты на запястьях, а у нее не было ничего подобного, единственные бусы остались где-то в развалинах двора. Подарок, брошенный на дно жестяной коробки и забытый. Воспоминание о них заставило Мириам нахмуриться и отпустить зеркало.

Сейчас было не время, для того чтобы думать о бусах. Она еще раз проверила, как выходит игольник из кобуры, закрыла комнату и направилась вниз, в зал.

К смеху, который девушка слышала раньше, добавились крики. Року явно было весело. Быстро сбежав по лестнице, Мириам остановилась в удивлении.

Рок играл в ладушки с Арго. Гигант использовал только одну ладонь, по которой мальчишка отчаянно пытался хлопнуть. Иногда ему это удавалось, и его триумфальные крики разносились на весь зал. Арго они, похоже, не очень беспокоили. Присмотревшись, Мириам поняла, что его глаза закрыты, видимо для того, чтобы усложнить игру.

Би устроилась на стуле у стойки и разговаривала с Мартой. Рядом с ней в такой же точно позе сидела Таня со стаканом молока в руке.

Мириам подошла к столу Арго под очередной крик Рока, и гигант открыл глаза, видимо почувствовав ее приближение.

— Доброе утро, — сказала Мириам.

Арго кивнул. Он выглядел трезвым, по крайней мере, бутылки перед ним она не заметила.

— Он тебе не мешает?

— Нет. — Арго протянул Тони вторую руку.

Тот взобрался на стул с другой стороны стола, широко размахнулся и хлопнул по ней.

— Пусть играют.

— Ты любишь детей?

— У меня нет своих, если ты об этом. — Арго подвинул руку и тут же поймал за шкуру Тони, который промахнулся по ней и чуть не упал со стула. — А так... дети есть дети. Даже странно, какие уроды иногда потом из них вырастают.

— А почему у тебя нет?

— Не до того было.

Он повернулся к ней. Его лицо, покрытое шрамами, с металлической заплатой на лбу, было страшным, но Мириам уже поняла, что если смотреть ему только в глаза, то впечатление будет совсем другим.

— Тебе же твоя подружка сказала, кто я, да? Какие дети при моей-то жизни?

— Би сказала, но я не знаю, что такое гладиатор, — призналась Мириам. — Она говорила, что ты знаменитый, у тебя много женщин, и я подумала...

— Много, да не тех. — Арго отвернулся. — А других я и не искал никогда.

Би подошла и молча обогнула Мириам, рассматривая ее кобур.

— Хорошо, — сказала она потом. — Нормально подогнана, плотно. Удобно носить?

— Да. А почему меня не разбудили?

— Таня пыталась, но ты очень крепко спала, поэтому я просто отвела всех вниз. Мы уже позавтракали.

— Я так крепко спала?

— Да, а что в этом удивительного? Ты устала.

— А ты разве нет?

— Я привыкла мало спать. — Би внимательно наблюдала за тем, как Рок отчаянно пытался хлопнуть Арго по широкой ладони.

Тот вроде бы особо не убирал руку, но мальчик все равно промахивался раз за разом.

— Что? — спросил наконец Арго. — Тебе тоже про детей интересно?

— Про детей я уже слышала. Ты сегодня будешь тут сидеть?

— Уйти боишься?

— Да, боюсь.

— Я особо по городу не хожу. Жарко, да и смотреть не на что, не считая девок. — Арго снова поймал Тони за воротник курточки и поставил обратно на стул. — Только их можно и сюда звать, кровати тут удобные.

— Поступай как знаешь.

— Ты уже с бароном говорила, прайм?

— Нет, а что?

— Интересно, как ты с ним поладишь.

Би пожала плечами, отвернулась и спросила:

— Мириам, ты будешь завтракать?

— Да, конечно. Тетя Марта, а что сегодня на завтрак?

II

Они вышли в солнечное утро вдвоем.

Мириам уже привыкла к тому, что в город жара приходит гораздо быстрее, чем на открытые пространства. Солнце едва прошло четверть своего пути, а над маленькой площадью перед «Индюком» уже висело плотное облако пыли, делающее воздух, и без того насыщенный запахами человеческого жилья, еще тяжелее.

Первой по лестнице, ведущей из подвального, поднялась Би и остановилась на самой верхней ступеньке. Мириам последовала за ней не сразу, запутавшись в плаще, одолженном у Марты. Новый, белый, из тонкого полотна, он напоминал те, в которых красовались жительницы верхнего города, отлично скрывал кобуру и ремни на плечах.

Отбросив в сторону непривычно длинную полу, она взбежала вверх по ступенькам и резко остановилась, чтобы не толкнуть Би. Та осматривала площадь, держа руку на поясе. Мириам видела прямо перед собой рукоять ее второго игольника, квадратного, с длинным магазином, закрепленного за спиной.

Площадь, очень оживленная вчера днем, сегодня словно вымерла. Торговцы жались к стенам, и там же предпочитали передвигаться немногочисленные прохожие, стремившиеся как можно быстрее пересечь открытое пространство и уйти под прикрытие соседних улиц.

Их поведение перестало удивлять Мириам, как только она рассмотрела людей, стоящих под навесами, с другой стороны площади.

Би шагнула наверх и убрала руку с оружия.

Первыми из-под навеса вышли гвардейцы — шесть человек в бронежилетах, с игольниками, похожими на тот, что висел за спиной Би. Они не пошли к ней, просто встали в стороне, наблюдая за второй группой мужчин в знакомых кожаных безрукавках.

Парней, эмблемой которых был молот, оказалось четверо, с виду — безоружных. Когда Би вышла из тени, один из них демонстративно поднял перед собой руки, показывая пустые ладони.

Би тоже демонстративно развела руками, впрочем не поднимая их высоко, и медленно пошла к центру площади. Мириам двинулась за ней, чувствуя на себе взгляды гвардейцев, наемников и немногочисленных прохожих, любопытные и щекочущие, как песок, попавший за шиворот.

Они встретились в самом центре площади, под присмотром гвардейцев — Би и высокий незнакомый наемник.

— Доброе утро, миз. Меня Флай зовут, будем знакомы, — сказал он.

Би не ответила, глядя на него без всякого выражения, тогда рослый мужчина весело, но зло ухмыльнулся и продолжил:

— Я не ссориться пришел, миз, сама видишь, караван целый за собой привел.

— Вижу. Говори, что велели.

— Как сказали, так и передам, будь спокойна. — Наемник снова ухмыльнулся. — Молоты на тебя не в обиде, миз, вот что.

— Не в обиде?

— Так и есть, миз. Парни сами на дело пошли и получили расчет. А Молотам с тобой ссориться причин нет.

— А сюда кто вчера приходил?

— А что? Пришли, пошумели, да и ушли. Не с тобой же воевали и вреда никому не сделали, так что и счет выставить некому. А мы тебе приносим наши извинения за неудобства.

— Извиняетесь?

— Так и есть, миз. Как это сказать?.. Искренне извиняемся.

— Искренне? Ты хоть сам понимаешь, что это значит?

Ее слова на секунду поставили Флая в тупик, затем он рассмеялся:

— Шутишь, миз? А я ведь серьезно. Тебя теперь все знают, подружку твою тоже не

тронем, ни один из Молотов.

— Пускай. Если попробуют еще, то я никого жалеть не стану. Так и передай Картелю.

— Не обещаю. Торгашу ты сама это скажи, у нас и свои головы на плечах есть.

— Хорошо, что пока есть.

— Никто вечно не живет, миз, и не купцам решать, когда нам кровь проливать.

— Разве не Картель вам платит?

— Одно дело — платить, а другое — иметь. — Флай рассмеялся, но Би не улыбнулась, и его смех прервался на высокой ноте. — За то, чтобы умирать, он нам не платит, миз. Как и за то, чтобы с тобой драться.

— Или с другим праймом, верно?

— С другим? Верно, и с другим каким мы завязаться не хотим, что бы там этот торгаш ни думал. Пусть сам свою голову под ствол подставляет.

— Верное решение. — Би перевела взгляд на гвардейцев, неподвижно стоящих в отдалении. — А им тоже что-то нужно?

— Красным? Это шериф!.. Он прослышал как-то, что мы с тобой потолковать хотим, и на нас их повесил. Может, за тебя переживал, а то и боялся, чтобы не поранили кого, если разговор не задастся.

— Хороший шериф.

— Хороший, кто спорит?

— Я принимаю извинения. Не будем ссориться.

— И правильно. — Наемник протянул руку Би. — Сейчас, как ни крути, лучше вместе держаться, миз.

Би сжала руку высокого мужчины так сильно, что с его лица сразу пропала улыбка.

— Сейчас самое время решать, за кого вам стоит умирать, — медленно сказала она. — Еще дней пять пройдет, а потом уже поздно будет.

Би отпустила его руку, и наемник отступил на шаг, потирая кисть.

— Такая судьба наша, миз, — сказал он очень серьезно. — Будь уверена, хорошо подумаем.

Би молча повернулась, пошла через площадь к уже знакомой улице, ведущей к верхнему городу, и гвардейцы расступились перед ней. Мириам пришлось почти бежать, чтобы догнать ее.

— У всех здесь свои планы, — тихо сказала Би, когда они миновали лотки торговцев, сдвинутые к стенам. — В такое время все думают только об одном.

— Об одном? — переспросила Мириам.

— Этот Картель, бандиты, работающие за деньги! Они как гиены на трупе, хотят вырвать кусок побольше, не замечая песчаного тигра, который вот-вот разорвет их всех.

— Но ведь здесь есть еще наемники и гвардия.

— Думаешь, они лучше? Сомневаюсь.

— Барон же должен знать, что надо делать. Он наверняка видит этого тигра.

— Барон? Я тоже хотела бы знать, что он видит. А еще нам нужно зайти в церковь.

— Да, но она на том холме.

— Тогда идем туда. Я все равно не знаю, где искать барона.

— Кажется, иногда он бывает в магистрате.

— Мы отложим эту встречу. Пошли в церковь, узнаем, что там с миссией.

— Пошли.

Следуя за Би по улицам Хокса, Мириам в который уже раз ловила себя на мысли о том, что город устроен неправильно. Любая ферма или жилой двор, которые встречались ей до этого, выглядели логично. Там были загоны для скота, дома для хозяев и работников, рядом с ними устраивались отхожие места, ставились сараи для хранения запасов и инструментов. Все это было просто и понятно, но город — его устройства она не понимала.

Дома, мимо которых они шли, отличались друг от друга размерами и материалами. Их, по-видимому, строили разные люди, не удосужившиеся при этом пообщаться друг с другом. Фасады из разноцветного кирпича или песчаника могли захватывать часть улицы, нависать над ней, упираться в другие дома металлическими распорками, вообще состоять из неровных бетонных обломков, подобранных, судя по виду, из древних развалин. Те часто попадались у подножия холма, и их серые ноздреватые стены, пронизанные ржавыми жилами арматуры, производили на Мириам гнетущее впечатление.

Ближе к воротам людей на улицах становилось все больше. Девушка вспомнила недавние блуждания, однако теперь все складывалось значительно проще. Стоило поднять голову, как в глаза бросались знакомые ориентиры — высокая решетчатая башня, видимая из любой части города, и блестящая верхушка церкви с покосившимся крестом на металлическом шпиле. Потерять их из виду было невозможно. Проблема состояла в другом: Мириам никак не могла сообразить, как к ним пройти.

Степень близости к Верхнему городу можно было определить по ширине улицы. Мириам уже успела выделить эту закономерность. Чем ближе к вершине, тем выше становились дома. Все больше мостиков перепрыгивали с крыши на крышу, и дальше выступали из фасадов балконы, закрывающие солнечный свет. Однако понять, какая из улиц может вывести к церкви, было просто невозможно. Мириам оставалось только идти за Би, у которой, похоже, был какой-то другой способ искать дорогу, неизвестный ее спутнице.

Улицы, расположенные между холмами, в низине, напоминали муравейник. В глубокой тени, отбрасываемой верхней частью города, многочисленными мостиками и надстройками на беспорядочно стоящих домах, двигалось множество людей. Тоже горожане, но одетые бедно. Мириам уже привыкла к ярким вывескам и высоким домам. Ей казалось странным наблюдать заколоченные досками узкие проемы окон, деревянные двери, припертые металлическими костылями, а главное — хмурых и грязных жителей. Никто здесь не оборачивался вслед Би, наоборот, встречные сразу опускали глаза или смотрели по сторонам.

— Идем быстрее, — тихо сказала Би, и Мириам даже не спросила почему.

Все и так было ясно.

На этих улицах, погруженных в тень, им не встретилось ни одного гвардейского патруля. Лишь кое-где под неразборчивыми вывесками, обозначавшими входы в неопрятного вида заведения, караулили наемники — не те, что с молотами, но другие бандиты, одетые еще беднее. Мириам даже разглядела их нашивки, черные с белым, но не поняла, что именно они изображают.

Несколько раз у Би пытались просить милостыню нищие жуткого вида: женщина с ребенком в грязных тряпках, похожим на головешку, мужчина с ожогом или опухолью на пол-лица, — но она не обращала на них ни малейшего внимания и шла дальше. Следуя ее примеру, Мириам распахнула плащ, демонстрируя всем встречным свою новую кобурку, и

это, похоже, сработало. Преградить им путь никто не пытался. Группа мужчин подозрительного вида, вышедших было из подворотни навстречу, остановилась, неожиданно решив посоветоваться, и пропустила их мимо.

— Если есть верхний город, то существует и нижний, — сказала Би. — Вот так он выглядит.

Насколько могла судить Мириам, эта беднейшая часть Хокса занимала почти всю низину между холмами. Из-за неправильного положения улиц сюда практически не проникало солнце, делая здания из древнего бетона еще мрачнее. Вдобавок этот район отличала вонь, в некоторых местах просто невыносимая, исходящая из разрушенных коллекторов и из подворотен. Местные жители ее, похоже, просто не замечали.

У этого района имелись собственные ворота, под стать всему остальному — невысокое заграждение из металлических щитов, охраняемое четверкой гвардейцев. Они внимательно осматривали прохожих и на глазах Мириам остановили одного из них — за что, она так и не поняла. Они с Би были еще слишком далеко от ворот. Его оттолкнули, а когда он попытался возразить, гвардеец так ударил его игольником по голове, что сбил с ног.

— За что?.. — спросила Би, поравнявшись с солдатами.

Тот, который ударил человека, такой же неопрятный и грязный, как и все жители этой части города, но в бронежилете и наплечнике, смерил ее усталым взглядом и отвернулся.

Ответил другой гвардеец, видимо старший:

— Нищий, миз.

Уважительное обращение он произнес с некоторой задержкой, словно припоминая его. Видимо, слухи распространялись по городу действительно быстро.

— Нищим туда нельзя?

— Их и здесь достаточно.

Би кивнула и прошла мимо. Мириам посмотрела на человека, все еще копошащегося в пыли. Он не выглядел грязнее большинства других жителей этого места, но теперь его лоб украшал огромный кровоподтек.

— Яма, — сказал старший гвардеец, встретившись с девушкой глазами, — она Яма и есть.

Улица за заграждением гораздо больше походила на те, которые Мириам приходилось видеть до сих пор. Поднимаясь на второй холм, она поворачивала между большими домами из красного и желтого кирпича и широкими бетонными основаниями ветряных генераторов, с десятков которых, не меньше, размещалось на этом холме. Дорога к церкви оказалась не очень длинной, хотя и запутанной. Эта часть города, похоже, строилась по совсем другому принципу. Многочисленные улицы не сходились на вершине холма, а, наоборот, петляли и пересекались на его склонах под совершенно невозможными углами. Здесь почти не оказалось броских вывесок, и девушки в ярких платьях не выстраивались на углах. В большинстве домов располагались мастерские, из которых слышался шум машин, на улицах пахло деревом, краской и горячим металлом. Прохожие, одетые просто, но чисто, спешили куда-то по своим делам, а некоторые дома даже охранялись гвардейцами. Мириам не заметила здесь ни одного наемника. По крайней мере, их черные безрукавки больше не бросались в глаза.

Церковь возвышалась в начале такой широкой улицы, что Мириам сперва приняла ее за площадь. В нее вливался десяток других, поменьше, разделенных широкими одинаковыми зданиями с серыми бетонными фасадами и узкими окнами. Самое большое из них,

квадратное, с острыми выступами на стенах, делающими его похожим на переднюю часть боевого кара, венчало улицу сверху, возвышаясь над мостовой на четыре этажа.

— Это магистрат? — спросила Би, кивнув на него.

— Наверное, — ответила Мириам. — Я в этой части города никогда не была.

Посередине широкая улица разделялась рядом скамей из красного кирпича, и там Мириам с некоторым облегчением снова увидела яркие краски. Это были бело-красные зонты кафе, под которыми за легкими деревянными столиками сидели почему-то в основном гвардейцы.

Оглядев улицу, Би направилась к церкви. Вблизи это строение еще меньше напоминало обычный дом вроде тех, в которых располагались храмы, знакомые Мириам. Его стены покрывали узкие металлические листы, закручивающиеся по направлению к острому куполу и делающие его похожим на огромный винт, направленный в небо.

— Какой сильный радиосум, — сказала Би, остановившись у высокой, но узкой двери и глядя вверх. — Это антенна?

— Не знаю, — сказала Мириам, вообще не поняв, о чем идет речь, почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась.

Гвардейцы все так же сидели под зонтиками, горожане спешили по своим делам, рядом с кафе, совсем недалеко от церкви, вещал проповедник, его слова эхом отлетали от серых домов, превращаясь в неразличимый шум. Никто не обращал на нее внимания, и Мириам уже открыла было рот, чтобы попросить Би тоже посмотреть назад, но тут обратила внимание на ту боковую улочку, откуда они пришли.

Там, в тени, стояла группа высоких мужчин с тяжелыми игольниками, висящими у всех одинаково, под правой рукой, полукругом окруживших человека в белом плаще. Это его тяжелый изучающий взгляд остановился на Мириам.

Она шагнула назад и только сейчас поняла, что Би рядом нет, та уже зашла в церковь.

Человек в белом тоже двинулся к храму неспешным уверенным шагом. Вооруженные люди последовали за ним, все так же окружая полукругом, словно в боевом строю. Перед тем как нырнуть в черный провал входа следом за Би, Мириам успела увидеть красный блеск под его плащом. Белая материя скрывала что-то алое, ярче неоновых вывесок и крови.

— Не приезжала? — донесся до нее голос Би, едва она переступила высокий металлический порог и сразу замерла, не в силах произнести ни слова.

В темном зале горели немногочисленные свечи в высоких подставках. Некоторые из них едва тлели, но это только сильнее оттеняло красноватый свет, падающий сверху. Купол внутри сохранял свою форму, и по нему, по множеству дорожек, спиралью сходящихся к вершине, бежали багровые письмена.

Мириам посмотрела вверх, и у нее мгновенно закружилась голова. Красные слова летели по кругу, образуя в центре одно кровавое пятно, вокруг которого вращался купол. Миллионы красных точек, составляющих буквы, загорались и гасли в гипнотизирующем ритме, оставляя за собой призрачные следы, видимые даже с закрытыми глазами. Имена, имена, имена!.. Все слова, вращающиеся над головой Мириам, были именами, некоторые вместе с фамилиями, другие без таковых. Тысячи Джеков, Марий, Джонов и других знакомых и незнакомых имен кружились в алом водовороте, возникая и исчезая.

— Миссий много. — Второй голос доносился непонятно откуда, из темноты, сгустившейся за подставками для свечей.

С трудом поборов головокружение, Мириам рассмотрела там согнутую человеческую

фигуру, а рядом с ней — широкий древний терминал с плоским темным экраном и клавишами, отсвечивающими красным.

— Настолько много? — снова послышался голос Би.

— Мы здесь учет не ведем. Ехали, и хорошо, только вот сюда не приходили. — Человек шевельнулся, и Мириам поняла, что это монах в черном плаще с капюшоном. — Мы тут святых отцов не наставляем, наше дело — имена хранить.

— Не приходили? — резко спросила Би, видимо, начинающая терять терпение. — А должны были?

— Нас по всему городу видно, — ответил монах. — Если бы здесь были, пришли бы наверняка и детишек привели бы, чтобы мертвых помянуть. Если не появились...

— Ты точно их не помнишь?

— Помнил бы — сказал бы. Не так много народу сюда заходит.

— А кто может знать?

— Барон, он телами ведает и караваны встречает — те, что побольше.

— Встречает?

— Многие пропадают в последнее время. Говорят, ближе к пустыне совсем плохо стало.

— Это мне и так известно. Барон может знать про миссию?

— Я бы у него спросил. Мы тут только имена храним.

— А вас здесь много?

— Нет. Община уже с месяц как в Атланту уехала, так что одни мы. Я да пара братьев.

— А, это их я видела в городе?

— В городе? Да мы и не выходим почти. Некогда нам, сюда же люди приходят.

— Те, что на улицах? Проповедники?

— Это не наши. Нам на улицах кричать не нужно, сюда все сами идут.

— А чьи имена? — Этот вопрос задала Мириам, подойдя поближе, и вздрогнула, внезапно поняв ответ на него.

— Мертвых. — Монах шевельнулся, и экран терминала рядом с ним замерцал.

— Узнать у барона, — задумчиво сказала Би и посмотрела вверх, на купол.

— А откуда берутся эти имена? — снова спросила Мириам.

— Единая база данных, — непонятно ответила Би. — С центром на орбите.

— Церковь в небесах. — Монах склонил голову.

— Я была в такой же, далеко отсюда, — сказала Би. — Реестры крепостей, десятки центров вроде этого. У вас действительно большие списки мертвых... отовсюду. А здесь можно добавлять имена?

— Да, я могу это сделать.

Почувствовав движение, Мириам осторожно посмотрела назад и увидела знакомого уже человека в белом, вошедшего в церковь и остановившегося на пороге.

— Интересно, — сказала Би. — И найти имя в списках тоже можно?

— Да, — ответил монах. — Говорите, я посмотрю.

Мириам шагнула вперед и дотронулась до плеча Би. Та коротко взглянула назад, потом отодвинула монаха, встала к терминалу, и ее пальцы очень быстро побежали по клавиатуре.

— Кого ты хочешь?.. — Мириам не договорила, глядя в лицо Би, освещенное вспышками букв, появляющихся на экране.

Человек в белом плаще тихо подошел и встал у них за спиной. При огоньках свечей Мириам отчетливо рассмотрела алые пластины брони у него на груди. Би ударила по

клавише ввода немного сильнее, чем следовало, и терминал вздрогнул.

«Ли Андерсон, Ребекка», — вспыхнуло на экране на секунду, замерцало, погасло, через мгновение оказалось на стене и помчалось по ней среди других имен, теряясь и возникая, по широкой спирали, к яркому пятну в центре.

— Мертва, — сказал монах. — Господи, упокой ее душу.

— Мертва, — эхом отозвалась Би и прикусила губу.

Мириам встретила глазами... с черными провалами. Она и Би словно снова стояли у глубокой могилы, вырытой в песке рядом с хайвеем. Плечо Би ощутимо дрожало, и пальцы Мириам тоже затряслись.

— Мне очень жаль. — Голос человека в белом оказался низким и очень уверенным.

— А мне нет, — прервала его Би, все еще глядя вверх, под купол, где бесследно исчезло имя. — Ей... она это заслужила.

— Покой?

— Нет. — Би обернулась к нему. — Никакого покоя, никогда больше. Ребекка Ли — это мое имя, барон.

Мириам едва слышно вздохнула.

IV

Стоя в нескольких шагах позади Би, рядом с молчаливыми охранниками барона, Мириам пыталась вспомнить мужчин, которые хотя бы отдаленно походили на него, и не могла. Ни у кого из них не было таких черных волос, собранных на затылке в длинный хвост, столь правильной осанки, носа с идеально расположенной горбинкой и пронзительного взгляда. Он посмотрел на Мириам только раз, не более секунды, но ощущение было таким, словно ее, замершую посреди площади, вдруг осветил прожектор. Сейчас он говорил с Би, и Мириам приходилось прилагать некоторые усилия, чтобы смотреть по сторонам или под ноги, а не ловить его взгляд в очередной раз.

Еще у него оказался очень приятный голос.

— Что привело тебя к нам, Ребекка Ли?

— Случай. Мертвых праймов не пускают в Атланту.

— Живых тоже. — Барон почти таким же движением, как Би, положил руку на пояс. — С недавних пор туда не пускают никого.

— Почему?

— Король боится того, что случилось в Чикаго. С высоты им хорошо видно, какая сила идет сюда. Если их ворота откроются изнутри!.. Но ты о Чикаго знаешь лучше меня.

Он сказал это уверенно, констатируя факт, и Би только кивнула в ответ. Они стояли прямо под церковью, и немногочисленные прохожие оглядывались на них и на охрану барона, выстроившуюся вокруг.

— Мне донесли о прибытии прайма сразу, как только ты пересекла границу долины, — продолжил барон, поняв, что Би не собирается отвечать. — И я не знал, радоваться мне или злиться.

— Почему злиться?

— Атланта оставила нас. Что могло значить прибытие лишь одного из Мечей короля? Издевку? Послание? Ты не пришла, следовательно, не была посланцем. Мне следовало встретиться с тобой раньше, но я был занят и даже не смог приветствовать тебя как

подобаает.

— Я собиралась прийти.

— Я верю. Мне донесли, что вчера ты ужинала с Картелем. Он опередил меня, не так ли?

— Что еще тебе донесли?

— Рассказали, как твоя компаньонка прилюдно избила и обезоружила его сына. Признаюсь, эта новость оказалась одной из немногих, хоть чуточку порадовавших меня за последнее время.

— Избила и обезоружила? Эти слухи несколько преувеличены.

— Да, именно. Поэтому им поверят и станут говорить об этом по всему городу.

— Картель потеряет лицо?

— Нет, репутация этого дельца опирается на немалые деньги, но слухи заставят людей смеяться над ним за его спиной, подорвут их веру. Сколько он предложил тебе?

— Как я поняла, достаточно, чтобы купить большую ферму.

Барон тихо рассмеялся:

— Это издевка — отдать ферму в оплату прайму? Странно, что он не предложил тебе свой бордель. Что ты ему ответила?

— Согласилась подумать. У меня было впечатление, что в случае прямого отказа мне лично придется кого-нибудь избить.

Барон снова рассмеялся, на этот раз еще тише.

— Это точно запомнилось бы ему надолго. Его присутствие в купеческом совете становится невыносимым, но сейчас он, как никогда, необходим мне, к сожалению. Да, пока нужен.

— У него так много собственности в городе?

— Еще бы! Мануфактуры, кузницы, ремонтные мастерские, публичные дома и его личная армия, с которой ты тоже уже познакомилась.

— С несколькими ее представителями.

— Даже они понадобятся нам, когда настанет время, но лучше будет, если до этого не дойдет.

Би кивнула, сделала маленький шаг к барону и сказала, глядя на него снизу вверх:

— Ты не купец.

— Меня зовут Саймон. Ты права, давай говорить о деле. Я не буду оскорблять тебя, предлагая деньги как наемнице.

— Это хорошее начало.

— Вот город. — Барон обвел рукой невидимый горизонт. — В нем сейчас сорок тысяч человек, а через три дня их будет шестьдесят. В нашей власти сохранить им жизнь, Ребекка.

— Красиво сказано. Я слышала, ты лично сопровождаешь некоторые караваны, едущие сюда. Это верно?

— Так и есть. Вокруг города кишат разведчики рейдеров, я лично сжег несколько разъездов, но люди продолжают исчезать. По ночам вырезают целые фермы, а утром не остается даже следов.

— Ты сопровождал миссию с детьми?

— Не припомню. Кажется, одна такая группа недавно погибла в паре дней пути отсюда.

— Хоть кто-то из них добрался до города?

Барон тихо рассмеялся:

— Ты решила допросить меня? Почему тебе так интересны эти священники?

— Кто? Разве я о них спрашиваю?

Улыбка пропала с губ барона. Несколько секунд они с Би просто молча глядели друг на друга.

— У меня были более важные цели, — наконец сказал барон. — Ты поможешь мне, Ребекка?

— Как?

— Останься.

— Один прайм на твоей стороне...

— ...Может изменить все. Дело вовсе не в огневой мощи и не в твоей машине, которую я могу оснастить.

— Я видела, как на меня смотрят...

— В нас верят, Ребекка.

— В тебя, Саймон.

— Нет, в нас. Ты для них ничем не отличаешься от меня. Ты Меч короля, пусть даже твое имя стоит в списках мертвецов.

— Корпус-прайм гордился бы тобой. Минимальное вмешательство! Два человека против... Каковы силы противника, Саймон?

Барон слегка нахмурился, и Мириам замерла, чувствуя на себе изучающие взгляды его охранников.

— Хочешь знать правду? Мобильная группа в триста единиц, около сотни тяжелых транспортеров, до десяти тысяч живой силы. А я уже десять лет не имею никакого отношения к корпусу.

— Тогда каковы наши планы?

— Наши?

— Да. — Би оглянулась, обводя взглядом тенты, прохожих и гвардейцев. — Десять тысяч рейдеров многовато для одного прайма.

— Мой план прост: перегруппировка, подготовка к обороне, затягивание времени.

— Каким образом?

— Я собираюсь начать переговоры. У меня уйдет до двух суток на то, чтобы встретить пять основных караванов, приближающихся сейчас к Хоксу. До трех тысяч человек в каждом. За это время должно подойти еще две большие группы наемников. Это профессионалы из Детройта и Чикаго с тяжелыми машинами и вооружением. Переговоры помогут нам продержаться еще несколько дней, при условии, что город не развалится до этого.

— Это как?

— В Хоксе довольно сложный политический баланс. Я — всего одна из сил, на данный момент удерживающая верх. Да ты и сама это уже знаешь.

— Я плохой политик.

— Городом правят купцы, торговый совет, большая часть которого уже сбежала в свою родную Атланту. Твое присутствие изрядно напугало моих врагов. Теперь они замолчат либо начнут действовать жестко. Впрочем, последнее маловероятно. Картель не способен на решительные поступки.

— Мне так не показалось.

— Этот человек думает только о собственной прибыли. Сейчас его основных

конкурентов нет в городе, и он хочет этим воспользоваться. До меня дошли слухи, что Картель пытается наладить контакты с Рукой, вероятно, чтобы купить себе кусочек долины или баронство. — Правитель Хокса невесело рассмеялся. — Он понятия не имеет о том, с кем ведет дело.

— Насколько велика вероятность того, что эти слухи правдивы? — Голос Би почти не изменился, но от ее тона по спине Мириам побежали мурашки.

— Я тоже не люблю предателей, — ответил Саймон. — Фактов у меня нет, и этот человек мне пока необходим. Слишком уж важные нити сходятся к торговому совету, чересчур многое здесь на нем завязано.

— Понятно.

— Я не могу приказывать тебе, поэтому прошу помочь. Пока меня нет, здесь может случиться все, даже самое страшное. Шериф и гвардия могут не справиться, им не хватит мозгов или опыта. Ты поймешь, когда нужно будет вмешаться. — Барон кивнул в сторону большого серого здания, стоявшего в конце улицы. — Это магистрат. Найди шерифа и поговори с ним. Я приказал ему содействовать тебе во всем.

— Шериф должен помогать мне?

— Или хотя бы не мешать. — Барон улыбнулся, пусть и немного напряженно. — Так жаль, что у нас настолько мало времени, считанные минуты для такого важного разговора. Ты знаешь, я представлял себе эту встречу совсем иначе. Я так давно не видел никого из...

— Из нас?

— Да. С тобой можно говорить прямо.

— Спасибо за откровенность. Десять тысяч. Теперь я точно знаю, что это правда.

Би протянула ему руку. Перчатка, армированная металлом, встретилась с другой, точно такой же.

— Мне пора, — сказал барон. — Не разнеси город в мое отсутствие.

— Удачного вылета, прайм.

Барон кивнул охране, и две женщины остались у церкви одни. Би смотрела, как барон уходит, и на лице ее поочередно сменялись почти непонятные Мириам эмоции — растерянность, грусть, сомнение.

— Он красивый, — сказала девушка первое, что пришло ей в голову, чтобы отвлечь Би.

Та кивнула и проговорила:

— Красивый и молодой!.. Праймы не живут долго.

— Он сказал, что знает, как помочь. Теперь ты будешь драться за него, да?

— Барон говорил, что все очень плохо. Еще Саймон кое о чем умолчал, и я не могу понять почему.

— Все плохо?

— Да. Он рассказал, как мы соберем силы и будем обороняться, но не сказал главного — как мы собираемся победить. Возможно ли вообще выдержать здесь осаду?

— Мне показалось, что он тебя не обманывает.

— Одна правда может скрывать другую. Ему нужна моя помощь, но не настолько, насколько он пытается показать. Может, я для него помеха?

— А что такое минимальное вмешательство?

— Это принцип корпус-прайм... Мечей короля. Когда мало боеприпасов и обученных людей, один подготовленный человек с правильным оружием может решить исход битвы. Для этого нас создавали, — сказала Би, глядя вдоль улицы, и Мириам посмотрела туда же.

Ничего нового за время их разговора с бароном на улице не случилось. Две компании гвардейцев все так же пили под зонтиками, спешили по своим делам прохожие, распинаясь проповедник, собравший вокруг себя небольшую толпу.

— Может, этот человек знает о миссии? Он же вроде как священник, да? — сказала Би, видимо решив сменить тему разговора, и Мириам пожала плечами.

— Странные они, эти... — сказала было она, но Би решительно двинулась в сторону оратора.

— Пошли!

По мере того как они приближались, проповедника становилось слышно все хуже. Он прекратил вещать и теперь спорил о чем-то с окружившими его горожанами, то и дело косясь на трех гвардейцев, тоже подошедших и остановившихся чуть поодаль.

Мириам поглядела на солдат, потом прислушалась к словам проповедника.

Это был не тот человек, которого они слышали раньше, на площади, но слова почти совпадали:

— Говорю тебе, не пройдет и трех дней, как мор поразит всех, кто усомнился в силе Его, а выжившие падут от огня и ножа! Никому не взять на себя ношу Его, никто не защитит тебя, ни единый человек! А если скажет кто, что равен Ему... — Он запнулся, глядя на приближающуюся Би.

Горожане, стоящие перед ним, быстро расступились, давая ей место. Над площадью повисла тишина, Мириам готова была поклясться, что проповедник испуган. Когда он поднял руку, чтобы поправить плащ на горле, пальцы у него явно дрожали. От Би это тоже не ускользнуло.

— Скажи, ты знаешь что-то о миссии, которая приехала сюда три или четыре дня назад? — спросила она так негромко, что гвардейцы, наблюдавшие за ними, были вынуждены подойти поближе.

— О миссии? — Оратор нервно пригладил волосы, обильно запорошенные сединой, его явственно била дрожь.

— Священники вроде тебя, девять или десять машин, дети. Помнишь их?

— Нет, — проповедник ответил очень тихо, глядя себе под ноги, и Би шагнула к нему:

— Что?

— Нет! — Он закрыл голову руками, словно защищаясь от удара. — Не надо, нет!

Би застыла, а проповедник упал перед ней на колени, продолжая кричать. Горожане подались в стороны, а заинтересовавшиеся гвардейцы подошли поближе. Би взяла оратора за плечо и слегка встряхнула. Тот вырвался и с криком опрокинулся назад, спиной на мостовую.

— Оставила бы ты его в покое, миз, — сказал один из гвардейцев под всхлипы проповедника и ропот горожан. — Он, видать, и так умом слабоват.

— Неужели? — Би нагнулась к проповеднику, из-за чего всхлипы стали громче. — А кричал сильно. Эй, ты, я тебе ничего не сделаю.

Ответом ей стал еще один вскрик, гораздо слабее. Проповедник пополз прочь от Би, не отрывая от нее полных ужаса глаз.

— Дурак дураком. Народ, расходитесь, не на что тут смотреть, — сказал гвардеец. — Миз, ушибленный он, не надо его больше пытаться. Я таких видел, придут из пустыни, а там мало ли всякого: рейдеры, голод, звери. Вот у них ум за разум и того.

— Нет, — сказала Би. — Сумасшедших я много видела. Эй, чего ты боишься?

Почувствовав внезапный укол беспокойства, Мириам огляделась. С десятков перешептывающихся горожан окружал Би, проповедника и гвардейцев. Солдаты, оставшиеся под зонтиками, затянули песню, по улице все так же шли люди. Дело было не в них. Взгляд Мириам скользнул дальше, по фасадам домов и устьям переулков, а в какой-то момент вернулся обратно.

Его трудно было заметить. В маленькой фигурке, закутанной в потертый плащ беженца, почти ничто не привлекало внимания, не считая того напряжения, которое вдруг почувствовала в ней Мириам, пружины, готовой распрямиться в любую секунду. Она и сама не поняла, что случилось раньше — раздался ли ее вскрик, или человек в плаще, почувствовавший чужой взгляд, резко развернулся на месте и широко взмахнул рукой.

Ей казалось, что Би очень медленно поворачивала голову на ее вскрик, и так же неторопливо реагировали гвардейцы. Что-то маленькое, чуть заметно отблескивающее в солнечных лучах, летело к ним по длинной дуге, заканчивающейся где-то рядом с сумасшедшим проповедником. А потом Би исчезла.

Мириам не увидела этого движения, только почувствовала сильный толчок в плечо, бросивший ее на землю. Би использовала это движение, чтобы оттолкнуться и прыгнуть. Хлопнул плащ, в унисон ему раздался короткий звон лопнувшей струны. Видимо, такой звук издал костюм Би, экзоскелет, швырнувший ее в воздух над головами горожан. Дуга, влекущая блестящий предмет, сошлась с воительницей, словно была предназначена именно для этого, и Би ударила по нему ногой.

На какую-то долю мгновения они словно застыли в воздухе, на высоте трех метров — Би в развевающемся плаще и маленький металлический шар. С такого расстояния Мириам даже умудрилась рассмотреть частые ровные рубцы, покрывающие его поверхность. Затем время снова ускорило. Жесткая мостовая ударила девушку в бок и по локтю.

Шар полетел обратно, в тот переулок, откуда его бросил маленький человек, и там взорвался.

V

Взрыв прозвучал как удар грома во время весенней грозы, заставив всю улицу отозваться жалобным звоном разбитых стекол и больно ударив по ушам. Крики горожан, зазвучавшие следом, показались Мириам приглушенными, словно пробивающимися через толщу земли. Зеваки, собравшиеся вокруг проповедника, бросились в разные стороны. Би мягко приземлилась рядом с Мириам и обернулась, видимо проверяя, все ли с ней в порядке. Ее глаза с невероятно расширенными зрачками смотрели сквозь девушку, словно обозревая всю улицу сразу. Судя по всему, увиденное удовлетворило Би. Не обращая никакого внимания на гвардейцев, кричащих ей что-то, она чуть пригнулась, выдернула из кобуры игольник и внезапно сорвалась с места с нечеловеческой скоростью, словно байк, оставив их смотреть ей вслед с разинутыми ртами.

Она бежала к переулку, в котором исчез маленький человек. Мириам тяжело оттолкнулась от земли разбитым локтем и кинулась вслед за ней, не дожидаясь, пока гвардейцы придут в себя.

Би исчезла из виду почти сразу, после первого же поворота, когда и без того узкая улочка сжалась еще больше, превращаясь в кишку из желтого кирпича. Сквозь заросли винограда на балконах почти не проникал свет. Зацепив стену плечом, оттолкнувшись от нее

и чуть не упав, Мириам вылетела на другую улицу, пошире, снова споткнулась, поймала краем глаза движение под низкой аркой и бросилась туда. Улица расходилась надвое, пыльный след, застывший в воздухе, неопровержимо указывал направо. По сторонам мелькнули маленькие окошки с желтыми стеклами, арки, ведущие на соседние улицы, металлические колонны, сплошь увитые сухим виноградом, и изумленные лица горожан. Почувствовав, как мало воздуха осталось в груди, Мириам побежала еще быстрее.

Ее хватило на пару кварталов, потом легкие окончательно заполнились жидким огнем, заставившим девушку перейти на шаг. Би впереди все так же не было видно, поэтому она просто пошла вперед, тяжело дыша и руководствуясь едва видимыми следами — царапинами на стенах, выбоинами на мостовой и сорванными виноградными лозами. Улицы в этой части города превращались в настоящий лабиринт, в сплетение узеньких коридоров, пропускающих сверху тонкие лучи света, обильно перемешанного с пылью и запахами города. В какой-то момент Мириам поняла, что окончательно заблудилась, а следы, по которым она идет, могут существовать исключительно в ее воображении. Девушка остановилась и тут же закашлялась. В груди сжался тугой проволочный клубок, стены переулка словно сдвигались с каждым вдохом, но нужно было идти дальше. Какое-то смутное ощущение продолжало подсказывать ей, что Би недавно была здесь, как если бы сами окружающие дома запомнили ее движение, нечто стремительное, целеустремленное, металлическое.

След заканчивался в тупике, миниатюрной забегаловке, укрытой полотняным навесом, с низким длинным столом и скамьей перед ним, за которыми, в нише стены, исходила паром небольшая полевая кухня. Было непривычно тихо, словно это место находилось не в центре Хокса. Би стояла недалеко от стола, по разные стороны которого сидели два человека. Один ел суп, а второй, видимо хозяин заведения, сосредоточенно читал электронную книгу.

Мириам подошла к столу, присела на краешек скамьи и снова закашлялась.

Человек, устроившийся там же, которого она приняла было за старуху из-за длинных и совершенно седых волос, отложил ложку и сказал, как-то странно выговаривая слова:

— Конечно, он пробежал здесь. Его трудно не заметить, впрочем, как и тебя.

Он повернулся, сел верхом на скамью, и Мириам с трудом подавила в себе желание вскочить. Половина его лица с бледной, словно у Би, кожей, прежде скрытая от нее, выглядела как разбитое металлическое зеркало. Куски металла покрывали ее в беспорядке, разделялись на сложную сеть трещин, словно кто-то разбил щиток шлема, да так и оставил, намертво приварив обломки к плоти.

— Куда он побежал? — резко спросила Би.

— Вниз. Малыш всегда возвращается в этот город внутри города, который стражи называют Ямой, — странность говора незнакомца стала еще более явной.

Чем дальше Мириам вглядывалась в его лицо, тем знакомее оно ей казалось. Она уже видела этого человека, только никак не могла припомнить, когда и где.

— Давно?

— Достаточно, чтобы ты не смогла догнать его. Он долго изучал эти места и готовился драться здесь. Умно!.. Он умеет строить планы, в этом ему не откажешь.

— Ты его знаешь?

— Что? Я видел всего лишь испуганного человечка с печатью паука и путаницей замыслов. Знаю ли я его? Нет. — Незнакомец придвинулся ближе, заставив Мириам вздрогнуть. — А теперь ты спросишь меня, кто я. Верно?

Рука Би упала на кобуру.

— Нет, я спрошу о печати паука, это важнее.

— Внешность обманчива. — Беловолосый чуть заметно улыбнулся, глядя прямо на Мириам. — Но его печать предельно конкретна.

— Он рейдер?

— Причем не из последних, хорошо знает этот город.

— И он здесь не один?

— Наверняка. — Незнакомец все так же пристально рассматривал Мириам. — Но если ты не хочешь спрашивать, то это сделаю я. Кто вы? Нет, даже ты, Ребекка Ли?.. Что скрыто в тебе? Я вижу то, что дремлет в твоей подруге, но ты!.. Он правильно боялся, этот умный убийца. С каждым твоим вопросом, с любым моим словом... Скажи мне, Ребекка Ли, как в одном человеке может быть столько пламени?

— Еще один пострадавший в пустыне, — задумчиво проговорила Би, и седой мужчина рассмеялся.

— К тебе это относится в большей степени, не так ли, Ребекка? Не твой ли след тянется от самого Эрга?

— Откуда ты меня знаешь?

— Если было бы так, то разве я задавал бы тебе вопросы? Я просто смотрю на тебя так же, как другие люди глядят на огонь, или на твою спутницу, как на прекрасный сон. — Беловолосый протянул руку и очень осторожно дотронулся до лба Мириам.

Мир вокруг потемнел.

Переулочек перевернулся. Мириам взглянула на мгновенно почерневшее небо так, словно оказалась в глубоком колодце. Цвета смешались, среди темных облачных лоскутов светлой полосой проступила рука Би с оружием.

— Что ты с ней сделал?!

— Похоже, я случайно разбудил ее. Не бойся, это не повредит девушке.

— Отойди от нее!

— Хорошо. — Седой мужчина встал.

Мириам ухватилась за край скамьи и села. Краски понемногу возвращались, их становилось все больше, как если бы вместо солнца в переулочке одна за другой зажигались цветные лампы.

— Дальше!

Беловолосый человек медленно поднял руки.

— Не нужно мне угрожать. Я ничего плохого ей не сделал.

— Не стоит мне советовать!

— Ладно, пускай так и будет. — Он протянул к ней пустые ладони, словно защищаясь. — Спи, Ребекка Ли.

Мириам, смотрящая на все это снизу, почувствовала, как по спине у нее побежали мурашки. Лицо Би расслабилось, словно повинувшись команде, затем ее губы сложились в знакомую страшную улыбку.

Очередь из игольника ударила туда, где стоял незнакомец, опоздав совсем немного. Тот перепрыгнул через стол и кинулся в дверь, ведущую в глубину дома.

Вторая очередь ударила ему вслед, в щепки раскрошила притолоку, но, видимо, не задела его.

Би запрыгнула на стол, чтобы бежать за ним, и обернулась. Мириам замерла и смотрела,

как она возвращалась, шагала по столу к ней и присела напротив, на скамье.

Незнакомая Би снова улыбнулась, дотронулась до щеки Мириам и спросила:

— С тобой все нормально?

Голос воительницы был тем же, но интонации — совершенно чужими.

— Уже да, — сказала Мириам.

— Он тебя не обидел?

— Кто?

— Тот, который убежал?

— Кажется, нет.

— Хорошо. — Лицо женщины расслабилось, и улыбка ушла.

Би опустила глаза и посмотрела на игольник, зажатый в руке.

— Что тут?.. — Она обернулась, рассматривая выбоины от игл на стене и хозяина заведения, все так же невозмутимо читающего свою книгу. — Опять! А где?..

— Он убежал, — сказала Мириам, забираясь обратно на скамью.

— И он тоже!

— Что вам принести, девочки? — Хозяин заведения наконец оторвался от электронной книжки и дружелюбно усмехнулся Мириам.

Он действительно выглядел намного старше ее, седые бакенбарды лежали на его щеках, словно наледь на окнах кара.

— Воды, наверное. — Мириам шмыгнула носом.

Чернота вокруг растворилась, оставив после себя совершенно незнакомый мир, как если бы переулочек, в который они всего несколько минут назад вошли, вымыл весенний дождь, убрал грязь и обнажил краски, не видимые до сих пор. Проступили детали — красноватый кирпич стен, мутные стекла в маленьких окнах высоко над землей, желтые побеги винограда на металлических столбах навеса, грязные пятна на полотне, натянутом над столом, — живущие своей жизнью, играющие десятками новых оттенков. Вглядываясь в исцарапанную деревянную столешницу, теперь представляющую собой совершенно захватывающее зрелище, Мириам не сразу поняла, что в переулочке появился еще кто-то.

Она вздрогнула, услышав незнакомый низкий голос:

— Вот вы где. Ничего не хотите мне рассказать?

— Как раз собирались, — ответила Би, и Мириам обернулась.

Она без труда узнала это лицо с расплюснутым носом, словно изуродованное множеством ударов. Шериф Хокса, встреченный ими прошлой ночью на площади, стоял всего в десятке шагов от них, одетый в простой черный бронежилет и плащ. Это было странно. Мириам не слышала, как он подошел. Шериф будто появился там прямо из воздуха. Озадаченная девушка успела рассмотреть тени двух здоровенных гвардейцев у него за спиной, у входа в переулочек. Потом темнота снова обрушилась на нее, совсем неожиданно, без предупреждения, как огромный пустынный ястреб из Эрга, подкарауливший неосторожного путника.

VI

Ей снилось, что ее несут на руках.

Она прекрасно осознавала, что это всего лишь видение, но просыпаться не хотела, тем более что нес ее Никки. Она не видела его лица в темноте, но чувствовала присутствие,

дыхание где-то рядом. Тогда Мириам попыталась заговорить с ним, но слова, как это часто бывает во сне, не прозвучали, а остались мыслями.

— С ней точно все в порядке? — спросил знакомый низкий голос, прозвучавший совсем рядом.

— Похоже на обморок. Дыхание восстановилось, сердце тоже бьется нормально.

Это говорила Би, и Мириам поняла, что уже не спит. Девушка хотела было сказать, что у нее нет никакого обморока, мол, она отлично себя чувствует, но почему-то промолчала. Ей было очень приятно лежать так, на чем-то мягком, и чувствовать, что Никки рядом, частичка сна, оставшаяся с ней.

— Тогда поговорим?

— Да.

— Вот и хорошо. На него не смотри, это наш офицер, он не из болтливых. Хочешь чаю?

— Да.

Металл звякнул о стекло, и этот звук заставил Мириам прислушаться. Откуда-то со стороны доносились голоса. Кто-то говорил на высоких тонах или кричал, пусть приглушенно, но совсем недалеко, видимо за стеной.

— Это карта города?

— А как же. Только тебе вроде как нельзя на нее смотреть.

— Она не соответствует действительности. Форма верхнего города отличается, орудийные башни расположены иначе, а бреши в стенах и вообще!.. Она специально тут висит, для посторонних, да?

Снова звякнуло стекло.

— Саймон верно говорил, что шутить с тобой не стоит. Уже семь лет его знаю, а все не могу привыкнуть к тому, что вы, праймы, чертовски быстро соображаете.

Мириам приоткрыла один глаз. Она лежала на кушетке у стены, а чуть правее за широким деревянным столом сидела Би. Напротив нее расположился шериф, разливающий чай из стеклянного чайника по металлическим стаканам. Кроме них, в большом помещении, заставленном шкапами и стойками для оружия, никого не было видно, но ощущение присутствия Никки, оставшееся со сна, не прошло, а, наоборот, стало еще сильнее.

— Так что там на площади случилось, расскажешь?

— У вас свидетелей человек десять.

— Чушь плетут. Даже мои парни ничего понять не успели. Но громыхнуло здорово, на другом холме слышно было.

— Осколочная граната.

— Кто бросил?

— Он ушел. Свидетель заметил татуировку Пауков.

— Паук? У нас?

— Да, в нижнем городе. Меня уже не удивляет наличие у них не только экспансивных боеприпасов, но и гранат. Интересно, какое еще оружие у них есть?

— Об этом мы скоро проведаем. — Шериф пододвинул Би стакан с чаем. — Только как бы нам всем такое знание боком не вышло.

Би молча взяла стакан и услышала:

— Ладно, про Паука мои ребята спрашивают, хотя надежды мало. Яма — место еще то. Если он там закопался, то его так просто не выковыряешь.

— А этот тип ясно показал, что и не будет там сидеть. Я думаю, он там не один.

— Это верно. Гады по одному не ползают. — Шериф выдвинул ящик стола и извлек из него жестяную коробку. — Тебе как, сахару положить?

— Да.

— Сколько?

— Много. — Би подула на чай, а Мириам закрыла глаза и сжала левую руку в кулак, пытаясь понять, все ли с ней в порядке.

Ничего не болело, пальцы слушались. Она слегка повернула голову и согнула колени. Саднил разбитый локоть, но в остальном девушка чувствовала себя так, будто проснулась утром, проспав не менее десяти часов. Ей даже хотелось умыться. Она помнила, как при ней люди падали в обморок от жары или голода. Но с Мириам никогда ничего подобного не происходило, и сейчас, похоже, дело было совсем в другом.

— Саймон сказал, что ты вроде как с нами остаешься, — снова раздался голос шерифа.

— Да. Он попросил помочь, пока его нет.

— Это барон прав. Проблем в городе выше крыши, а сейчас в особенности. Надо стены чинить, приводить в порядок пушки и укрепленные точки. Некоторые этим пользуются и совсем на голову залезают.

— Интересно. Кто же именно?

— Да вот ты за «Ягодкой» в переулке Молотов разделала, двоих чуть не насмерть. Потом с утра они к тебе ходили прощения просить. Так?

— Так.

— Молоты эти у меня как кость в горле. Через одного — ублюдки, по которым петля плачет, либо же им светит лет по десять исправительных работ. А ты шестерых из них раскатала, даже ствол не достав. Знаю, как все было. Я потом одного из них в больнице прижал, он не помнил толком ничего, но поговорить хотел очень. Так я к чему это — у меня костей таких, вроде Молотов, в глотке с десятков наберется.

— Не сомневаюсь.

— Только ты смотри, я не прошу их всех посреди ночи на лоскуты резать. Речь о чем идет: вдруг с ними проблемы возникнут, то мы вместе их решить можем.

Для города куда лучше будет, если виновные, скажем, в нападении загремят не потихому в больничку или в ров под стеной, а по всем законам на веревочке повиснут. Показательно, как Саймон говорит. Чтобы страх и уважение внушить тем, до кого иначе никак не доходит. Наемники, они в городах появляются только по большим праздникам или с крутыми проблемами. По праздникам, потому что напиться могут и деньги потратить, а с проблемами — потому что заработать ищут. Так вот, дочка, сейчас они не пить сюда приехали.

— Заметно.

— Нашивки у них ты тоже наверняка видела, глазастая. Уже с месяц они здесь, вместе с беженцами, три самые здоровые банды, что я вообще в жизни видел. А я много на что глядел, ты уж поверь. Молоты эти, с которыми ты вроде как знакома, да и Шипы тоже — редкие ублюдки. Яму под себя подмяли сразу, как приехали, тамошним житья не дают. Есть еще Вороны. У них банда поменьше, и они пока в городе особняком держатся, не знают, видать, под кого лечь.

— Яма — это нижний город?

— Да. Если на Хокс сбоку глянуть, то он на двух холмах, вроде как на... э-э-э, ягодицах, к примеру. А вот Яма — она прямо посередине получается, между...

— Можно не уточнять.

Мириам зевнула, открыла глаза и перевернулась на бок, стараясь не опираться на разбитый локоть. Би отставила стакан с чаем и пересела к ней на кушетку:

— Что-нибудь болит?

— Нет. — Мириам несколько раз моргнула, обнаружила в изголовье свой плащ и села. — Все нормально, я вроде как выпалась даже.

— Посмотри на свет.

Би встала, отодвинула заслонку на окне, рассеивающую солнечный свет, проникающий снаружи.

Луч, упавший на стол, мгновенно осветил полутемный кабинет шерифа, заиграл на металлических деталях шкафов и стекле чайника. Солнечные зайчики разлетелись по затененным углам, превратили тень в мешанину пятен разных оттенков, высветили массивные железные ящики у дальней стены, до сих пор не замеченные Мириам, и еще один стол, поближе. За ним сидел черноволосый гвардеец. Одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы сердце Мириам забилось быстрее, а ощущение присутствия Никки из сна усилилось невообразимо, почти до прикосновения, как если бы она стояла с ним рядом и чувствовала его дыхание на своей коже.

— На свет.

Мириам послушно перевела взгляд на окно.

Ей даже не пришлось зажмуриваться. Солнечный свет, пусть и яркий, содержал в себе цвета, разделялся на множество нитей или потоков, в которых играли пылинки, как будто прямо в окне повис прозрачный ярмарочный калейдоскоп.

— Реакция нормальная, зрачки двигаются, сотрясения нет, насколько я могу судить. — Би щелкнула заслонкой, и представление прервалось, заставив Мириам вздрогнуть от неожиданности. — Но я не врач.

— Да она и не выглядит больной, — сказал шериф. — Нормальная здоровая девчонка. Чаю хочешь?

— Нет, я лучше воды.

— Она там, в кувшине. Сейчас...

— Я сама могу сходить. — Би хотела было что-то возразить, но Мириам опередила ее, вскочив с кушетки.

Она всегда делала так после сна, чтобы избежать долгого пробуждения. Ощущения действительно были такими, словно девушка не падала в обморок, просто спала некоторое время, а теперь очнулась, свежая и полная сил. Кувшин, больше похожий на металлический баллон, стоял прямо за столом, под шкафом с бумажными папками, и Мириам пришлось взяться за него обеими руками, чтобы поднять и наклонить над стаканом, подставленным шерифом.

— Точно не больная, — констатировал тот. — Так кувшином ворочать. На чем мы остановились-то?

— На Яме, где прячутся Пауки.

— Да не столько Пауки, сколько бедняки. Солнце туда почти не достает, нехороший район даже в нормальное время. А сейчас и вообще каждый день по три-четыре трупа в канавах да в притонах. Мои ребята туда ходят не иначе как по трое, в броне и при стволах. Шипы заявили и по первому времени даже помогли нам: тамошних бандитов прижали, кого-то даже с концами, но так тихо, что только слухи поползли, хотя и совсем нехорошие.

Потом они и сами начали на местных давить, кредиты из них выбивать, да и не только там, кое-где в верхние районы захаживали. С Молотами у них конфликтов серьезных не было, хоть и смотрят они друг на друга как две собаки, грызущие одну кость.

— Картель их не купил?

— Хороший вопрос. Может, и хотел, да только я об этом не слышал. Шипы — они малость того, отбитые на голову, не знаю, что у них вообще на уме. Те же рейдеры, только всмятку, особенно главарь их, Рэдом зовут. Я специально проверял, нет ли татуировок, да не нашлись. Но Молотов Картелю с головой достаточно, он их у себя по всем точкам расставил вместо гвардии. Ему так надежнее, видите ли. Прикармливает, видать, но только ему кишка тонка воевать, да и Молоты не те ребята, на которых легко опереться. Ведь у наемника первая задача какая? Заработать! Вот они и пытаются денег выжать, кто откуда может.

Мириам залпом выпила первый стакан, налила себе еще один и отошла от стола шерифа, оглядывая помещение и чувствуя на себе изучающий взгляд Би. В нем светилось беспокойство, причем цветное, как во сне. Теперь Мириам ясно видела это. Сюда девушку принесла именно Би, это совершенно ясно, а не Никки, который сидел сейчас всего в паре шагов, уткнувшись в планшет за дальним столом, и изо всех сил делал вид, что пишет.

Наверное, она могла бы и не узнать его. В бронежилете гвардейца и наплечнике он казался гораздо шире и намного старше, чем раньше. Только копна волос осталась почти такой же, кажется, даже стала еще чернее, хотя это вряд ли возможно. Она подошла к его столу, присела на край, поставила стакан рядом и прислушалась к его дыханию. Замер ли оно так же, как у нее?

Замерло. Узнал, но по-прежнему продолжал писать, так и не подняв головы.

— А что они будут делать через три дня, когда Рука подойдет?

— У них и спроси. Я-то почему знаю? Саймон считает, что можно заставить наемников драться, а я думаю, что ему придется свои автопушки на башнях для них поберечь, чтобы они все сразу не сбежали.

— Саймон сам управляет пушками?

— А ты вроде не знаешь? На него тут все завязано — пушки, пулеметы, минометы. Ему же удобнее всех, он с джета своего далеко видит.

Мириам, уже совершенно упустившая нить разговора Би с шерифом, смотрела на пальцы Никки, все такие же красивые, умные, на его запястья, шею и видимую ей щеку, медленно покрывающуюся румянцем. Теперь у Никки тоже был цвет, незнакомый, такой, какого она и представить себе раньше не могла. Мириам растерянно подняла голову и наткнулась на взгляд шерифа, насмешливый, но добрый, с жалостью, прячущейся где-то на серо-стальной глубине.

Только тогда она поняла, что значит этот новый цвет, от которого так сильно напрягаются плечи Никки и сжимаются его челюсти. Парню было мучительно стыдно. Стыдно оттого, что она рядом.

— Я, наверное, пройдусь, — сказала она куда-то в промежуток между Би и шерифом, чувствуя, как дрожат губы. — А то что-то здесь жарко.

Девушка пошла к двери, чтобы выйти прежде, чем Би окликнет ее. Она успела. Голос Би застиг ее уже снаружи, на лестнице, спускающейся в широченный коридор.

Мириам не разобрала слов, потому что расплакалась.

В коридоре пахло как в конюшне, но Мириам не обратила на это ни малейшего внимания. Она просто уселась на ступеньку в нише, образованной выступом стены и скрывающей ее от тех, кто так громко кричал ниже, в коридоре, и плакала бесшумно, как доводилось ей всю жизнь, чтобы никто не видел и не слышал.

Отношение Никки не стало для нее неожиданностью. Станным казалось скорее то, как легко прочла она его чувства и как больно сделала этим себе. Ей нужно было забыть его давным-давно, сразу после ярмарки, так же, как он наверняка выбросил из памяти ее.

Она не раз уговаривала себя сделать это, но не смогла. Какая-то часть Мириам, тосковавшая по нему, поступила как предательница, как тот рейдер, который открыл бандам неприступные ворота Чикаго, и позволила воспоминаниям взять верх.

Девушка сжала челюсти и что было силы ущипнула себя за руку. Обычно боль помогала. Так вышло и сейчас.

— Не время реветь, — прошептала Мириам сама себе и вытерла слезы рукавом. — Завтра, может, умирать придется.

Она встала, опираясь о стену. Обморок не оставил никаких последствий кроме тех, которые коснулись зрения, но сейчас Мириам уже не была так уверена в том, что цвета изменились. Возможно, такое случалось с ней и раньше, а она просто не обращала на это внимания. Коридор, край которого был виден с лестницы, казался вполне обычным, не считая решетки, которой была забрана часть стены. Откуда-то снизу все еще доносились крики, однако при мысли о возвращении в кабинет шерифа Мириам замутило. Об этом не могло быть и речи. Снова вытерев слезы и поправив волосы, она решительно вышла из ниши и сбежала вниз по лестнице.

Источник шума действительно оказался совсем рядом. В самом начале коридора с зарешеченными стенами, тянувшегося очень далеко, видимо вдоль всего здания, располагалась стойка с ручными и ножными кандалами, которые удерживали там трех человек в потрепанной полотняной одежде жителей пустыни. На столе перед ними, окруженном несколькими гвардейцами, возвышалась неопрятная куча тряпья.

— Чье это? — кричал здоровенный гвардеец, протянув в сторону заключенных кривое лезвие какого-то отвратительного грязно-коричневого цвета.

— Не скажете, так будет общее, — добавил другой гвардеец.

Заключенный, прикованный посередине, потряс головой. То, что Мириам приняла за грязь у него на лице, оказалось свежими кровоподтеками.

— Либо одного повесят, либо всех, — сказал все тот же солдат.

Третий, очень толстый, сидящий на единственном стуле, молча оперся локтями о стол и положил подбородок на переплетенные пальцы.

Мириам оглядела коридор. Он тянулся очень далеко, по нему прохаживалось не менее десятка гвардейцев. Кроме того, в отдалении, на длинных скамьях, сидели еще люди, закованные в ручные кандалы. Кого-то тащили в камеру, кто-то кричал, и тут пахло совсем не конюшней, а человеком. Большим количеством людей, которые долго живут в одном месте.

— Это что, тюрьма? — спросила Мириам у ближайшего гвардейца, не такого большого, как остальные.

Тот вздрогнул и обернулся, а девушка шмыгнула носом.

— Нет, миз, — ответил гвардеец, удивленно глядя на нее. — Тюрьма ниже будет, в Яме, а это магистрат. Судебная часть здесь.

Толстый гвардеец, сидящий у стола, обернулся и неожиданно резво вскочил, забрасывая за спину тяжелый квадратный игольник.

— Да кого я вижу! Спящая красавица проснулась! — Толстяк подмигнул ей, и только тогда Мириам узнала его.

Разговорчивый сержант с блокпоста у въезда в долину.

— Добрый день, — сказала она, совершенно не зная, как себя держать, и протянула ему руку.

Тот отпрянул:

— Эй, нет, я тебя знаю. Сначала в нос дашь, а потом ствол отберешь!

Солдаты, окружавшие стол, взорвались хохотом.

— Что, думала, мы не слышали? И вообще тебе, считай, повезло, что младший Картель не побежал сюда жаловаться. Пришлось бы нам заявиться к Марте и арестовать маленькую миз за большую драку.

Хохот стал еще громче, и Мириам покраснела.

— А у нас тут опять разбой. Раньше такого не было, чтобы по три-четыре случая каждый день. Беженцы, сами бедные, жрать нечего, так еще и другим глотки режут. — Сержант сплюнул прямо на пол. — Ладно, в яму их, пусть посидят до ночи на воде, может, надумают что.

— Их повесят? — спросила Мириам.

— Одного точно повесят за убийство. А остальных — на работы, сейчас рук везде не хватает.

— Работы?

— Ну да, стены сами себя чинить не станут, еще рвы углублять надо, а эти, даром что худые, лопаты держать могут. Пошли со мной, покажу кое-что.

Зазвенели кандалы, беженцев отстегивали от стены по одному и тащили к лестнице, рядом с которой обнаружился спуск в подвал, закрытый широченным металлическим люком. Немного растерявшись, Мириам пошла вдоль клеток, едва поспевая за сержантом. Для своей комплекции тот двигался очень быстро. Ей раньше приходилось слышать про тюрьмы, но выглядело это еще хуже, чем она представляла. В каждой камере помещалось не меньше пяти или шести человек, спавших, игравших в карты или просто сидевших неподвижно. Большинство старалось не смотреть в ее с сержантом сторону. Когда один из заключенных при их приближении подошел к решетке, толстяк резко и очень сильно ударил по ней рукоятью игольника, заставив Мириам вздрогнуть, а его — отскочить подальше.

— Местная знаменитость, — сказал сержант, когда они, пройдя коридор более чем наполовину, приблизились к ряду решетчатых камер, еще более узких, чем остальные, и, видимо, рассчитанных на одного человека. — Не поверишь, за ночь чуть охрану не уговорил, чтобы его отпустили. Пришлось сменить раньше времени. Вставили бы кляп, да в камеру лишний раз заходить не хочется, даже втроем.

Мириам еще издали заметила знакомого человека, одиноко сидящего на скамье за решеткой, но сперва не поверила своим глазам.

— Монах? — спросила она удивленно.

Кейн приподнял шляпу, закрывающую его глаза, и улыбнулся знакомой открытой улыбкой, которую не портил даже огромный фиолетовый синяк, расплывающийся вокруг его левого глаза.

— Знакомая морда, да?

— За что его? — спросила Мириам. — Он же просто монах.

— Да какое там просто, — сказал сержант, с некоторым опасением глядя на Кейна, встающего со скамьи. — У него язык с хайвей длиной.

— За это его и посадили в клетку? — Мириам обернулась к сержанту. — А что он такого сказал?

— Да уж, наговорил он нам... хороших вещей. А до того этот святой человек «Белую кошку» на уши поставил.

— Какую кошку?

— Бордель разгромил, что в верхнем городе, отметелил охранничков, аж шесть или семь человек. Они даже гвардию позвали. Причем трезвый был, сдался сразу, как нас увидел, но ущерб нанес серьезный, хорошо, что не убил никого. Теперь исправительные работы ему светят, на полгода как минимум. Я вот подумал: раз он с вами ехал, то, может, и не стоит его сразу на работы? Там и настоящих висельников хватает.

— А сколько он вам должен?

— Мне? Он борделю должен, то бишь Картелю, его хозяину. Кредитов двадцать.

— Пятнадцать, если быть точным, — сказал Кейн, и сержант обреченно кивнул.

— Вот, сама видишь, язык без костей.

— Ты и правда устроил драку? — спросила Мириам у Кейна.

— Нет, начал не я, но это здесь важным не посчитали.

— А это тебя... охранники?

— Глаз? Нет, гвардейцы, уже после того как я отдал дубинку и сдался. Да я на них не в обиде — они были испуганы.

— Да забрала бы ты его уже. — Замок на решетке звякнул, и сержант рывком распахнул дверь. — А то, честное слово, прибью его сам либо... Если бы он нас последними словами крыл, так нет ведь, такое говорит, что последней мразью себя чувствуешь, и так со вчерашнего вечера. За десять кредитов забирай, если сейчас нет. Потом сам к Марте схожу, но только уведи его подальше.

— Я лучше сейчас, — сказала Мириам, развязывая кошелек на поясе. — А где его винтовка и все вещи?

— Винтовка? — удивился сержант.

— Они наверху, в оружейном шкафике, — спокойно сказал Кейн. — Я слышал, как ваши люди их делили.

— Что значит слышал? Показалось, наверное.

— Отдайте винтовку, — решительно сказала Мириам, копируя тон Би. — А то десять кредитов все-таки!..

— Десять за него, но вообще-то...

— Что-то не так, Кив? — Голос шерифа подействовал на сержанта как-то странно, заставив его словно увянуть и уменьшиться в размерах. — Девочка решила забрать монаха?

— Да вот...

— Если он ей нужен, пусть забирает. Отдай его вещи.

— Да. — Сержант подобрался. — Сейчас отдам.

Би, подошедшая следом за шерифом, протянула Мириам ее плащ и хотела было что-то сказать, но бросила косой взгляд на шерифа и промолчала.

Когда двадцать минут спустя они вышли из магистрата, оказавшегося тем самым широким зданием, похожим на кар, солнце уже стояло высоко. Пыль, поднятая прохожими,

затянула лицу белой жаркой пеленой, сквозь которую в отдалении ярким вертикальным бликом проступал металлический шпиль церкви.

— Спасибо, — сказал Кейн, сосредоточенно подгоняющий застежки бронежилета.

— Пожалуйста, — ответила Мириам.

— Что думаешь сейчас делать? — спросила Би.

— Мне нужно закончить то дело, за которым я сюда приехал.

— Разнести бордель до конца?

— Это получилось случайно. Другое дело.

— Хорошо. Мы остановились в «Индюке».

— Это я уже знаю. Стражники обсуждали вас всю ночь.

— И что они говорили?

— Ты не захочешь это слушать. — Кейн забросил винтовку за спину. — Но я постараюсь прийти в «Индюк», как только разберусь со своей проблемой.

Он слегка поклонился Би, затем Мириам и сбежал вниз по ступенькам.

— А ты? — спросила Би. — Ничего не хочешь мне сказать?

— Хочу, — ответила Мириам. — Мне очень стыдно.

— За что?

— За то, что я такая дура! Мне нужно было забыть его давным-давно, но я все еще продолжала думать, что, может быть, если приеду и встречу его, то все опять будет как раньше, представляешь? Все еще продолжала мечтать как маленькая девочка. — Мириам вытерла слезы и обнаружила, что Би смотрит на нее с явным недоумением.

— Я просто хотела узнать, как ты себя чувствуешь. Ты потеряла сознание посреди улицы, причем во второй раз — очень надолго.

— А, это ерунда, я чувствую себя просто отлично. Я о том, что не могла оставаться с вами в той комнате, потому что...

— Из-за шерифа?

— Нет! — испугалась Мириам. — Из-за Никки.

— Гвардейца за столом?

— Да, он... Ну, помнишь, я рассказывала тебе про свою татуировку, как я сделала ее для...

— Но мне не показалось, что он тебя знает...

— Да! — Слезы буквально брызнули из глаз Мириам. — Это хуже всего! Он мог сказать, что все кончено, мол, женат, не может, но даже не набрался храбрости, чтобы поднять на меня глаза! Он... Я такая дура!

Мириам разрыдалась, и Би, помедлив, неловко обняла ее, отчего та заплакала еще громче. Так они и стояли некоторое время. Слезы девушки текли по черной рубчатой броне, многочисленные прохожие отворачивались, стараясь не смотреть в их сторону, а где-то в жаркой пыльной глубине улицы тяжело звонил колокол, оповещая о наступлении полудня.

Глава IV

Интермедия IV

Кейн выбрал столик в стороне от остальных и уселся спиной к стене, обозревая площадь. Полдень едва миновал, и заведения, выходящие на нее своими фасадами, только начинали просыпаться. «Белая кошка», запомнившаяся ему по прошлой ночи, оказалась прямо напротив. Круглая сцена, возвышавшаяся посреди площади, наполовину скрывала ее вывеску.

Он улыбнулся официантке, поставившей перед ним стакан и графин с яблочным соком, но та только зевнула в ответ и покосилась на винтовку, лежащую на стуле рядом с ним.

— Она сейчас подойдет, — сказала женщина, глядя, как он наливает себе сок.

Многочисленные сережки в ее ушах разбрасывали блики при каждом слове.

— Ты точно уверен, что нужна именно она? А то пошлет тебя, и ни одна другая девчонка не согласится.

— Точно, — ответил Кейн.

Сок оказался теплым, и в животе заурчало — монах ничего не ел со вчерашнего дня. Официантка снова зевнула и ушла под навес, в тень, где на плетеных стульях дремала пара здоровенных вышибал в черных безрукавках.

Опустошив стакан, он наполнил его снова, взял винтовку и смотал защитную ленту. Те несколько часов, которые его оружие провело в руках гвардейцев, не оставили на нем заметных следов, но в этом следовало удостовериться. Ствольная насадка отсоединилась с привычной легкостью, в пазах все еще оставалась смазка. Кейн положил насадку на стол, рядом с графином, и снял прицел.

— Тебе точно девчонка нужна?

Голос был низким, красивым и совершенно незнакомым. Кейн поднял глаза. Солнце оказалось как раз у нее за спиной, превратив пушистые волосы в алый ореол вокруг головы.

— Подружка вроде у тебя уже есть, да?

Кейн отложил прицел и встал.

— Привет, рыжая, — сказал он и улыбнулся.

Она не ответила, просто молча стояла, рассматривая его, и в ее зеленых глазах поочередно сменялись злость, удивление, боль.

— Да чтобы черти меня!.. — Она оттолкнула стул, порывисто шагнула к Кейну и обняла его, привстав на цыпочки. — Ты живой! Да ты... Какого хрена!..

— И ты живая, — сказал он, чувствуя на щеке ее слезы. — Давно не виделись, Анита.

— Неужели? — Она отстранилась, рассматривая его. — Дурак! Ты как меня нашел вообще?

— Прошел за тобой.

— Меня искал? Но зачем?

— Потому что пообещал. Ты разве не помнишь?

— Помню. Кейн, а лет сколько прошло? Десять?

— Двенадцать. А это имеет значение?

— Давай сядем. — Она склонила голову, и Кейн пододвинул ей стул.

Глядя, как Анита стирает слезы, стараясь не повредить макияж, Кейн пытался вспомнить, как же она выглядела тогда, в прошлом, и не мог. Всплывающие образы

оставались обрывочными... Тоненькая девочка с огненными волосами, темный загар, стройные босые ноги, рыжая челка. Но сейчас перед ним сидела взрослая, очень красивая женщина.

Совершенно, абсолютно незнакомая.

Анита небрежно взмахнула рукой, и к их столику почти подбежала официантка.

— Виски, Тина, графин.

— Виски?

— Да, и закусить. Глазами зря не хлопай, друг это.

— Я не пью, — мягко сказал Кейн, когда официантка поспешно ушла.

— Я пью. — Длинные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями безостановочно двигались по браслетам, украшавшим левую руку до самого локтя. — Зачем ты пришел?

— Я уже сказал.

— А я не верю. Мы детьми были, могла и не узнать.

— Не могла.

— Уверен? Татуировка эта и глаз подбитый!.. Почему, Кей? Столько лет!

Несколько секунд он молчал, подбирая слова.

— Я монах. У меня не должно быть привязанностей. Но я обещал найти тебя, и это оказалось проще сделать, чем отбросить.

— Монах? А вроде хотел стать солдатом.

— Я им и был, пока не понял, что не хочу выполнять чужие приказы.

— На тебя похоже. Сначала одно хотеть, потом передумать, стать монахом и прийти ко мне, чтобы меня же забыть. — Она коротко и очень тихо рассмеялась. — Даже не спросить, что со мной происходило, кем я была все эти годы.

— Я знаю.

— Дурак. Что ты можешь знать?

— Я вернулся в дом твоих родителей, узнал о работорговцах, которые увели тебя, выведал о них все. Для этого пришлось обойти четыре стоянки. Из тех, кто участвовал в том рейде, в живых оставалось только трое. Они не помнили тебя, но я нашел документы, электронные записи продаж.

— Живы еще. Надо же!

— Уже нет. Те, кто купил тебя, странствующий цирк из Фаэтона... Он распался, я нашел лишь одну акробатку в театре, у самых стен Чикаго. Она вспомнила рыжую девочку, которая здесь сбежала. Потом все было просто. Я расспрашивал о тебе всех, кто бывал в Хоксе. Меня искали, так что пришлось сделать крюк через Эрг, а потом...

— Я поняла. — Анита наклонилась вперед и дотронулась до его руки. — Я почти забыла эту дорогу, имена, лица. Не хочу вспоминать. Пусть и дальше в аду отдыхают. — Она замолчала, рассеянно поглаживая его пальцы.

Подошедшая официантка сноровисто расставила на столе металлические рюмки и тарелочки с холодным мясом. Анита взяла у нее из рук пузатый графин с виски и поблагодарила кивком.

— Не хочешь?

Кейн покачал головой и смотрел, как Анита до краев наполнила свою рюмку.

— Тогда за встречу! — Она залпом выпила виски, снова с верхом наполнила рюмку, но пить не стала. — А ведь ты совсем другой теперь, правда?

— Правда. И ты... Я бы тебя не узнал.

— Краски поярче, одежда получше, колечки-запястья. Только волосы, считай, прежними и остались.

— У тебя всегда были красивые волосы.

— Не такие. Ты после Фаэтона меня не видел, подстричься пришлось считай наголо, для парика, чтоб в их пьесе дурацкой носить, но акробатки из меня все равно не вышло.

— Тебе не хватило терпения?

— Вроде того. Просто я к тому времени поняла, что с мужским полом у меня получается куда лучше. К чему на столбе кувыраться, если те же деньги можно за пару минут заработать? — Она снова опрокинула рюмку. — Без особых выкрутасов. И бока не отбиты, и спину не ломит. Что это ты улыбаться перестал? Сейчас самое время пожалеть, что нашел меня. Или, может, сказать что-нибудь мудрое падшей женщине. Как там святоши говорят?

— Я обещал тебя найти, но не судить. — Кейн наклонился и сжал ее руку.

— И правда, — сказала Анита. — Да и я тебя, да? Много ли народу ты убил?

— Сколько пришлось.

— Вот видишь, и у тебя тоже не все просто. Хотел стать солдатом, а сделался монахом. И я тоже мечтала много, особенно поначалу. Но мне жаловаться грех. Здесь, в «Сладкой белке», меня никто, считай, не обижал, старше меня только наша мама. Мужчин я сама выбираю, да и девчонки меня любят. Неплохо все вышло, Кей.

— Я рад, но мое обещание остается в силе.

— Что? Смешной ты. Кто в наше время обещания ценит? Где они, наши четырнадцать лет, Кей?

— Здесь, Анита, с нами.

— Да, опять правда. — Она хотела было снова наполнить рюмку, но передумала и поставила графин на место. — Хватит с меня, а то, пожалуй, напьюсь еще. Съешь что-нибудь, я и отсюда слышу, что у тебя в пузе творится.

— Спасибо.

— Не благодари, а поешь. Ты где остановился?

— В «Индюке», насколько я помню.

— В «Индюке»? Ты знаком с баронессой?

— С кем?

— А, ладно, слухи это, болтовня девчачья. Девушка в броне, из Атланты, с бароном нашим рядом на площади была. Красивая, говорят. Приручила огра. — Анита рассмеялась. — Что только не болтают.

— Занятно. — Кейн взял с блюдца кусочек мяса. — Баронесса и огр.

— Да. Насчет тебя тоже трепаться станут, Кей. Вон, уже начали.

— Меня это не волнует.

— Меня тоже. Ты ведь хорошо стреляешь, да?

— Интересно, что ты спросила об этом. — Кейн прожевал мясо и снова протянул руку к тарелочкам. — Возможно, я плохой проповедник, но никто еще не жаловался на то, как я стреляю.

Анита поймала его руку, словно кошка, хватаящая ящерицу.

— Тогда у меня к тебе будет просьба. Небольшая-небольшая, особенно по сравнению с тем, что ты уже сделал.

— Мне не очень нравится, как это звучит.

— Так, может, тебе награда понравится? Хотя ты и монах, но должно же быть что-то, что ты хочешь? Очень-очень?

I

С волос Мириам капала вода.

Перед тем как умыться у платной колонки, охраняемой невысоким горожанином в смешной белой шляпе, она честно попыталась найти в карманах резинку для волос и не смогла. Девушка даже не помнила, брала ли ее с собой из дому, и была явно не в том состоянии, чтобы задумываться над этим. Вода, видимо отстаивавшаяся в одном из резервуаров на крышах, оказалась теплой, но все-таки освежала.

— Побыстрее! — прикрикнул было коренастый торговец, но затем покосился на ее кобуру и замолк.

За Мириам уже образовалась очередь из пары женщин с бутылками и ведрами, и она сочла за лучшее отойти в сторону.

— Так лучше? — спросила Би, глядя, как она отжимает волосы, собирая их на затылке.

— Да. У меня глаза совсем красные?

— Нет. — Би прислонилась плечом к стене дома, неровной, из ноздреватых бетонных плит, явно позаимствованных из старых развалин. — Может, ты хочешь пить? Мы могли бы зайти...

— Не хочу. — Волосы Мириам упали ей на плечи, и вода мгновенно начала просачиваться сквозь новый плащ, но поправлять их она не стала. — Я и так сильно тебя задержала. Если бы кто-то другой так себя вел при мне! Истерики, обмороки! Как маленькая, нет, даже хуже.

— Я не поняла, что там случилось, — прервала ее Би — И никто бы не догадался.

— Там?

— Да, в переулке.

— Этот человек что-то сделал со мной. — Мириам посмотрела вдоль улицы, на решетчатую башню и площадь, до которой они так и не дошли. — Не понимаю, что именно, но, кажется, я стала иначе видеть.

— Он приказал мне спать. — Би оттолкнулась плечом от стены. — Дальше я ничего не помню.

— Ты его чуть не убила.

— Чуть? Я стреляла почти в упор, в автоматическом режиме, и промахнулась. Я видела следы на стенах. Как он мог увернуться?

— Не знаю. Он просто убежал.

— Не просто. Это не рейдер и не наемник. Я не знаю, как его назвать и что ему нужно. Совсем как тот инфильтратор, у входа в долину.

— Он сказал, что не враг, мол, не хотел ничего плохого.

— Как и тот!..

— Но этот, кажется, знал тебя по имени, только назвал не совсем так. Он забыл добавить последнюю часть к твоей фамилии... — Мириам запнулась, глядя в лицо Би, на которое словно опускалась невидимая грозовая тень. — А я даже не знала, что бывают такие, составные.

— Да, — совсем тихо ответила Би. — Вторая часть — фамилия мужа, но это не важно.

Пойдем, нам еще нужно отдать батареи.

Как выяснилось, с одного холма на другой вели и более короткие пути, не проходящие через Яму. Женщины шли вдоль восточной стены, на которой сейчас кипела работа. Мириам успела заметить пару ржавых кранов, ворочающих бетонные блоки среди толпы грязных рабочих, охраняемых гвардейцами.

Буквально через десять минут они с Би оказались в толкучке, на знакомой площади, под решетчатой башней. Вместо проповедника на возвышение теперь забрались три девицы в ярких платьях. Толпа, окружающая их, то и дело взрывалась смехом и свистом в ответ на выкрики и неприличные жесты барышень. Они привлекали явно больше народа, чем проповедник, да и у лотков толкучка оказалась сильнее, так что идти через площадь стало трудно. По крайней мере, Мириам, все еще не привыкшей к такому количеству людей, оказалось сложно поспевать за Би, чувствуя себя в толпе как рыба в воде. К тому же у нее начинала болеть голова, не сильно, но ощутимо, словно тугим обручем сдавливая виски. Мириам знала, что это реакция на слезы, и чем дольше плакать, тем больше будет потом. Стараясь не споткнуться и никого не толкнуть, она пробиралась через толпу следом за Би и неожиданно уткнулась лбом ей в затылок.

— Что за?.. — сказала Би, поворачивая налево, к лоткам, окружающим площадь.

Проследив за взглядом своей спутницы, Мириам сразу заметила причину ее удивления, которую и невозможно было бы не увидеть.

Возле ближайшего лотка, раскрашенного в яркие кричащие цвета, возвышалась огромная фигура в потертой кожаной куртке с металлическими вставками, рядом с которой маячили три маленьких человечка, держащихся за руки.

— Держи кредит, ворюга, — донесся до девушки бас Арго, когда они с Би протолкались поближе. — Давай вот эти, зеленые, красные, и вон ту птицу в сахаре. Что тебе? А, еще тянучек. Что значит много? За один кредит в самый раз.

— Ты вроде не собирался выходить, — сказала Би, подходя к лотку.

Таня, держащая Рока за руку, виновато посмотрела на Мириам, но палочка от леденца, торчащая у нее изо рта, не очень соответствовала выражению глаз девчонки.

— Так сколько можно взаперти сидеть? — прогудел Арго в ответ. — Что-то ты мрачная, прайм. Леденец хочешь?

— Нет, — отрезала Би.

— А ты? — Арго протянул Мириам огромный кулак, из которого торчали разноцветные леденцы на палочках — улыбающиеся рожицы, яблоки и плоские красные ястребы. — Бери зеленый, он с мятой.

— Спасибо, — сказала Мириам и взяла леденец в виде цветка.

— Тебя разве не ищут наемники? — снова спросила Би.

— Пусть они своих матерей ищут!.. — Арго хотел было еще что-то добавить, но покосился на Тони, оживленно грызущего крыло птицы в сахаре, и с хрустом откусил голову леденцовому ястребу. — Не полезут они ко мне в городе посреди дня, побоятся.

— Ко мне полезли.

— Так ты не такая страшная.

Би покачала головой:

— Все равно это лишний риск.

— Да ладно тебе волноваться. Тут малышня города ни разу в жизни не видела, а ты хочешь, чтобы они в подвале сидели? Да и мне скучно стало, вот я им и пообещал холмы

показать, леденцов купить... еще пива.

— Чего?

— Нет, это не для них. — Арго посмотрел сверху вниз на Таню. — Что-то мы тут застоялись в толкучке, да, мелочь? Пошли на большой холм посмотрим и пирог съедим?

— Пошли, — к удивлению Мириам, сказала Таня, не вынимая леденца изо рта, и снова виновато на нее посмотрела.

Выглядела она при этом так забавно, что девушке оставалось лишь улыбнуться в ответ.

— Давай я схожу с ними, — сказала она Би. — А ты пока сможешь отдать батарее тому торговцу — как его?.. — и быстро нас найдешь.

— Это опасно.

— Только не со мной, прайм. — Арго передал всю охапку леденцов Мириам, так что ей пришлось взять их в обе руки. — И не волнуйся так, в обиду я их не дам.

— Куда вы пойдете?

— Через ворота, по этой вот улице, потом налево и выше на три квартала находится обзорная площадь. Оттуда еще южный холм видно.

— Ясно, мы проходили там вчера. Я буду через полчаса, не больше.

— Дождемся. Сама смотри не потеряйся, а то искать пойдем.

Мириам снова улыбнулась. Солнце миновало зенит и спряталось за облаками, толпа в центре площади хлопала в такт движениям одной из девушек, которая, похоже, раздевалась. От ближайших лотков пахло ванилью и жженым сахаром. Как ни странно, у девушки совсем перестала болеть голова.

— А что там за пирог, который вы хотели съесть? — спросила она.

II

— Случилось что? — спросил Арго, когда шумная площадь осталась позади, уступив место тихой извилистой улочке, прикрытой от солнца виноградными зарослями на широких металлических террасах и мостиках, переброшенных с крыши на крышу.

Мириам только покачала головой. Во-первых, ей действительно не очень хотелось говорить о событиях этого утра, а во-вторых, мятный леденец в виде зеленого цветка у нее во рту не очень к этому располагал.

— Да ладно, — сказал Арго. — Я же не слепой. У тебя глаза на мокром месте, вон даже малая заметила. Так?

Таня, оживленно вертящая головой во все стороны, внимательно посмотрела на Мириам. Ее леденец тоже не позволял ей принять участие в разговоре.

— А прайм бы тебя так просто в обиду не дала. — Арго вполглаза следил за Роком, прячущимся от Тони среди деревянных подпорок, удерживающих бетонную стену дома, стоявшего дальше по улице.

Почему-то Мириам была уверена, что гладиатор наблюдал не только за этим. Она не раз и не два замечала короткие взгляды, бросаемые им по сторонам, несмотря на внешнюю расслабленность.

Большой человек постоянно оставался начеку.

Леденец во рту Мириам стал совсем тонким, и она с хрустом раскусила его.

— Случилась моя глупость, — тихо, чтобы не слышали дети, сказала она Арго. — И все.

— Глупость?

— Встретила своего бывшего, а он сделал вид, что меня не знает. — Мириам почувствовала, как слезы снова наворачиваются на глаза. — Просто отвернулся, и больше ничего. Я знала, что так все и будет, что он такой, но все равно обидно.

Арго едва заметно кивнул, словно даже не словам Мириам, а своим мыслям, и она неожиданно для себя самой вдруг начала рассказывать ему о ярмарке, о том самом времени, которое так ярко вернулось к ней этим утром. Они шли по узкой улочке, Рок и Тони дурачились впереди, Таня степенно следовала чуть позади, и Мириам говорила о том, о чем даже не помнила в течение долгих месяцев, что накапливалось и собиралось одинокими ночами после смерти родителей... О своих нехитрых радостях, детской любви, надежде, о цветных прожекторах и музыке, о том, как встретила Никки. Девушка понимала, что слова ее спутанны. У нее при всем желании не получится рассказать большому человеку о том, что она чувствовала прежде и что пришло сейчас. Желание поделиться с ним своими воспоминаниями, по сути, оказалось бесплодным. Арго кивал, но молчал. Тогда она продолжила говорить о днях в городе, полном людей и песен, об ощущении будущего, пестрого и яркого, как фонарь с цветными стеклами... и так быстро пришедшего к своему логическому завершению во дворе ее прошлого, сожженного фиолетовым лазером Би.

— Фиолетовый? — тихо спросил Арго, прервав ее, и Мириам замолчала, чувствуя, как растворяется напряжение, так стеснявшее ее последние недели, а то и месяцы. — Ты знаешь, что тепловой луч нельзя увидеть?

— Нет.

— Люди загораются, точно факелы, плавится песок, и ты даже не понимаешь почему. А ее оружие создано, чтобы ослеплять, чтобы все видели, как убивает прайм. Я слышал о таком.

— Видимо, она особенная. Извини за то, что рассказывала тебе все это. Я просто...

— Я не привык долго говорить, но это не значит, что не умею слушать. Тебе повезло, у тебя были родные, и даже этот мелкий урод доставил тебе радость.

— А у тебя разве?..

— Я раб по рождению. — Арго наконец повернул голову к Мириам, и она чуть не присела, встретив его взгляд, полный злости. — У меня не было ничего. Меня купили в детстве, в возрасте девяти лет продали в крепость Детройт, а потом отобрали в гладиаторскую школу. Я уже тогда хорошо дрался, и это увидели. Они всё замечали. — Арго указал вперед, на знакомый уже Мириам красно-белый шатер посреди площади, к которой они как раз подходили. — Представь себе бетонную яму размером с эту площадь, десятки клеток и людей в них, грязь, вонь и кровь. Так выглядит рынок рабов под Фаэтоном, в тени Детройта. Самая большая клетка предназначена для боев. Я дрался с семи лет или даже раньше, сколько помню себя, за похлебку, за место, где можно поспать, и так просто, чтобы жить.

— Но Би сказала, что ты знаменитый.

— Я купил себе свободу и уехал в Атланту, а слава ничего не стоит. Здесь меня никто не знает, и это хорошо.

— А почему ты покинул Атланту?

— Потому что я и вправду хочу отдохнуть. — Зубы Арго издали отчетливый скрип металла о металл.

— Ты устал драться?

— Да, и не только. Эй, мелочь, держись поближе.

Арго за шиворот оттащил Тони от крайнего столика под шатром, за которым жутковатого вида оборванец, с ног до головы закутанный в грязные тряпки, ел рисовую кашу, зачерпывая ее из тарелки руками. Тот стрельнул в их сторону черными, неожиданно живыми глазами и снова углубился в свою трапезу, а Мириам внезапно поняла, что цвета, которые она начала видеть в переулке, никуда не делись. Просто она отвлеклась ненадолго. Цвет оборванца обозначал ту боль, которую он испытывал при еде. Мириам знала, что так оно и есть, хотя тот человек никак этого не показывал. Арго был цвета сдерживаемой ярости, что-то кипело и переливалось внутри него, а Таня отсвечивала любопытством.

— Сейчас посмотрим, хватит ли на всех пирога. Главное, не показывай испуга.

— Что?

— Вон те ребята, за крайними столиками, видишь? Это ими я вчера вышиб двери в «Индюке».

— Вот эти? — Мириам всмотрелась в группу мужчин, сидящих у другого края полосатого шатра.

Черные безрукавки, копья, несколько длинных ружей и цвет — напряжение и злость.

— Я, конечно, не запомнил все морды, но парочка из них точно вчерашние. Если что, придется снова ими пол вытереть.

— Может, и нет. — Мириам поймала взгляд наемника, сидящего посередине, и кивнула ему. — Это они приходили сегодня утром говорить с Би. Извинились перед ней.

— Извинялись, говоришь? Может, и у меня прощенья попросят? Хотя не похоже, смотри, как у них морды повытягивались. Заметили меня. Но спину им точно показывать не стоит, не так поймут.

— То есть лучше к ним подойти?

— Если ты их знаешь, то надо бы поздороваться. Только давай мелочь тут оставим. — Арго наклонился к Тане. — Эй, будешь за старшую, мы на пару шагов отойдем. Сядешь за этот столик, малых держи при себе, чуть что — ори со всех сил, чтобы я услышал.

— Это ты о чем? — растерянно спросила Таня, беря Рока за руку.

Тот подозрительно покосился на нее, но вырваться не стал.

— Ты старшая, сама поймешь, — сказала Мириам.

— А вы куда?

— За пирогом ходим, — ответил Арго. — Это быстро.

— Хорошо.

Только сейчас Мириам обратила внимание на то, как тихо на площади. Прохожие жались к домам и обходили шатер стороной, а музыка, игравшая прошлым вечером очень громко, теперь была едва слышна.

— Они всех распугали? — тихо спросила Мириам, когда они с Арго отошли от столика, за которым устроились дети. — Вчера тут было гораздо больше народу.

— Позавчера тоже, — проворчал Арго. — Эх, чувствую, не до пирога нам сейчас будет.

— А что они тут делают?

— Да не пьют, и это плохо. Видишь, тут не только Молоты, вон те, с белыми нашивками, — это Шипы.

— Шипы? Но их ты, наверное, не бил?

— Еще как! Вы просто не застали. Я всех бил. — Арго сплюнул на мостовую и сказал уже громче, обращаясь к высокому наемнику, запомнившемуся Мириам по утреннему визиту: — Привет, бойцы! Что грустите? Где вино и девки?

Флай — именно так запомнила его имя Мириам — криво ухмыльнулся и ответил:

— Я бы тебе сказал насчет девок, но только смотрю, что ты не по делу пришел. С миз Мириам мы живем в мире, с ее друзьями тоже. К тому же вы с детишками, так что не по-мужски выйдет, ежели за старые обиды тебе вспоминать, верно?

— Да ты, я смотрю, правильный мужик. — Арго жутковато улыбнулся, обнажив металлические зубы. — Хорошо сказал. Посчитаться всегда успеем. Да и ты не один, как я посмотрю.

— Флай! — Имя прозвучало как ругательство.

За столиком с Шипами, стоящим в отдалении, поднялся невысокий наемник в броне с широкими металлическими пластинами на груди. Его квадратное лицо излучало злобу, но цвет, который Мириам увидела в нем, не соответствовал выражению. Это был страх.

— Флай, мы так не договаривались! — выкрикнул он. — Пусть проваливаются отсюда!

— Да мы вообще пока никак не договаривались. — Флай хмыкнул. — Чего орать?

Улыбка Арго, казалось, стала еще шире.

— А я тебя не помню, — сказал он. — Когда я твоим парням морды бил, ты где был? За спиной у них прятался?

Шипы, сидевшие за тремя столиками, молча поднялись. Молоты мгновенно прореагировали на их движение, и музыка под шатром затихла. Две группы вооруженных мужчин стояли друг напротив друга, разделенные парой столиков и рядом стульев. Затем в тишине раздался тихий смех Флая, единственного человека, оставшегося сидеть.

III

Мириам огляделась.

Кроме наемников под шатром сидели еще шестеро горожан. Они, видимо, только теперь осознали, что творится нечто из ряда вон выходящее, и сейчас медленно покидали свои столики. Не пошевелился только закутанный оборванец, на которого Мириам уже обращала внимание. Закончив со своей кашей, он пристально наблюдал за происходящим.

— Не кипятись, Рэд, — сказал Флай, отсмеявшись. — Ты же слышал, еще придет время личные счета сводить. Уберите стволы.

— Не слышал, — ответил тот, кого он назвал Рэдом, по всей видимости возглавлявший группу Шипов. — Что он тут делает? А главное, что ей здесь нужно?

Мириам несколько раз моргнула, но палец Рэда недвусмысленно указывал на нее.

— Так нас это и не касается, — взвешенно ответил Флай.

— Меня касается! — почти взвыл в ответ Рэд. — Где одна, там и другая.

— А ты боишься что ли? — спросил его Арго и хотел было что-то еще добавить, но Флай прервал его:

— Эй, а ты на пулю нарываешься, да? Так они нынче не дешевы, а иголки и того дороже! Хочешь сдохнуть красиво, пойдешь со стены прыгни башкой вниз, а к людям нечего приставать. Рэд, убираем стволы, в цирке по клоунам не стреляют!

— И то верно, — прошипел тот.

— Эх, повезло вам, что я сегодня не один, — проворчал Арго. — В другое время позабавил бы вас эти слова обратно в глотку, а так подождать придется.

— Вот-вот, — поддержал его Флай. — Ты денек отдохнешь, а завтра на трезвую голову пообщаемся, если захочешь. А сейчас у нас тут свои дела. Видишь, парни нервничают.

— Я бы на их месте тоже психанул. — Арго повернул голову, глядя куда-то за спины наемников, на площадь. — Это не торгош ли главный сюда идет?

Мириам отступила в сторону и выглянула в просвет между распорками шатра, к которому быстрым шагом приближалась группа людей. Картеля, возглавляющего ее, Мириам узнала сразу, несмотря на черный кожаный плащ вместо дорогого пиджака. Остальные трое, судя по броне и отсутствию нашивок, были его телохранителями, а маленький человек в черном плаще, идущий с ним рядом и лишенный цвета...

— Паук!

Флай обернулся на ее вскрик и удивленно поднял брови:

— Чего, миз?

— Этот, рядом с Картелем, — это Паук!

— Что она несет? — выкрикнул Рэд. — Уберите ее отсюда. У нас разговор...

— Это Паук, я его узнала. Именно он сегодня утром кинул в нас гранату!

— Вот даже как... — протянул Флай.

— Что здесь происходит? — Картель почти вбежал под шатер, остановился и разглядывал Арго и Мириам. — Это... что они тут делают?

Маленький человек не зашел вслед за ним, а остановился снаружи. Мириам в упор встретила его взгляд. Глаза, лишенные эмоций, не выражали ничего, напоминали просто пару черных отверстий, сделанных в неподвижной маске лица.

— Ничего не происходит. Я же сказал, пусть валят, или уйдем мы!

— погоди кричать, — сказал Флай. — Это же твой человек. Миз ошиблась, наверное, да и проверить такое легко.

— Чего? Я не понял, мы говорить тут будем или ее слушать?!

— Это ты не понял, — заявил Флай и вышел из-за стола, тогда Рэд отодвинул своего человека и шагнул ему навстречу. — Ты слышал вообще, что она сказала?

Может, тебе и без разницы, а вот мне рейдеры должны и моим парням тоже. Пусть руки покажет, а то мы нервничать начнем.

— Руки? — Рэд подошел еще ближе, положив ладонь на кобуру с тяжелым револьвером. — Ты мне что, на слово не веришь?

— Да что ты, Рэд, верю, конечно. — Флай ухмыльнулся. — Но тебе же совсем не трудно, мелочь такая. Пусть он рукавчики закатает, все вопросы сразу и пропадут. Ерунда ведь.

— Что это за комедия? — вмешался в разговор Картель. — Какие рукава? У нас деловой...

— Так это дело, шеф, — столь же невежливо перебил его Флай. — Или ты взрыва с утра не слышал? Ну что, Рэд, закатает он рукава или нет? А то мы долго не те разговоры разговариваем, уже скука заедает.

— Закатает. — Рэд обернулся. — Шото, ты слышал. Покажи руки.

Маленький человек даже не пошевелился, все так же глядя на Мириам.

— Ты что, плохо слышишь?

Ничего не выражающий взгляд скользнул по Рэду и его людям. Шото отвернулся и быстро пошел прочь от шатра.

— Вот тебе и ответ. — Флай оскалился. — Сам его завалишь или пусть лучше мои ребята пальнут?

— Стой! — выкрикнул Рэд и рванул револьвер с пояса. — Замри!..

Выстрел, ударивший из рядов Молотов, развернул его на месте. Мириам еще успела заметить, как маленький человек выбросил руку в сторону, словно отдавая команду, когда земля ушла у нее из-под ног. Арго схватил девушку в охапку и кинулся под прикрытие ближайших столиков.

Выворачиваясь из его объятий, Мириам увидела, как Флай прыгнул на ближайшего чужака, вооруженного ножом, и сбил его на землю, как остальные Шипы отвечали огнем на огонь, как слаженно валились столики Молотов. Залп из ружей в мгновение ока заволок дымом половину шатра, оставив лишь долю секунды для того, чтобы девушка заметила, как Таня с испуганными глазами в другом его конце прижимала Тони и Рока головами к столу.

— Пусти меня! — завопила Мириам, но Арго сдвинулся с места лишь для того, чтобы перебросить еще один столик, закрывая их обоих.

— Пусти! — закричала она еще громче, рванулась и с трудом удержалась от того, чтобы не впиться зубами ему в руку.

Арго, не ожидавший ничего подобного, перекатился в сторону. Мириам, извернувшись ужом, выбралась из-под него. В дыму беспорядочно хлопали игольники и трещала мебель, а там, где Шипы сошлись с Молотами врукопашную, мелькало что-то страшное: копья, маленькие топорики, Флай с окровавленным лицом и ножами в обеих руках.

Мириам пригнулась и кинулась к детям. Она то и дело падала на четвереньки, пряталась, где только могла, и на полпути заметила, что их столик тоже повален, лежит, закрывая девчонку, мальчишек и кого-то еще.

— Таня! — Мириам вкатилась за укрытие, толкнув плечом уже знакомого нищего, замотанного тряпками, который, несмотря на явную опасность, пытался выглядывать из-за края столика.

Таня оказалась более практичной или просто не такой любопытной. Она сидела, обняв обоих мальчиков и закрыв уши руками.

— Это бандитский конфликт? — Голос нищего, срывающийся от волнения, оказался неожиданно молодым, и Мириам, которая не совсем поняла суть вопроса, оставалось только смерить его удивленным взглядом.

Цвет оборванца совсем не изменился. Этому человеку было больно, и, несмотря на это, у него оставались силы на подобные вопросы.

— Пригнись, — сказала Мириам.

Словно услышав ее, шальная пуля с треском вырвала кусок стола, за которым они все не очень-то и помещались.

Выглянув в образовавшееся отверстие, она увидела, что бой практически закончился. Молоты, перебегая за обломками мебели, окружали небольшую группу Шипов, прячущихся за тем, что осталось от стойки бара в центре шатра. Картель с парой телохранителей, видимо не пострадавший в перестрелке, не скрываясь, отходил к его краю. Высматривая, что же случилось с Арго, Мириам выпрямилась во весь рост и тут же об этом пожалела.

Картель заметил ее и направился к их столику.

— Ты вообще понимаешь, что натворила?! — закричал он еще шагах в десяти, под аккомпанемент пальбы. — Да тебя пристрелить мало!

Поняв, что прятаться от него бесполезно, Мириам отступила от стола. Еще одна игла, выпущенная со стороны Шипов, впилась в столешницу рядом, но это почему-то уже не страшило девушку. Краем глаза она все еще видела, как вдалеке встал Арго и зачем-то поднял круглый деревянный стол, за которым прятался, так легко, словно тот ничего не

весил.

Только когда Картель схватился за револьвер, висящий на поясе, Мириам вспомнила о своем игольнике. Но сейчас этот делец и его телохранители были уже слишком близко, и она отступила от столика еще дальше, чтобы между ними не оказались дети.

— Я недооценил тебя. — Картель держал оружие уверенно, черный ствол смотрел в лицо Мириам, но она не видела его.

Цвета, мерцающие в этом человеке, захватили ее. Сомнение, ненависть, но больше всего страха.

Неужели перед ней?

— Мне сказали, что с праймом путешествует обычная девчонка, и я послушал. Зря. Тебя нужно было убирать с дороги первой, дальше стало бы гораздо легче.

Он говорил еще что-то, но Мириам вглядывалась в него и уже ничего не слышала. Далеко за ним, на площади, проступил новый цвет.

Очень хорошо знакомый.

Мириам улыбнулась, и револьвер дрогнул.

— Вы не собираетесь стрелять, — сказала она. — Вы вообще не любите убивать людей. Если бы вы хотели это сделать, то приказали бы другим, но не сейчас, когда все смотрят.

— Ты так уверена в этом? — спросил Картель удивленно.

— Да, — сказала Мириам настолько уверенно, насколько смогла. — Стрелять в нас сейчас очень глупо.

Маленькая черная фигурка возникла далеко за спиной Картеля, на краю площади. Она стремительно приближалась к шатру, мелькая в просветах между опорами и набирая скорость. В какой-то момент Мириам просто потеряла ее из виду за клубами дыма. В следующую секунду опоры шатра жалобно загудели, а плотная ткань купола затрещала. Би приземлилась среди обломков стойки. Она упала сверху, вдоль центральной опоры, и расшвыряла Шипов, прячущихся там. Картель не выдержал и оглянулся. Мириам не столько увидела, сколько почувствовала, как мимо пронеслось нечто большое. Круглая деревянная столешница, брошенная Арго, словно огромный метательный диск, ударила в телохранителей Картеля и сбила их с ног. Никто больше не стрелял. Би вышла из-за центральной опоры шатра, волоча за загривки двух наемников, и швырнула обоих в сторону остолбеневших Молотов.

Затем жуткая маска повернулась в сторону Картеля и Мириам.

— Это плохое решение, — сказал механический голос.

Картель отступил в сторону, за стол, не зная, в кого целиться — в Би или в Арго, медленно приближающегося с другой стороны и выразительно прокручивающего в руке ножку стола.

— Флай! — позвал он, и его голос сорвался. — Эй, ты живой?

— Будешь смеяться, шеф. — Флай показался из клубов дыма.

Теперь его ухмылка больше походила на оскал, лицо заливала кровь, текущая из пореза на лбу, а в груди справа торчала рукоять ножа.

— Это самые тупые переговоры, что я в жизни видел.

— Не умничай. — Картель отступил дальше за стол и пинком отшвырнул нищего, оказавшегося на его пути.

Прореагировав на это движение, Би выхватила игольник, а Мириам присела, обнимая детей.

— Ты должен меня охранять! — заявил делец.

— А что, есть проблемы? — Флай, сопровождаемый парой Молотов, оставшихся в живых, медленно шел к нему. — Тут сплошь друзья, разве нет?

— Опустит оружие, — сказала Би. — У меня цифровой спуск, ты не успеешь выстрелить.

— Ты бы ее послушал, шеф, — поддержал ее Флай. — С ней на пистолетах не тягаться.

— Это так ты меня защищаешь?!

— А если ты сам себе в голову стреляешь, мне что, свою башку подставлять? — закричал в ответ Флай, закашлялся и с удивлением покосился на нож, торчащий в его груди, словно только сейчас заметив его.

— Она сорвала нам переговоры. — Картель медленно опустил оружие. — Если бы не эта баба!..

— Кто? — Флай обошел Арго и встал рядом. — Ты сам-то понял, кого привел? С Шипами дела вести — это одно, с рейдерами — совсем другое.

— Об этом не тебе судить!

— Опаньки! А кому? Тут только что шесть моих парней легло, а этот гад ушел!

— Паук? — спросила Би.

— Да, — ответил Флай и снова закашлялся. — Он с Шипами был, из ихних, под Рэдом ходил.

— Давно?

— Недели три. Можно было бы у Рэда спросить, где он его взял, да только ему первому дырку проделали, когда заварушка началась.

— Кто-то из Шипов остался жив, расспросите их или шерифу отдайте. Понятно?

— Не распоряжайся моими людьми! — прошипел Картель и замер, обнаружив, что Би внезапно оказалась совсем близко и асимметричные линзы, не выражающие совершенно ничего, смотрят на него снизу вверх, в упор.

— Ты мог не знать, — сказал механический голос. — Но если был в курсе, я лично тебя убью, купец.

— Угрожаешь мне? — спросил Картель, но Би уже отвернулась, подойдя к Мириам и детям.

— Глупо с праймами шутить, — сказал Флай, поймав его взгляд — А с рейдерами дружить и того тупее.

— Заткнись!

— Так и сделаю, когда все слова из меня выйдут. Она права. Если ты знал, то моим ребятам на глаза лучше не попадайся.

— Что?

— Что слышал! — Несколько секунд Флай и Картель стояли, сверля друг друга взглядами, затем делец отвернулся и пошел в ближайший переулок.

— Добились своего? — тихо спросил Флай, глядя вслед ему и телохранителям, спешащим за ним. — С Шипами и договориться можно было. Пацанов моих жалко. Позднс ты сказала.

— Как только увидела. — Мириам встала, все еще обнимая Таню.

— И с Седым поссорился рановато, — сказал Флай и снова закашлялся.

Би быстро оглядела Мириам и детей, повернулась к нему и проговорила:

— Тебе нужно в госпиталь, у тебя пробито легкое.

— Сам знаю. Залатают меня, не волнуйся, не в первый раз. — Флай оглянулся на

Молотов, обыскивающих трупы среди обломков мебели, и трех живых Шипов, стоящих на коленях у центральной опоры шатра. — Мы этих слегка расспросим, сколько их и прочее.

— Мне нужно будет знать все, что они скажут. — Би склонилась над нищим, который так и не поднялся после пинка Картеля. — До последнего слова.

— Как скажешь, баронесса.

— Это шутка?

— Да как посмотреть. Я вроде не смеюсь. Мы пойдем, пожалуй. Нам с гвардией делить нечего. Ты бы...

— Я объяснюсь с шерифом, а тебя жду вечером.

— С докладом, как же. Приду, если не сдохну.

Молот, ближайший к Флаю, подхватил его, когда тот начал оседать на землю, и помог идти. Арго отшвырнул ножку стола, которую до сих пор сжимал в руках, и присел рядом с Мириам.

— Все хорошо, — ответила та на его вопросительный взгляд. — Нас даже не поцарапало.

— Повезло, — ответил тот мрачно и дотронулся до Тани, все еще прижимающей ладони к ушам. — Не бойся, мелочь, все прошло. Кто леденец хочет? У меня еще остались.

Мириам передала леденец Року, которого, похоже, перестрелка не сильно напугала. В паре шагов от них Би приподняла нищего и отшатнулась, когда того вырвало кровью прямо ей под ноги.

— Он так сильно его ударил? — спросила Мириам.

— Нет. — Би снова присела, подняла с земли что-то, плотно замотанное в тряпки, и протянула оборванцу, едва стоящему на ногах.

— Это твое?

— Да, офицер, это мой компьютер, — очень тихо ответил тот.

— Офицер? — удивилась Би.

— Пожалуйста, отдайте, — сказал нищий, покачнулся и чуть не упал.

Вместо ответа Би протянула руку и сорвала тряпку, закрывающую его лицо.

— Что там с ним такое? — спросил Арго.

Би не ответила, молча протянула голодранцу его сверток, и тот вцепился в него так, как человек, умирающий от жажды, хватает флягу с водой.

— Пойдешь с нами, — сказала Би. — У меня есть обезболивающие лекарства. Ты вообще можешь идти?

— Да, офицер, — ответил нищий еще тише.

Мириам переглянулась с Арго.

— Кто он? — спросила девушка.

Би провела рукой по горлу, страшная маска распалась пополам, и Мириам внезапно увидела цвет. Это было как вращающиеся лопасти ветряного генератора, отражающие восходящее солнце, как миллионы капель росы на склонах долины Хокса.

«Как в одном человеке может быть столько пламени?» — всплыли в памяти слова беловолосого незнакомца, а потом цвет ушел.

Осталась только жалость, с которой Би смотрела на оборванца, стоящего перед ней.

— Помнишь, ты спрашивала про небесных людей?

— Да, — ответила Мириам.

— Посмотри на него. Вот так они выглядят на Земле.

Дети учились рисовать, вернее, делали все что заблагорассудится с цветными мелками и мятой бумагой, выданными им Мириам. Взрывы, намалеванные Роком, уже израсходовали на себя большую часть красного и черного мелков, покрыв заодно изрядную часть стола тонким слоем цветной пыли. Таня смотрела на него неодобрительно. Само по себе это занятие, похоже, не очень ее заинтересовало, и она медленно выводила что-то на одном листе бумаги, пользуясь для этого синим мелком, зажатым в кулачке Тони. Иногда мальчишка пытался вносить в картину свои коррективы, тогда дома и фигурки людей начинало словно сносить ветром. Они вытягивались в стороны и вверх.

Мириам, севшая обедать позже всех, отодвинула тарелку с остатками каши. Пыль от мелков, разбрасываемая Роком, попала и туда, добавив каше вкус мела и краски. Рисуя очередной взрыв, Рок издал особенно громкий рык, долженствующий озвучить картину. Мириам воспользовалась паузой в лихорадочном движении пальцев, окрашенных в красный и черный, и отобрала у него мел.

Рок озадаченно заморгал.

— Пойди попроси у тети Марты молока, — сказала ему Мириам и придвинула к себе пачку чистых листов, ставшую за последние двадцать минут значительно тоньше.

— Но я не хочу молока, — возразил Рок.

— Не для себя — для всех нас.

— Для всех-всех?

— Да.

Рок вскочил, словно подброшенный одним из взрывов, нарисованных им, и побежал к стойке бара, как если бы молоко могло неожиданно закончиться или убежать. Его энергия не переставала удивлять Мириам. Рок вел себя так, будто и не было долгой прогулки по городу, беготни с Тони по улицам, перестрелки, напугавшей всех, кроме него, и обратного пути, тоже довольно долгого, вконец измотавшего Мириам.

Впрочем, на ее долю наверняка просто пришлось больше событий. Так она рассудила, выводя первую линию. Мелок крошился и пачкал пальцы, но, несмотря на усталость Мириам, линии выходили прямыми и непривычно четкими.

Под ее пальцами, словно действующими сами по себе, медленно проступало лицо Джино Альмейде, небесного человека, сидящего сейчас за соседним столиком, рядом с Би. Не то, на которое Мириам и сейчас не могла смотреть без содрогания, покрытое пигментными пятнами и ожогами, сочащимися кровью, а другое, настоящее, какое наверняка было бы у него, останься он в небесном городе, как полагается тамошним обитателям.

Мириам отодвинула неоконченный портрет, поглядела на него с некоторым удивлением, потом выдернула лист из зажима и встала. Джино сидел, положив забинтованные руки на свой электронный планшет, по которому медленно двигались цифры и буквы. Он тихо беседовал с Би и, кажется, записывал их разговор.

— Да, замедлители, — донеслись до Мириам его слова. — И антирадиационная обработка, инъекции суспензии в мышцы. Очень больно и совершенно бесполезно, учитывая те дозы, которые я получил сразу же, на выходе из модуля.

— Но должно же быть что-то...

— Здесь? Нет, вы совершенно невосприимчивы к радиации, в таких дозах по крайней

мере. У вас никогда не было необходимости лечить то, что вызывает зуд или, в худшем случае, делает ваш загар темнее. Вам просто нечем мне помочь.

— А ваши средства?

— В моем состоянии? Разве что пересадка спинного мозга и печени. Стерильный бокс, невесомость и многие месяцы мучений, не дающих никакой гарантии на выживание. Даже без медицинского образования я понимаю это. Вы, я полагаю, тоже.

Мириам положила перед Джино портрет, и тот замолчал. Движение букв на планшете тоже остановилось.

— Это я? — спросил он и поднял на Мириам черные блестящие глаза, выглядывающие из щели в бинтах, плотно покрывающих его голову, большую часть лица и медленно пропитывающихся розовой сукровицей. — Но как? Вы же не видите!.. Даже я не помню, когда так выглядел.

— Не знаю, — сказала Мириам, придвигая себе стул. — А похоже?

— Да.

— Это хорошо. Оно само так получилось, я давно ничего не рисовала.

— Ты умеешь это делать? — спросила Би.

— А разве нужно? — удивилась Мириам. — Я просто рисую, вот и все. А ты не голодна? Ты ничего не ела с утра и с того момента, как мы пришли, ни разу...

— Нет, я...

— Она права, — сказал Джино. — Вы ничего не ели. Помогли мне вымыться, вкололи в меня кучу лекарств, перебинтовали и совершенно забыли о себе.

— Вот-вот, — поддержала его Мириам. — На обед очень вкусный бульон из курицы. Вам тоже, наверное, его можно, даже если плотать больно. А для тебя я закажу еще и двойной стейк, а то с утра столько всего произошло! Ты бегала, несла меня, а потом еще и...

Ее прервал звон. Рок, несущий от стойки поднос с металлическими стаканами, поставил его на стол слишком резко. Один стакан упал на пол, молоко разлилось. Рок скорчил виноватую рожицу, взял уцелевший стакан, поднес Мириам, а та, недолго думая, поставила его перед Би.

— Это коровье молоко? — спросил Джино, снова берясь за планшет.

— Да, — сказала Би, пододвигая ему стакан. — Пейте, там кальций и...

— И соли тяжелых металлов, — сказал Джино. — Вы же помните, его не везут наверх.

— Оно для вас ядовитое? — удивилась Мириам.

— Не только молоко. — На планшете перед Джино рядами выстраивались слова. — Любая другая еда, вода, даже воздух.

— А что же вы тогда едите?

— Крепости разрешают к вывозу очень узкий список продуктов, — сказала Би. — Никаких фруктов и ягод, несколько сортов зерна...

— Да. — Джино осторожно дотронулся до стакана, словно ожидая, что тот взорвется у него в руке. — Никаких фруктов. — Решившись, он поднес стакан к губам и сделал несколько глотков. — Уже нет никакого смысла бояться. Мне осталось так мало!.. Я даже ничего не успел попробовать, записываю все, но какой в этом смысл? Я ведь даже не узнаю, какое на вкус молоко или яблоки.

— Я попрошу у Марты яблок, — сказала Мириам. — Только кое-чего не понимаю.

— Почему я здесь, да? — Джино закашлялся и чуть не уронил стакан, поэтому Мириам пришлось придержать его за руку. — Я сбежал.

— С неба? — удивилась Мириам. — Но зачем?

— Чтобы узнать, на что похожа жизнь.

Мириам озадаченно посмотрела на Би, но та только пожала плечами.

— Вам это кажется странным, — продолжил Джино. — Но там, наверху, люди не живут. Мы существуем в закрытой и кондиционируемой среде, питаемся специально отобранными и очищенными продуктами, наши учебники устарели еще сто лет назад. Лучшие из нас погибли в последней войне, а все остальные просто не знают, зачем им еще существовать.

— Мне случалось говорить с представителями Атланты А, и казалось, что они знали, чего хотели, — сказала Би.

— Вы говорили с военными. Да, им кажется, что они знают. Технологии в обмен на сырье, оружие за зерно. Наши генералы позволяют самым сильным из вас создавать крепости, отгораживаться от всего остального мира, но понятия не имеют, что им делать дальше. Поверьте, меня же, как и вас, готовили, чтобы анализировать информацию.

— Меня обучали далеко не для этого, — мрачно ответила Би.

— Да, я знаю. Они дали вам технологию прайм-линк, а вы сделали из нее оружие. Мы никогда не применяли ее для военных, у нас она используется только предсказателями, особым классом аналитиков. Меня готовили, чтобы принять прайм-линк, но на это должно было уйти еще десять лет, а у вас...

— Шестилетний подготовительный курс. — Би с легким удивлением посмотрела на Таню, которая предоставила Року и Тони возможность рисовать что и как им угодно и уселась на стул рядом с Мириам, сжимая стакан с молоком обеими руками. — Но не столько аналитика, сколько боевые тренировки, упражнения на концентрацию, работа на тренажерах.

— И сколько... каков процент успеха при установке линка?

— Каждый третий сходит с ума или получает необратимые повреждения психики в течение месяца после операции. Но мы все знаем, на что идем, и желающих много, даже больше, чем нужно.

— Вот видите! Вы знали, на что шли, а мы боимся. Нас так мало, вы догоняете нас слишком быстро и ведете себя агрессивно. Еще одна причина страха в том, что у вас рождается столько детей. — Джино отпустил планшет и осторожно дотронулся до ладони Тани.

Та зажмурилась, но руку не отдернула.

— А у небесных людей? — не выдержала Мириам.

— Мы практически не способны к размножению. Бесплодие, мертвые дети или мутации, делающие их нежизнеспособными, и так — на всех станциях пояса. Космос уничтожает нас, на самом деле уже убил три или четыре поколения назад. Мы выращиваем детей искусственно, и только за разглашение этого факта меня никогда не пустят обратно.

— Почему?

— Потому что это слабость, — ответила Би.

— О да, — прошептал Джино. — Вы же воспринимаете это именно так, сразу.

— Но что...

— Небесные города действуют с позиции силы, — пояснил Джино, и Би кивнула. — Они ставят условия королям, и те подчиняются. Ведь мощь крепостей — это их подарок, который можно и отнять. Но в тот момент, когда короли поймут, что им нечего больше

бояться... — Он засмеялся и сразу снова закашлялся. — Так началась вторая война, только у вас она называется Последней. Сгорело все, что еще могло пылать, пали города, лопнули небесные струны. Мы отдали выжившим слишком много знаний, а они ничего не сумели, кроме как снова сжечь их. Все умерло, информационные сети сгорели вместе с нашим общим прошлым, а космическая радиация убила наше будущее. Как могут вообще жить люди, не знающие ничего о своей истории, уничтожившие ее собственными руками?

Мириам растерянно посмотрела на Би. Из последней тирады небесного человека она не поняла почти ничего. Би правильно истолковала ее взгляд и пожалала плечами.

— Перед Последней войной информация хранилась на электронных устройствах вроде той книги, что ты читала когда-то, или этого планшета. Она была самым драгоценным, что осталось от старого мира, того, который был до войны, и сгорела. Оружие, которое использовали тогда, в Последней войне, разрушало технику и все сложные устройства, а заодно убивало все записи. Поэтому мы так мало знаем о том, как это произошло. Почти не осталось книг, движущихся картин и довоенной музыки.

— А их было много? — спросила Мириам.

— Чего?

— Ну, музыки и картин?

— О да, — ответил Джино. — Одни списки названий того, что уже никогда не прочитать и не увидеть, можно листать часами. Две тысячи лет человеческой памяти!.. А то, что мы отдаем вам в обмен на зерно, — не более чем жалкие обрывки.

— Но разве нельзя будет создать их? Новую музыку и историю?

— Историю, которая не зафиксирована, невозможно сохранить. Я спустился вниз, чтобы самому все увидеть и записать. Мы почти не знаем, что происходит внизу, этим занимаются военные. Мне пришлось украсть спасательный модуль, взять с собой только самое необходимое. Я рассчитывал обменять лекарства на еду и проезд до ближайшего города, но фермеры, которых я встретил на дороге...

— Они ограбили тебя и бросили в пустыне, — сказала Би.

— Да, но потом другие подобрали меня и помогли добраться сюда. Мне повезло, что мой компьютер остался цел, а сам я протянул так долго. Я не рассчитывал, что уровень радиации будет настолько высоким, а защитные средства окажутся практически бесполезными.

— Но если ты знал, что не можешь здесь жить, то почему?.. Нет, не так. Если ты знал, что можешь просто так умереть, то почему все же?.. — Мириам окончательно запуталась в собственных словах, встряхнула головой, и ей показалось, что Джино улыбнулся:

— Я не хотел умирать, если ты об этом. Но иначе не мог. Понимаете, меня всю жизнь учили собирать информацию, работать с ней, а потом объяснили, что новых знаний нет. Мол, мне остается только перебирать обрывки и осколки некогда великих вещей, а настоящий, живой мир недостижим для меня. Я могу каждый день видеть его, потому что он совсем рядом, но никогда не узнаю его суть. Этот мир мне враждебен, готов убить меня. Так и вышло, да еще и медленно. Но знаете, за то время, пока был здесь, я столько всего узнал. Мы... меня приучили думать, что внизу живут мрачные и ограниченные люди, но на самом деле вы счастливы.

— Да? — мрачно спросила Би. — А те фермеры, которые тебя ограбили?

— Ваша жизнь, она совсем другая, — ответил Джино. — Вы не знаете, чем завершится сегодняшний день, зато можете пережить так много. Я тоже так хочу, потому что ни на что

другое времени больше не осталось. — Он вытер кровь с губ куском бинта, немного удивленно посмотрел на него и обмяк на стуле, запрокинув голову назад.

Мириам вскочила, но Би оказалась быстрее. Она обошла стол, забросила руки небесного человека себе на спину, подхватила его под колени и подняла, словно мешок с зерном.

— Я отнесу его наверх, — сказала воительница. — Он проспит часов пять. Я уколола ему глюкозу, антибиотики и снотворное. Странно, что этому средству понадобилось столько времени.

— Теперь он умрет? — спросила Таня.

— Не сейчас, — ответила Би, и голос ее дрогнул, несмотря на тяжесть на плечах. — Но ему очень плохо, так что лучше не беспокоить его зря.

— Но он сказал, что хочет побольше всего увидеть.

— Да. Но теперь это невозможно.

Би понесла Джино вверх по лестнице. Таня некоторое время смотрела им вслед, потом заплакала, и Мириам обняла ее.

— Он же хороший человек, правда? — спросила девочка, всхлипывая. — А почему тогда ему так плохо?

— Не знаю, — сказала Мириам. — Но Би... Ребекка ему поможет.

— Ее зовут Ребекка?

— Да.

— А как ты узнала?

V

— А где Арго?

Капля воды упала среди красных штрихов и образовала небольшую кляксу. Мириам отложила мелок и взглянула на Би:

— Прямо как он, правда?

— Да. — Би собрала мокрые волосы на затылке.

В обтягивающей белой майке и полотняных брюках, слишком широких для нее, она была почти похожа на обычную девушку из тех, что прежде останавливались у Мириам. Те девушки не носили тяжелые игольники за спиной, у них просто не могло быть таких глаз, как у Би, — тревожных, полных клубящейся темноты. Сейчас ее цвет говорил о тревоге и напряжении, которое готово было вот-вот превратиться в действие, полыхнуть огнем. Мириам уже в который раз задумалась о том, что за женщина спасла ее тогда, разрушив дом. Былая незнакомка становилась ей все более и более близкой.

— Он ушел сразу, как поел. Не сказал куда. — Мириам поправила воротник Тани, спящей рядом на стуле.

С момента ее ухода наверх прошло больше часа, но Би не заметила, как пролетело время. Ворох изрисованных листов перед ней стал толще. Теперь там были портреты Тани, упрямо выпячивающей подбородок, Рока, показывающего язык, Тони, жующего четки, Арго...

— Это он начал драку на площади?

— Нет, кажется, это я.

— Ты?

— Я узнала Паука, и после этого началась перестрелка. Одной банде наемников не

понравилось, что он пришел.

— Да, Молотам. Картель хотел, чтобы они договорились с Шипами, поделили между собой город и заключили с ним какое-то соглашение. Конечно, он мог и не знать, что с Шипами пришел Паук.

Мириам почти с ужасом наблюдала за тем, как Би рассеянно перебирала рисунки и остановилась на последнем — портрете красивой улыбающейся девушки с миндалевидными глазами и необычной высокой прической.

— Как странно, — сказала Би и дотронулась до рисунка, словно проверяя, настоящий ли он. — Ты и его так вот изобразила?

— Как?

— Ты не копировала внешность, руководствовалась внутренним зрением, верно?

— Ну да, наверное.

— Ты раньше тоже так делала?

— Наверное, нет. — Мириам задумалась. — Но я всегда любила рисовать, особенно в детстве и когда было чем. Как-то я расцветила домики для гостей. Все быстро облезло, но несколько месяцев они были такими яркими!

— А почему тут красный?..

— Черный я оставила Року, к тому же мне он не нравится. Что-то не так?

— Не знаю, — ответила Би. — А этот портрет похож на меня?

— Да, кажется, я видела это. — Мириам смутилась. — Все так глупо! Мне приснился сон, в котором ты была в длинном платье, таком, знаешь, красном с черным рисунком.

Пальцы Мириам словно сами собой ухватились за мелок, выводя узор рядом с портретом. Би наклонилась над столом и тихо вздохнула.

— Что?

— А когда тебе это приснилось?

— Давно. Кажется, еще до того, как мы приехали в город. Да, точно. Помнишь, мы еще остановились в долине?

— Да, я не забыла. Действительно, это было так давно. — Би тихо пододвинула стул, чтобы не потревожить Таню, и присела за стол. — А где дети?

— Я отправила их наверх, спать, позже проверю, чтобы Рок не хулиганил.

— А Таня?

— Мы с ней болтали. — Мириам смутилась. — О всяком. Она спрашивала, что мы делали целый день, и я ей немножко рассказала про церковь с именами и симпатичного барона.

— Какого?

— Ну да, он очень даже хорош собой. Ты разве не заметила? А как там на базаре? Ты отдала батареи, как хотела?

— Нет, я никого не нашла в том шатре. Но у нас достаточно денег, так что это проблема Джеффри. Весь этот день прошел как во сне. — Би пододвинула к себе планшет Джино, рассеянно посмотрела на него, и Мириам показалось, что она сейчас улыбнется, но этого не произошло.

По планшету медленно поползли буквы, но Би словно не видела этого.

— Когда ты сказала про сон, я тоже подумала о том, что всего несколько дней назад мы были в пустыне. Эти дни словно не настоящие, как если бы их и не было. Кто-то придумал за меня...

— Не настоящие?

— Мне кажется, что я не все помню, что некоторые моменты просто выпали у меня из памяти, знаешь, как в этих картинках, которые дают детям. Их нужно складывать из кусочков.

— Не видела таких.

— Не важно. — Би провела рукой по лбу, все еще глядя на планшет. — Но если я права и они действительно выпали, то все дело во мне. Говорят, к этому рано или поздно приходят почти все праймы.

— К чему?

— К безумию. — Теперь по планшету вместо букв бежали картинки, причем так быстро, что Мириам ничего не могла разобрать.

— Но почему?

— Помнишь, Таня просила рассказать о том, как становятся Мечами короля?

— Да.

— Это не для ребенка. Хочешь, я расскажу об этом тебе?

Позже, глядя на улицу из окна своего номера и расчесывая мокрые волосы, Мириам поймала себя на мысли об Арго, о том, что она почему-то ждет, когда тот появится на площади, как в прошлую ночь. Это удивило ее и на несколько минут отогнало слова Би, все еще звучащие в ее ушах.

Правильные, красиво сложенные, произнесенные так, как никогда не смогла бы сказать их сама Мириам. Мечи короля и в самом деле одинаково хорошо могли рубить людей на части и рассказывать истории. Возможно, не все они, а только этот конкретный Меч, сама Би.

«Сначала они отбирают детей из тех, что учатся в военных школах. Праймами хотят стать все, хотя мало кто знает, что это значит, и поэтому корпусу достаются лучшие из лучших. В четырнадцать лет тех, кто прошел экзамен и первое испытание, начинают учить не так, как всех остальных. Им дают математику, физику, подвергают изнурительным тренировкам их чувства, отсеивают негодных. К шестнадцати годам в корпусе остается не более половины отобранных.

Это закрытое заведение. Те, кто проходит второе испытание в шестнадцать лет, оказываются оторваны от своих семей и родных на три года, в течение которых комиссия принимает окончательное решение, годны ли они на роль прайма или нет. Учеников в это время ждет лишь еще более жесткая программа подготовки и безжалостный отбор.

Самый тяжелый год — третий. До этого будущих праймов только учат, почти как обычных солдат — рукопашный бой, огневая подготовка, использование каров, тяжелых орудий и боевых машин, обработка данных разведки, картография и много чего еще, что может пригодиться воину, но третий год меняет программу.

Есть ряд упражнений и техник, которые нужно освоить до того, как прайм-линк войдет в твой мозг. Они подготавливают тебя к тому, что случится потом, учат работать с потоками информации, плотность которых ты до этого не могла и представить. Они мучительны: многие часы в камерах, изолированных от внешнего мира, тысячи картинок, которые показывают тебе, а затем заставляют распределять и классифицировать, наркотики, изменяющие сознание на целые сутки, в течение которых тебе приходится управлять каром или сражаться в невыносимых условиях. На этих тренировках отсеивается еще половина.

Говорят, что в небесных городах готовят не так. У них предварительный этап занимает

десятилетия. У нас научились преодолевать его за год, но праймы платят за это свою цену».

Мириам прислушалась, но снизу, из главного зала, не доносилось ни звука. Би говорила с наемниками очень тихо. Мириам не поняла до конца, чему именно учили праймов, но бесстрашие явно входило в программу их подготовки. Би совершенно равнодушно отнеслась к появлению двух громил у дверей гостиницы. Через несколько минут Мириам поняла, почему это так.

Здоровенные наемники с нашивками молотов явно заискивали перед бледнокожей девушкой, ведущей себя так, словно она была по меньшей мере их работодателем. Флай не появился, а двое парней, пришедших по его приказу, просто боялись Би. Мириам не нужно было вглядываться в их цвета, чтобы понять это.

Возможно, ее учили и внушать страх. Задумавшись об этом, Мириам вспомнила, что тоже боится непонятных смен настроения, резких движений, в особенности маски воительницы. Би могла только казаться обычной, чем-то даже похожей на Мириам, но малейшая попытка сравнения обнажала в ней нечто, вызывающее страх, пласт чего-то чуждого, наполненного ужасом и насилием.

Не Би, но Ребекка Ли, прайм, говорила внизу с парой наемников, и у них были все основания бояться ее.

«По истечении трех лет, после экзаменов, способных свести с ума, ученики признаются готовыми к прайм-линку. Они принимают присягу, им рассказывают о долге перед крепостью и о героизме. Ведь пути назад больше нет, операция необратима. Никто из принимающих присягу не знает, что на самом деле им предстоит, к этому не могут подготовить никакие тренировки. Их всех хорошо кормят и заставляют высыпаться, перед тем как по жребию допустить в медицинскую часть корпуса.

Они входят в большой освещенный зал и видят каркас. Так называется то место, где им предстоит провести ближайшие одиннадцать часов. Этот самый каркас похож на человека, сплетенного из металлических прутьев и стоящего, разбросав руки в стороны, очень большого. Он нужен потому, что во время операции приходится стоять неподвижно и быть в сознании. Таня спрашивала верно. Когда тебе разрезают голову, это мучительно, несмотря на наркоз, но боль быстро уходит, а потом становится гораздо хуже.

Прайм-линк выглядит как сеточка из тонких серебряных нитей, которую опускают на твой мозг. Ты это видишь на больших экранах, окружающих каркас. Каждое ее прикосновение что-то обозначает — вспышку памяти, чувство жара, яркий свет. С тобой говорят, и тебе приходится отвечать на вопросы. Каждая нить — это вопрос, чувство или воспоминание. Их сотни, они проходят сквозь тебя, а ты смотришь со стороны на свою вскрытую голову и не можешь пошевелиться. Одиннадцать часов становятся вечностью, пыткой, заполненной жестокими вопросами. Потом наступает темнота, и ты не знаешь, завершилось ли все или через секунду начнется снова.

Сон после установки прайм-линка длится трое суток, да и потом не все приходят в себя. За последующие два года тренировок выходит из строя часть связей в прайм-линке, дающих слабину. Для некоторых это тоже заканчивается фатально. К выпуску приходят лишь те, кому хватило сил бороться до конца. Им очень-очень повезло, но и они, как правило, не живут слишком долго».

Мириам отложила гребешок, зевнула, и словно в ответ на этот тихий звук скрипнула дверь. Би вошла, повесила тяжелый игольник на спинку кровати, зацепив ремнем за столбик, и подошла к окну.

Мириам некоторое время молча рассматривала ее профиль, потом спросила:

— Они ушли?

— Да, — ответила Би устало. — Ничего нового. Их глава ранен. Пленные точно не знают, где искать Паука, но город маленький. Завтра они прочешут Яму.

— Хочешь спать?

— Да. Нужно ложиться, завтра рано вставать.

— Почему?

— Помнишь, я тебе кое-что обещала?

Мириам задумалась. Би села на кровать, вытащила второй игольник из-за пояса, стянула брюки вместе с ботинками, бросила их на пол и с ногами забралась на одеяло. Ее белая кожа мерцала в темноте. Сидя на кровати в одной майке, она быстро разобрала оружие и сложила все части обратно.

Мириам присела на край своей кровати, рассматривая Би, и ее слова снова всплыли в памяти девушки:

«Нас очень мало. Да, подготовить таких, как мы, весьма сложно, но причина еще и в том, что каждый из нас носит в себе свою смерть как бомбу, обреченную взорваться. Мы знаем, что у нас совсем немного времени, и стараемся успеть сделать как можно больше, прежде чем откажет память или же провода, дающие нам возможность думать и действовать быстрее всех, выжгут в награду наш мозг. Потому нет ничего глупее и хуже, чем предать клятву прайма, отказаться от того, что ты уже сделала с собой. Только этому нет прощения».

— Ты никогда так долго не говорила, — сказала Мириам.

— Очень давно, — ответила Би, заворачиваясь в одеяло. — Но мне нужно было объяснить тебе. Джино напомнил мне, что это значит, чего мне на самом деле ждать. Ложись выспись, это будет трудно.

— Что трудно?

— Научиться стрелять.

Иосиф Картель никогда не любил шахматы.

Он считал их игрой для военных, прямолинейных и ограниченных, словно фигуры на доске, способных ходить только одним, заранее определенным образом. Шахматы отражали их реальность. Фигура не могла изменить свой цвет или пойти не должным образом. Невозможно было купить третью ладью или короля.

В мире, который знал Картель, случалось иначе.

Старинные шахматы достались ему от отца. Это была растрескавшаяся каменная доска, аккуратно склеенная, покрытая защитным лаком, и неполный набор фигур. Недостающие пришлось заказывать у ювелиров в Чикаго. Больше никто не знал, почему и зачем так резать камень.

Мало кто помнил, для какой игры предназначаются эти фигуры.

Отец давно умер и отдыхал на маленьком кладбище в Атланте. Место в этом некрополе королей стоило больше годового дохода некоторых мануфактур. Такова была маленькая прихоть старика, которую Картель исполнил, не понимая.

Не все ли равно, где лежать?

А шахматы остались, за ними почему-то лучше думалось. Картель неплохо играл, хотя найти соперников было сложно. Поэтому большую часть времени они просто пылились здесь, в задней комнатке механической кузницы. Он предпочитал ее другим кабинетам, сделанным скорее напоказ, залу для официальных приемов рядом с магистратом, личным комнатам в «Гелиотропе» и в «Белой кошке» — всем тем местам, которые были созданы для других.

Это помещение принадлежало только ему.

В нем не было ничего лишнего — маленькое окно с матовым стеклом, пропускающее немного света, простая лампа над старым рабочим столом, шкаф для документов, сейф и пара кресел у столика с шахматами, очень старых, кожаных, со следами штопки. Даже звуки кузницы, постоянно проникавшие сюда, — удары парового молота, свист и скрежет станков — были частью кабинета, не позволяли расслабиться и забыться.

Картель поставил на столик стакан с недопитым виски и дотронулся до белого ферзя. Он всегда играл белыми, предпочитая чистые цвета. Перед началом партии фигуры были расставлены ровными рядами, и даже ферзь пока не мог прыгнуть. Потом он становился непредсказуемым, мог двигаться так, как все остальные фигуры, вместе взятые, кроме разве что одной.

Но что происходит, если у противника два ферзя?

Картель внимательно смотрел на черную фигуру женщины в цилиндрической каменной шапочке, замершую рядом с королем.

Что делать, если ты не знаешь, как на самом деле способен двигаться второй ферзь? Как предугадать его движение, построить защиту?

Два раза мигнула небольшая красная лампа, спрятанная под столешницей: охрана сообщала о приходе сына. Ладьи? Возможно, когда-нибудь, но не сейчас. Пока просто пешки.

Дэвид вбежал в кабинет, хлопнул дверью, и Картель с некоторым удовлетворением заметил, что кобура у него на поясе стала значительно меньше. Теперь там явно

располагалось более практичное оружие. Несколько секунд они смотрели друг на друга, разделенные шахматным столом.

— Не нужно, — наконец сказал Дэвид немного растерянно, словно забыв то, что повторял по дороге.

— Что не нужно? — холодно уточнил Картель.

— Не отсылай меня, отец.

— Это уже решено. Мой человек будет ждать у восточных ворот завтра утром. У него хороший конвой, и он знает, как обойти рейдеров. Уже к вечеру может быть поздно.

— Я хочу остаться.

— Зачем? — Картель фыркнул и снова взялся за стакан с виски. — Хочешь сражаться? На стенах? С простыми горожанами? С гвардейцами?

— Не хочу убегать. — Дэвид упрямо выпятил подбородок. — Это позор.

— Позор?! — рывкнул Картель, привстав, и шахматы на столе вздрогнули. — И это все, о чем ты подумал?! А ты не вспомнил о нашем деле, которому требуется хозяин?! Скажи, кто станет наследником, если со мной что-то случится?! Ты забыл о своей сестре, да и о матери. Что они будут делать, если мы оба останемся здесь?!

Дэвид отступил, услышав крик отца.

— Значит, ты действительно думаешь, что они?..

— Я учитываю все варианты, — уже спокойнее ответил Картель, снова глядя на шахматную доску. — Если случится худшее, семья не должна потерять дело, только собственность в Хоксе. При другом развитии событий мы можем приобрести гораздо больше, чем у нас было.

— Иначе?

— Не спрашивай. Ты уезжаешь, и тебе не нужно этого знать. Я напишу два письма — одно твоей матери, второе с распоряжениями на всякие случаи. Тебе их хватит на первое время, а дальше придется думать самому.

— Отец!..

— Дела идут не очень хорошо, и ты сам знаешь, что сегодня случилось. Если ты окажешься далеко отсюда, мне будет спокойнее.

— Отец, это из-за этой... из-за нее?

— Она — только одна фигура из многих, живое оружие, с которым не получается договориться. Помнишь, о чем мы с ней говорили? У оружия есть один недостаток — оно ничего не стоит само по себе, обязано служить, подчиняться.

— Так чьи приказы собирается выполнять эта девка?

— Похоже, она нашла общий язык с нашим бароном.

— И теперь стала нам врагом? Она и эта ее?..

— Врагов не бывает. — Картель откинулся на спинку кресла. — Они — лишь фигуры на этой доске, которые не могут изменить свое предназначение. В реальном деле не бывает противников, сын. Есть конфликты интересов, твоих и чужих. Сумей их решить — и врагов больше не будет. Барон ни разу не выступил против меня. Когда этот город только строился, сюда везли бетонные блоки и сваривали опоры из железа, подобранного на кладбище машин, он уже был здесь, вместе со мной. Мои люди продавали воду, обменивали мясо с холмов на инструменты, а молодой беглый прайм со своей боевой машиной охранял нас, был везде и всюду. Стоило кому-то покуситься на нашу собственность или нарушить порядок, он убивал без сомнений, быстро и эффективно. Потом его интересы изменились.

Сын молча смотрел в сторону, все так же выпятив подбородок, и выражение его лица внезапно напомнило Картелю о матери Дэвида, не той, которой предназначалось письмо, а настоящей, исчезнувшей где-то под Фаэтоном после налета работорговцев.

— Я понял, отец, — наконец-то сказал парень. — Но разве я не могу еще чем-нибудь помочь, пока буду здесь? Хотя бы...

— Нет! — резко ответил Картель. — Ты нужен мне, но далеко отсюда. Это не обсуждается.

— Но я хотел...

— Иди собирайся, у меня еще много дел.

Дэвид опустил на него глаза и резко кивнул, словно приняв какое-то решение:

— Прощай, отец.

Молодой человек вышел так же резко, как и вошел, снова хлопнув дверью, а Картель некоторое время смотрел ему вслед. Он не собирался так быстро выгонять его, тоже хотел сказать ему нечто такое, о чем думал все утро, очень важное, но забыл как раз перед приходом сына.

Отъезд Дэвида действительно все упростит. Пора убрать пешку, чтобы она смогла когда-нибудь стать ферзем, даже если сама еще ничего не понимает.

— Что за глупая игра? — сказал Картель самому себе. — Где это видано, чтобы один король не мог договориться с другим?

Больше книг на сайте - Knigolub.net